

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск I

Н. ПЕСТЕЛЬ, Н. ОБРУЧЕВ, А. МЕДВЕДЕВ

и другие военные писатели

О РУССКОЙ АРМИИ

(1817–1917 гг.)

МОСКВА

1992

Редактор первого выпуска «Российского военного сборника»
А.Е. Савинкин

Издается при содействии Государственного Комитета Российской
Федерации по оборонным вопросам и Гуманитарной академии Вооруженных Сил

© ГАВС, 1992

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ.....	4
«РУССКАЯ ПРАВДА». П.И. Пестель.....	10
Государство и народ.....	11
Законы.....	18
Безопасность.....	22
О ВООРУЖЕННОЙ СИЛЕ И ЕЕ УСТРОЙСТВЕ. Н.Н. Обручев.....	29
1. Обеспечение внутренней и внешней безопасности.....	33
2. Соразмерность вооруженных сил с населением.....	35
3. Соразмерность вооруженных сил с материальными или финансовыми средствами страны.....	38
4. Качество войск и их организация.....	42
5. Общий вид или состав различных военных систем.....	46
МЫСЛИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ.....	50
1. Самобытность народной жизни.....	50
2. Основания военной системы.....	58
3. Комплектование войск.....	64
4. Организация и обучение войск.....	68
5. Нравственный элемент армии.....	74
6. Содержание войск.....	82
ОБ АРМИИ. А.М. Волгин.....	85
1. Постоянная армия или милиция?.....	85
2. Армия и политика.....	89
3. Об армии в России.....	95
КОНСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ОЧЕРКА РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ. Н.А. Данилов.....	107
Развитие военного управления в период до Петра Великого.....	107
Развитие военного управления в 18 веке.....	109
Развитие военного управления в 19 веке.....	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	124
РУССКАЯ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА БУДУЩЕГО. А.И. Медведев.....	131
Предисловие.....	131
1. Необходимость вооруженной силы.....	134
2. Организация вооруженной силы.....	145
ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ.....	159

К ЧИТАТЕЛЮ

Концептуальный замысел «Российского Военного Сборника» («РВС») представляется в следующем виде. Планируется издать отдельными книгами три выпуска. Предложенный читателю первый выпуск является историческим, состоит из работ, написанных (опубликованных) в 1817–1917 годах. Второй выпуск будет посвящен общим проблемам современной военной политики России, перспективам создания и развития ее собственных вооруженных сил. Третий отразит конкретную программу военного строительства на территории Российской Федерации.

Издание «РВС» преследует несколько целей: 1) теоретически обосновать военную политику России, варианты развития ее вооруженных сил в ближайшей перспективе; 2) содействовать военно-политическому образованию офицеров российской армии, других профессиональных военнослужащих; 3) подготовить условия для возрождения ежемесячного журнала «Военный сборник», который издавался в Российском государстве в 1858–1917 годах; 4) привлечь интеллектуальные силы гражданского общества и вооруженных сил для обсуждения военно-политических и армейских проблем на страницах этого журнала.

Исходя из этого, отбирались статьи первого, исторического выпуска «РВС». Они содержат общую информацию об истории развития российской армии, ее положительных и отрицательных сторонах, характере военных преобразований. Более подробные сведения по этим вопросам читатель может получить, обратившись к источникам, приведенным в библиографии.

Среди авторов сборника признанные и непризнанные, известные и неизвестные военные писатели. Их объединяет неудовлетворенность существовавшей в то время военной системой, стремление улучшить ее в интересах народа и общества. Мысли, которые высказываются на страницах «РВС», связаны с вечными проблемами военной политики. Возникает ощущение, что они написаны для нас, живущих в конце 20 века. Форма военной системы оставалась, за исключением кратковременного периода, неизменной на протяжении всего последнего столетия. Многие предложения по усовершенствованию вооруженных сил так и не были за это время услышаны. Но благодаря этому возникла историческая преемственность, без которой невозможно воссоздание армии новой демократической России.

Поражает политический кругозор и широта взглядов полковника

П.И. Пестеля. В непростое время писал он книгу о справедливом государственном устройстве России. Подробно изложил права и обязанности народа и правительства, отдельных граждан, определил структуру и функции государственной власти. «Русская Правда» явилась главной причиной для вынесения ему смертного приговора. Основные ее идеи и по сей день не потеряли значения для создания правового государства.

Статья профессора Н.Н. Обручева, в последующем начальника Главного штаба, опубликована в первом томе «Военного сборника» в 1858 году. Своей информативностью она превосходит многие «учения» о войне и армии советского периода. Рассуждения А.М. Волгина о взаимодействии армии и политики написаны так, что помогают разобраться в современной политической ситуации. Критику А.И. Медведева в отношении кадровой военной системы, основанной на всеобщей воинской обязанности, можно вполне использовать и сегодня. Его статья «Русская вооруженная сила будущего» помещена в последнем номере «Военного сборника» (июнь 1917 г.). Продолжения ее так и не последовало. Автор книги «Мысли об организации Русской Народной Армии» остался пока неизвестным. Но общую характеристику модели российской армии, которую он предлагает, можно и в настоящее время использовать в военном строительстве демократической России.

Все они считали, что военную систему России следует создавать на основе передовых идей и опыта отечественного и зарубежного военного искусства. Но искать такие формы их использования, которые бы отвечали национальной специфике страны, ее общественным потребностям. И, конечно, при условии, что вооруженная сила должна «существовать не только без ущерба для благосостояния государства, но, напротив, ему содействуя» (Обручев). Большинство из них считало, что надлежащей политикой, организацией вооруженных сил России, их своевременными преобразованиями достигается многое: благополучие и мир, целостность и независимость государства, существенное сокращение армии и военного бюджета.

В редакторской интерпретации основные положения данного сборника по вопросу российской армии можно представить в виде следующих тезисов.

1. Мир является нормальным состоянием российского общества, в котором армия содержится «не для завоевательных целей, а для обеспечения внутренней и внешней безопасности государства. Вот высокое и вместе с тем единственное назначение войска» (Обручев).

2. В системе факторов политического могущества государства армия и

флот занимают второстепенное место; они сами обусловлены уровнем развития материальных и духовных сил страны, которые и позволяют содержать армию определенного количества и качества. Численность российской армии, кроме того, определяется: количеством населения, международными условиями, наличием враждебных государств, численностью армий соседей, размером территории, степенью мобильности войск, уровнем доверия между правительством и народом, наличием союзников и т.д.

3. Армия России состоит из части граждан, «решивших жертвовать собой для блага общества, имеющих, следовательно, полное право на совершенное почтение и уважение соотечественников» (Пестель); к армии надо относиться бережно. Уберечь ее от разрушительной критики можно только в том случае, если она является хорошей, качественной («число войска менее действует, нежели искусство и хорошее образование оного»), способной к самореформированию, своевременному устранению возникающих недостатков.

4. Армия служит не просто народу, но и законному правительству; она может существовать только в государственной форме, находится под контролем и должна держаться в стороне от политики. «Дело армии — поддерживать не партию, а закон, законный порядок, законную власть... Как только армия присоединяется к какой-либо партии, она превращается в величайшую опасность для государства: у армии в руках страшная сила...» (Волгин). В скобках заметим, что сегодня в большинстве цивилизованных стран политические права военнослужащих именно в силу этой причины ограничены законом. В пресечении массовых беспорядков используются резервные, а не регулярные армейские части. Существует понимание, что стабилизирующим фактором выступает только качественная, деполитизированная армия. В условиях крайнего безвластия только она может явиться основой восстановления эффективного гражданского правления.

5. Обновленной России нужны вооруженные силы, соответствующие ее естественному самобытному развитию, тесно связанные с народом, простые по устройству. «Милиция по форме и боевые войска по внутренним достоинствам — вот какого рода армия нужна для России» («Мысли об организации Русской Народной Армии»). Российскому гражданскому обществу более соответствует народная армия, а не солдатско-казарменная. Кстати отметить, русский народ, пока его не изуродовал самодержавный режим, да даже и при нем, хорошо защищал Отчизну добровольно. Первая военная система Руси строилась на этой основе и носила название дружинно-ополченческой. На Сенатскую площадь

декабристы вышли с лозунгом упразднения постоянной армии, но в своих спорах пришли к мысли, что России нужно смешанное войско, как бы постоянно-милиционное (сухопутная и морская сила Императора + Земское войско).

6. Всю вооруженную силу целесообразно разделить на боевую и вспомогательную (регулярную и резервную) части; ей следует быть во «всегдашней готовности», причем «не должно быть различия между мирным и военным положением войска» (Пестель). Мобилизация как способ сбора полуподготовленного российского войска заменяется системой добровольного найма и территориального комплектования. Части российской армии приобретают на этой основе, при соответствующем обучении и образовании, необходимую нравственную спайку, образ малой Родины, высокий моральный дух и индивидуальность.

7. Система военного управления Россией всегда была сложной, запутанной, бюрократической. В ней постоянно велась борьба личностных и коллегиальных начал, которая объяснялась разными причинами. Закончилось все созданием единоначальной централизованной военной системы, которая после «децентрализации» 70-х годов 19 века стала включать дополнительно еще и военно-окружную систему. Представление об этих процессах дает «Конспект исторического очерка развития военного управления в России» Н.А. Данилова, в конце которого отмечается: «Лишь с воцарением Императора Александра II русское военное управление вступило на правильный путь, по которому продолжает твердо идти и до настоящего времени».

В то же время судьбоносные для России вопросы военного управления не были решены. В тени осталась проблема разделения военного министерства на распорядительную и исполнительную части, государственной нецелесообразности (Пестель) слияния в одном и том же лице «главноначальствующего» над войсками в мирное и военное время. В ходе дискуссии о военной реформе 70-х годов 19 века оппоненты Д.А. Милютин и генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский и генерал-майор Р.А. Фадеев предложили разделить две функции военной власти: военный министр назначается из гражданских чинов и занимается административно-хозяйственными вопросами (снабжение армии всем необходимым); непосредственно же управляет армией первый военный человек — начальник Главного штаба. Их голос до сих пор не услышан. В серьезные войны армия так и вступала неподготовленной: ни с точки зрения военного искусства, ни с точки зрения материально-технического снабжения.

Самодержавно-тоталитарно-авторитарный режим длительное время уродовал не только народ, но и армию, приспособливая ее под свои потребности и идеологические цели. Он неоднократно ставил страну на грань катастрофы: армия вовлекалась в гражданские междоусобные войны и конфликты; оказалась неподготовленной к 1-й и 2-й мировым войнам, в результате чего противник неоднократно проникал на нашу территорию; в послевоенное время Вооруженные Силы СССР прямо или косвенно участвовали в международных конфликтах, забирали себе лучшие материальные, людские и духовные ресурсы страны, львиную долю ее ВВП.

Союзное государство рухнуло. Армия бывшего СССР осталась под контролем Содружества Независимых Государств. Она политизируется и распадается, раздирается независимыми государствами на части и требует сохранения своего единства. Трудно себе представить, что в таком виде армия явится стабилизирующим фактором общества, находящегося к тому же на этапе длительного кризисного развития. Даже если значительная ее часть, в силу политических причин, перейдет к вооруженным силам России.

Вооруженные силы СНГ представляют собой пока единственную организованную силу на территории России, состоят в большинстве своем из граждан Российской Федерации. Их кадровый состав следует рассматривать в отрыве от старой военной системы, он может и должен рассчитывать хотя бы на понимание со стороны правительства и общества, на серьезную государственную программу сокращения вооруженных сил, адаптированное и материально подготовленное вхождение в гражданскую жизнь. Причем настоящие военные специалисты имеют право занять достойное место не на фронтах гражданской войны, как это было в 1917–1920 годах, или в армиях других независимых государств, а в новой российской армии.

Военная система демократической России должна строиться на принципиально иных основаниях, чем это было в Российской Империи и в СССР. Что это за основания? Какой быть российской армии в период реформ и после них? Эти вопросы адресуются и к заинтересованному в судьбе российской армии читателю. Ответ на них может быть найден только в ходе серьезной общественной дискуссии. Сформулированные выше тезисы предназначены как раз для того, чтобы очертить ее предмет для обсуждения и начать его с исторической точки зрения.

При знакомстве с книгой читатель будет несомненно иметь в виду события, связанные с двумя мировыми войнами, революцией и последовавшей за

ней Гражданской войной. Следует, видимо, обратить внимание на военно-политическую литературу 20-х годов, когда в стране еще продолжались творческие дискуссии о путях военного строительства и был осуществлен переход к демократической кадрово-милиционной военной системе. Соответствующие уроки надо извлечь из непоследовательной «военной реформы» горбачевского периода, которая нашла отражение в специальной литературе и периодических изданиях.

Нельзя проигнорировать те колоссальные изменения, которые произошли в военном деле в 20 столетии. Межгосударственные войны стали все более разрушительными и редкими; они постепенно превращались в вооруженные конфликты малой интенсивности. Появились профессиональные армии, которые, благодаря новейшим оружию и технике, мобильности войск, смогли достигать стратегических целей в скоротечных локальных войнах. Об этом свидетельствует опыт войны США и их союзников по коалиции против Ирака в начале 1991 года.

Устройство армии стало определяться не только традиционными, но и новыми факторами: предотвращением войн, укреплением гражданского мира, интегрированностью армии в общество, развитием военных технологий и другими.

Связи между прошлыми и настоящими военно-политическими событиями и идеями читатель способен установить сам. Однако для этого ему потребуется обратиться к дополнительным источникам по общей, политической и военной истории России, СССР и последующих государственных и негосударственных образований.

Статьи авторов печатаются с некоторыми сокращениями. Для сохранения своеобразного стиля произведений того времени орфография и пунктуация в некоторых местах оставлены без изменений.

Редактор

«РУССКАЯ ПРАВДА»

«Ужасные происшествия, бывшие во Франции во время Революции, заставляли меня искать средство к избежанию подобных, и сие-то произвело во мне впоследствии мысль о Временном Правлении и его необходимости, и всегдашние мои толки о всевозможном предупреждении всякого междуусобия. От монархического конституционного образа мыслей был я переведен в республиканский, главнейше, следующими предметами и соображениями. — Сочинение Детю де-Траси на французском языке очень сильно подействовало на меня. Он доказывает, что всякое правление, где главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей сан наследствен, неминуемо кончится деспотизмом. — Все газеты и политические сочинения так сильно прославляли возрастание благоденствия в Северных Американских Соединенных Штатах, приписывая сие государственному их устройству, что сие мне казалось ясным доказательством в превосходстве республиканского правления. — Новиков (член «Союза благоденствия») говорил мне о своей республиканской конституции для России, но я еще спорил тогда в пользу монархической, а потом стал его суждения себе припоминать и с ним соглашаться. — Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик, и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима в дни республики с плачевным ее уделом под правлением Императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей... — Мне казалось, что главное стремление нынешнего века состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанными. Я судил, что сии аристокрации сделаются наконец сильнее самого монарха, как то в Англии, и что они суть главная препона государственному благоденствию и притом могут быть устранены одним республиканским образованием государства. Происшествия в Неаполе, Испании и Португалии имели тогда большое на меня влияние. Я в них находил по моим понятиям неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей. Из сего изволит Комитет усмотреть, что я в сем образе мыслей укреплен был как чтением книг, так и толками о разных событиях, а также и разделением со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сие произвело, что я сделался в душе

республиканец и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в Республиканском Правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то, представляя себе живую картину всего счастья, коим бы Россия по нашим понятиям тогда пользовалась, входили мы в такое восхищение и — сказать можно — восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содействовать бы могло к полному введению и совершенному укреплению и утверждению сего порядка вещей; обращая при том же большое внимание на устранение и предупреждение всякого безначалия, беспорядка и междуусобия, коих я всегда показывал себя самым ревностнейшим врагом» (Из материалов следствия по делу декабристов, 1826 г.).

Государство и народ

Правительство имеет обязанность распорядиться общим действием и избирать лучшие средства для доставления в государстве благоденствия всем и каждому. А посему имеет оно право требовать от народа, чтобы оный ему повиновался. Народ же имеет обязанность правительству повиноваться; но за это имеет право требовать от правительства, чтобы оно непременно стремилось к общественному и частному благоденствию и только бы то повелевало, что истинно к сей цели ведет, и без чего не могла бы она быть достигнута. На сем единственно равновесии взаимных обязанностей и взаимных прав может существование какого бы то ни было государства быть основано, а посему и переходит государство, при потере сего равновесия из природного и здорового своего положения, в состояние насильственное и болезненное. Установление сего равновесия на твердых основах есть главная цель сей Русской Правды и коренная обязанность каждого законодателя.

Народ есть совокупность всех тех людей, которые, принадлежа к одному и тому же государству, составляют гражданское общество, имеющее целью своего существования возможное благоденствие всех и каждого... Правительство существует для блага народа и не имеет другого основания своему бытию и образованию, как только благо народное, между тем как народ существует для собственного своего блага и для выполнения воли Всевышнего. Правительство есть совокупность лиц, занимающихся отправлением дел общественных. Оно поставлено в обязанность доставлять народу благоденствие и потому право имеет государством управлять для достижения сей предназначенной цели. Обладая сим

правом, оно должно иметь и соразмерную власть, дабы обязанность могла быть выполнена и право было бы действительным...

Государственное благоденствие состоит из двух главных предметов: из безопасности и благосостояния. Отличительное и главное качество безопасности есть охранение, а благосостояния есть приобретение. Безопасность должна быть первою целью правительства, потому что может быть достигнута посредством общего только действия соединенных сил и волей, каковое соединение в правительстве именно и представляется, и что она отвечает первоначальной обязанности человека, состоящей в сохранении своего бытия. — Сверх того не может быть благосостояния, если не существует безопасности, а потому и служит она основанием сооружению государственного здания. Благосостояние должно быть второю целью правительства, ибо понятия об оном до такой степени различны, что приобретение его должно быть предоставлено каждому члену гражданского общества особенно, и что участие правительства в сем отношении должно быть ограничено дарованием защиты и удалением тех препятствий, которые бы могли превышать силы и способы частных людей тем более, что частные люди собственными трудами могут доставить себе благосостояние, но не могут одними частными своими силами утвердить безопасность...

Государство должно в политическом отношении целое составлять, и может таковым признано быть только тогда, когда все различные его части и члены совершенно крепкую и истинно тесную связь между собой имеют. Сия политическая связь между частями Государства ознаменовывается большею или меньшею одинаковостью в законах и образовании правления, от оной зависит и от оной силу и значение свое получает, и потому бывает политическая связь в государстве совершенна только тогда, когда одни и те же законы, один и тот же образ управления во всех частях государства существуют и государство из частей состоит в политическом смысле однородных и однообразных. В сем случае получает государственный состав высшую степень крепости, а силы оного высшую степень могущества. И потому полезно, для блага и величия государства, чтобы во всем оного пространстве одни и те же законы, один и тот же образ управления существовали. Надлежит только рассмотреть, может ли сие единообразие существовать...

Распределение народа на сословия, занимающиеся исключительно земледелием, изделиями или торговлей, совершенно отвергнуто политическою экономией, доказавшей неоспоримым образом, что каждый человек должен иметь полную и совершенную свободу заниматься той отраслью промышленности, от

которой наиболее ожидает для себя выгоды и прибыли, лишь бы честен был и к законам исполнителен. Правительство должно, конечно, способствовать всеми мерами к усовершенствованию народного богатства, но споспешествование сие должно состоять в разных законодательных и вспомогательных мероприятиях относительно промышленности, а не в распределении народа по отраслям промышленности, которое, напротив того, мешает повсеместному преуспеянию народного богатства. Сверх того надлежит еще при сем заметить, что все сословия, составляющиеся через распределение частных лиц по отраслям промышленности, самые суть безрассудные и зловредные, потому что, имея основанием своего бытия богатство, они все желания и помышления обращают единственно на деньги; другого отличия между людьми не знают, как одни деньги; богатство ставят первейшим достоинством, превышающим все прочие, и, соделывая народ ужасно падким к корыстолюбию, производят неминуемую порчу в нравах. Известно, что исключительная любовь к деньгам граничит к скупости, а сей порок более всякого другого соделывает человека жестокосердным, почему и по всей справедливости сказать можно, что таковые сословия суть самые бесчеловечные до чрезвычайности умножают число бедных и нищих и основывают свое влияние на народ не на общем мнении, но на золоте и серебре, посредством коих подавляют общее мнение, как хотят, и приводят народ в совершенную от себя зависимость. Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристократией, во имя коей начинает возникать аристократия богатства, вреднейшая аристократии феодальной, ибо сия последняя общим мнением всегда потрясена быть может и, следовательно, некоторым образом от общего мнения зависит, между тем как аристократия богатства, владея богатствами, находит в них орудия для своих видов, противу коих общее мнение совершенно бессильно и посредством коих оно приводит весь народ, как уже сказано, в совершенную от себя зависимость.

Обладать другими людьми, как собственностью своей, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей на подобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное, наконец, заповедной воле Всевышнего, гласящего в Священном Писании, что люди перед ним все равны, и что одни деяния их и добродетели разницу между ними поставляют. И потому не

может долее в России существовать позволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми...

Порядок должен в государстве существовать и не может быть иначе введен как разделением государственного пространства на части, почему и имеет быть вся Россия разделена на области. — Каждая область на несколько губерний, каждая губерния на несколько уездов, каждый уезд, наконец, на несколько волостей. Дальнейшее деление каждой волости на частные имущества или поместья не есть уже деление политическое или общественное, но есть деление гражданское или частное. — Из сего явствует, что при делении земельного пространства государства на части волость должна быть признана политической единицей.

Все члены одной и той же волости составляют вместе, так сказать, одно политическое семейство под названием волостного общества. Сие распределение народа по волостям имеет заменить ныне существующее распределение по сословиям и отраслям промышленности. Промышленность предоставится всем россиянам одинаковым образом, а сословия сольются в одно общее сословие гражданское. Каждый россиянин будет гражданином Российского государства и в особенности гражданином такой-то волости. Для удобнейшего введения сего порядка должна каждая волость два списка своих членов или граждан содержать: один гражданский, а другой — скарбовый. — Первый означает членов волости по лицу, а второй по имуществу. Первый содержит имена всех граждан, к той волости приписанных и в составе волостного общества считающихся; второй содержит имена всех граждан, имеющих какое-нибудь имение в той волости. — Из сего явствует, что один и тот же россиянин может состоять в одно и то же время в скарбовых списках нескольких волостей, ибо в разных волостях имение может иметь и, следовательно, с каждого имения на общих правилах подать платить обязан, между тем как в гражданском списке только одной волости состоять может, ибо гражданский список означает лицо, а каждый гражданин есть только одно лицо и каждое лицо только один голос в государстве иметь может.

Совокупность всех обязанностей и всех прав российских граждан составляет Российское гражданство и разделяется на три разряда: первый разряд содержит права политические, посредством коих определяются взаимные отношения народа с правительством и участие, народом в управлении принимаемое. — Второй разряд содержит права гражданские, посредством коих

определяются взаимные отношения граждан между собой и способы, коими собственность приобретается, как то: правила родства, бракосочетания, опекуна, всякого рода договора и т.д. Третий, наконец, разряд содержит права личные, посредством коих определяются образ действия и существования граждан в тех случаях, когда они не находятся в непосредственном сношении ни с правительством, ни с другими гражданами, и когда дело идет об них одних, например свободное вероисповедание, свободная промышленность, личная свобода и т.п. Сие разделение весьма важно и никогда из виду не должно быть упускаемо, ибо на оном основана точность и положительность гражданского права. Все российские граждане должны одинаковым образом пользоваться всеми правами частными, гражданскими и политическими и пользоваться оными на целом пространстве всего государства.

Должны также все взаимные отношения народа к правительству и сего последнего к первому во всем государстве на одинаковых началах устроены быть, и все обязанности политические на всех граждан вообще одинаковым образом быть распространены...

Разделение земельного пространства государства на части бывает двоякого рода: политическое и гражданское. Первое необходимо для лучшего устройства правления; второе образует частные собственности. — Первое остается в неперменном положении, всегда одно и то же; второе подвергается частным изменениям по случаю права обладания. Для введения первого было объяснено предположение о разделении России на области, уделы, округа, уезды и волости и сказано, что волости составляют единицы сего разделения. Теперь приступаем к рассмотрению гражданского разделения земель, которое там начинается, где политическое оканчивается, т.е. от волостей.

О сем гражданском разделении земель много было рассуждаемо, причем все сии рассуждения разделялись на два главные мнения. Первое мнение объясняется таким образом: человек находится на земле, только на земле может он жить, только от земли может он пропитание получать. Всевышний сотворил человеческий род на земле и землю отдал ему в достояние, дабы она его питала. Природа производит все то сама, что к пище человека служить может. Следовательно, земля есть общая собственность всего рода человеческого, а не частных лиц, и посему не может она быть разделена между несколькими только людьми, за исключением прочих. Коль скоро существует хоть один человек, который никаким обладанием земли не пользуется, то воля Всевышнего и закон природы совершенно нарушены и права естественные человека устранимы

насилием и злоупотреблением. На сем соображении был основан известный поземельный закон римский, который устанавливал частое разделение земель между всеми гражданами. Второе мнение, напротив того, объясняет, что труды и работы суть источники собственности и что тот, который землю удобрял и оную способной сделал к произведению разных произрастаний, исключительное должен на ту землю иметь право обладания. К сему суждению прибавляется еще и то соображение, что дабы хлебопашество могло процветать, нужно много издержек, которые тот только сделать соглашается, который в полной своей собственности землю иметь будет; что неуверенность в сей собственности, сопряженная с частым переходом земли из рук в руки, никогда не допустит земледелия к усовершенствованию. Посему и должна вся земля быть собственностью нескольких людей, хотя бы сим правилом и было большинство людей от обладания землею исключено. Сии два мнения совершенно друг другу противоречат, между тем как каждое из них много истинного и справедливого содержит. Сие происходит от того, что оба сии мнения заключения свои до крайности доводят. А дабы ясно усмотреть можно было, в каком отношении каждое из сих мнений справедливо и в каком ложно, надлежит следующими правилами руководствоваться:

1) человек может только на земле жить и только от земли пропитание получать, следовательно, земля есть собственность всего рода человеческого и никто не должен быть от сего обладания ни прямым, ни косвенным образом исключен;

2) с учреждением гражданских обществ сделались сношения между людьми многообразнее и возникло понятие о собственности. Охранение сего права собственности есть главная цель гражданского быта и священная обязанность правительства;

3) законы политические должны утверждать и обеспечивать законы духовные и естественные, а не нарушать оных. Сии последние законы должны всегда иметь перевес перед первыми, ибо они поставлены от Бога и природы и суть неизменны; между тем как политические поставлены от людей и часто переменяются;

4) наперед надобно помышлять о доставлении всем людям необходимого для жития, а потом уже о приобретении изобилия. На первое каждый человек имеет неоспоримое право, потому что он человек; на второе имеет право только тот, который сам оное приобрести успеет;

5) установив возможность для каждого человека пользоваться

необходимым для его жития, не подвергая его, для приобретения оногo, зависимости от других, надлежит только дать обеспечение и совершенную свободу приобретению и сохранению изобилия.

Соображая сии коренные правила с выше изъясненными двумя мнениями, можно легко приступить к изысканию средств для соглашения обоюдных их выгод и преимуществ и устранения обоюдных несправедливостей.

Сии средства состоят в разделении земель каждой волости на две половины по угодьям, как то в предыдущей главе объяснено было в статье о казенных крестьянах. Одна половина получит наименование земли общественной, другая земли частной. Земля общественная будет всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять; она ни продана, ни заложена быть не может. Она будет предназначена для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого. Земли частные будут принадлежать казне или частным лицам, обладающим оными с полной свободой и право имеющими делать из оной, что им угодно. Сии земли, будучи предназначены для образования частной собственности, служить будут к доставлению изобилия. Земля общественная будет удовлетворять справедливым заключениям первого общественного мнения, а земли частные — второго мнения. Сим средством будут оба мнения совершенно согласены, все пять коренных выше описанных правила в полной мере соблюдены, каждый в необходимом обеспечен и полная свобода к приобретению изобилия дана тем, которые в состоянии найдутся оным пользоваться. Ежели при первом взгляде покажется введение такового порядка сопряженным с большими трудностями, то надлежит только вспомнить, что сие постановление может большие затруднения встретить во всяком другом государстве, но не в России, где понятия народные весьма к оному склонны и где с давних времен уже приобыкли к подобному разделению земли на две части.

Каждый россиянин будет или обладатель частный, имея землю в частной своей собственности, или обладатель общественный, имея право, яко член волостного общества, пользоваться общественной землею, не платя за оную найма, вся Россия будет, следовательно, состоять из одних обладателей земли и не будет у нее ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли...

Право собственности, или обладания, есть право священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может

лишить его ниже малейшей части его имущества...

Конфискация имущества в пользу казны никогда существовать не должна. Личная свобода есть первое и важнейшее право каждого гражданина и священная обязанность каждого правительства.

Гражданские общества, а следовательно и государства, составлены для возможно большего благоденствия всех и каждого, а не для блага некоторых за устранением большинства людей. Все люди в государстве имеют одинаковое право на все выгоды, государством доставляемые, и все имеют равные обязанности нести все тягости, нераздельные с государственным устройством. Из сего явствует, что все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным.

Законы

Законы суть правила, выражающие устройство и образование вещей и определяющие порядок и круг их действия. Посему и имеет всякий предмет свои законы, т.е. свое особенное устройство и образование и свой особенный порядок или круг действия. — Точно так имеет и гражданское общество или государство свои законы, долженствующие отвечать коренным и природным свойствам оною. Из сего объяснения явствует, что законы разделяются на два главные рода: первые выражают устройство и образование, вторые — определяют порядок или круг действия. Законы первого рода составляют в гражданском обществе государственный устав (конституцию). Законы второго рода разделяются на две части, из коих первая определяет порядок и круг действия правительства и всех отраслей оною, а вторая — порядок и круг действия народа и частных членов оною. Совокупное изложение в одном общем порядке (системе) всех сих законов, касающихся гражданского общества, составляет свод законов, которому может быть дано название Государственного уложения.

Государственное уложение должно, следовательно, быть разделено на три главные части: первая рассматривает состав гражданского общества, излагая образование правительства и определяя общественное состояние граждан. Она может быть названа Государственным уставом. — Вторая содержит правила, долженствующие руководствовать действиями правительства по всем отраслям и степеням правления и может быть названа Государственным наказом. — Третья,

наконец, содержит правила, долженствующие руководствовать деяниями и поступками народа и частных лиц. Она может быть названа Государственным судебником. О подразделении каждой из названных трех частей государственного уложения на разряды, главы, отделы и особенные статьи не намерен я в сем месте говорить, потому что подробное изложение сего предмета принадлежит к рассуждениям, касающимся законодательного порядка; сделаю только следующие краткие замечания, из коих одни распространяются на все законы вообще, а другие на законы, содержащиеся только в Государственном судебнике, сем главнейшем путеводителе приказа правосудия...

Замечания, распространяющиеся на все законы вообще, суть следующие:

1) Законы должны быть справедливы, т.е. должны только то запрещать или повелевать, что истинно к цели общественного благоденствия ведет и без чего сия цель не могла бы быть достигнута. — Равным образом не должны они никогда ни в чем противоречить коренным свойствам природы человеческой. Всякое изречение законов, противное общественному благу или даже для оногo не нужное или бесполезное, есть не что иное, как одно только зловластие (тирания), на которое никакое правительство ни в каком отношении ни малейшего не имеет права и посредством которого приводится государство в положение насильственное и болезненное, разрушающее в оном равновесие всех обязанностей и всех прав. Из сего явствует, что законы могут быть так точно же зловластны, как и сами действия правительства, но что никогда таковыми быть не должны, если государство предназначено пользоваться благоденствием. Что же касается до коренных свойств человека, то оные суть законы, определяющие природные и неизменные обязанности и права частных лиц, изданные Всевышним существом и долженствующие, следовательно, иметь неоспоримое первенство над законами, изданными человеками, которые посему существуют совершенно независимо от всякой воли человека, и гражданские общества были учреждены единственно для того, чтобы обеспечить сии природные и коренные права, а посему самому и не должен законодатель никогда своими распоряжениями противиться свободному употреблению сих прав, ибо в таковом случае противится он велениям самого существа Всевышнего и сооружает здание нетвердое, всему государству и самому правительству, наконец, вредить долженствующее. — Сверх того справедливость в законах требует, чтобы они были одинаковы для всех членов гражданского общества и на всех членов бы взирали равным образом, ибо все люди, получив от природы равные права и находясь в гражданском обществе для одной и той же цели, не должны таким

образом быть различны, чтобы одни пользовались выгодами и преимуществами, на коих другие и надежды бы даже не имели. Одни только те различия должны быть допускаемы, которые основаны на различиях, соделанных самой природой, или без коих не могло бы гражданское общество существовать и к своей цели стремиться. — Все же остальные суть одно только злоупотребление и произведение только одного зловластия (тирании).

2) Законы должны быть существенны, т.е. должны ответствовать в полной мере природным качествам, коренным свойствам и истинной сущности предметов, для которых издаются. При издании каждого закона должно единственно на сию сущность обращать внимание, единственно с оною сообразовать все определения, законами делаемые, и отнюдь не только не заменять сию сущность посторонними и побочными уважениями, но ниже оные уважения с нею соединять или совокуплять под каким бы то ни было предлогом и как бы сей предлог ни казался сильным. Главнейшая причина, по которой сие истинно основное правило столь редко бывает соблюдаемо, состоит в том, что при издании закона, на сущности предмета основанного, кажется иногда, что сей закон содержит какое-нибудь неудобство, для других частей государственного законодательства, почему и делаются изменения с целью отвратить таковые неудобства. — Сие действие, по-видимому весьма основательное, не достигает, однако же, никогда своей цели и обыкновенно имеет следствием замену малого зла большим или продолжение обоих. Сие же происходит от того, что всякое опасение в неудобстве, произойти могущем от закона, на сущности предмета основанного, есть совершенно напрасное и ошибочное и что для отвращения оказывающегося неудобства надлежит искать средства в сущности самого того предмета, для коего опасаются сего неудобства, а не искажать другой предмет под мнимым предлогом, что замеченное неудобство имеет свой источник в сущности сего постороннего предмета; ибо оказывающееся неудобство происходит не от того, что закон о постороннем предмете основан на истинной оного сущности, но от того, что закон, относящийся до истинного предмета, заключает в себе какое-нибудь определение ошибочное и на сущности его настоящего предмета не основанное. Но поелику все статьи государственного законодательства составлять должны одну общую цепь, в которой каждый закон составляет особенное звено, то и должно внимание всегда быть обращено на общую связь, которую надлежит также искать естественно в сущности предмета, в которой она неминуемо найдена будет. — Таким образом должен всякий благонамеренный законодатель изречения свои соображать. Если же он упустит сие правило из виду и перестанет

исполнять оное с точнейшею строгостью, то будет делать законы на удачу, так сказать, ощупью и будет блуждать в глубокой тьме по пространному и обширному полю законодательства совершенно без всякого водителя!

3) Законы должны быть основательны, т.е. должны быть основаны на истинных началах и явственных причинах и должны быть сделаны не по прихотям или мгновенному влечению, но по надлежащему беспристрастному соображению всех польз от определений, в оных изложенных, произойти долженствующих. Для сего надлежит приступать с отменной и чрезвычайной осторожностью к изданию каждого нового, к изменению каждого уже существующего закона. — Надлежит с усиленным тщанием изыскивать сущность предмета, для коего закон издается или изменяется и непременно отводит все посторонние и побочные уважения, дабы закон не имел никакой другой цели, кроме блага общего, и не было бы орудие, выточенное руками, пристрастными для намерений зловердных или пагубных. — Посему весьма полезно при издании каждого закона помещать в виде предисловия все причины, побудившие к изданию оного, и все соображения, утвердившие определения, в оном находящиеся. — Таковые предисловныя рассуждения будут просвещать, успокаивать и убеждать граждан, будут служить наставлением для правоведцов и законодателей, могущих посредством оных пользоваться опытностью и мудростью своих предшественников и при новых действиях избегать прежних ошибок и основательно судить как о сущности предлагаемого предмета, так и о всех его соотношениях к прочим статьям государственного законодательства.

4) Законы должны быть просты, т.е. не должны быть ни сложны, ни многочисленны. Они сложны, когда один закон включает более одного предмета. Каждое определение закона должно непременно касаться одного только предмета, таким образом, чтобы сие определение не могло быть раздроблено на два или более отдельные понятия. Таковой порядок наиболее будет способствовать простоте и внятности законов, ибо не допустит в понятиях и предметах стеснения, могущего произвести темноту и неопределенность. Если же частный случай будет вместе с тем и сложный случай, то и это уже дело исполнительной власти — разделить сей сложный случай на два или более особенные предмета и каждый из сих особенных предметов подвести под особенный, ему соответствующий закон. — Законы бывают многочисленны, когда не ограничиваются определением сущности предмета, но усиливаются сообразоваться с могущими встретиться частными случаями. — Будучи общие правила, выражающие устройство и определяющие действия разных частей и лиц в государстве, не могут законы

исчислять всех оттенков частных деяний, а должны взирать только на главные черты и представлять как исполнительной власти вообще, так по судебному порядку судьям в особенности, подводить все частные случаи под законы или общие правила, тем более что законодательная власть никогда все частные случаи исчислить не может и только сим страданием понапрасну государственное уложение соделает многосложным, а с тем вместе и затруднительным. Сие правило столь известно и столь неоспоримо, что упоминание об оном покажется излишним. Не менее того законодатели часто упускали оное совершенно из виду, будучи ослепляемы призраками разнорядства происшествий, вследствие коего принимали за предмет совершенно новый, законами не определенный такой случай, который не новый предмет заключал, но особенное только сцепление различных обстоятельств, и делали по поводу такового частного случая особенный дополнительный или совсем новый закон, который, не будучи притом соображен ни с справедливостью, ни с сущностью предмета, более вреда, нежели пользы, приносит. От подобных действий законодательной власти произошло сие огромное количество законов, коими во многих государствах наводнены уложение оных. — На место сей щедроты в изданиях дополнительных законов надлежало бы обстоятельно рассмотреть, имеют ли существующие законы те качества справедливости, существенности, основательности, простоты и ясности, кои в законах необходимы; и если они сих качеств не имеют, то надобно сделать такие изменения, которые бы ввели сии качества в законы...

Безопасность

Законы определяют все те предметы и действия, которые под общие правила подведены быть могут, и, следовательно, издают также правила, долженствующие руководствовать деяниями граждан. Но никакие законы не могут подвести под общие правила ни злонамеренную волю человеческую, ниже природу, неразумную или неодушевленную. Законы, определяя наказания, действуют отрицательным образом на волю человеческую, а положительным образом действуют они только на деяния, уже совершившиеся, каковое действие составляет обязанность приказа правосудия. Посему члены гражданского общества пользовались бы совершенно внутренней безопасностью, учреждаемой сей отраслью правления, ежели бы не существовала злонамеренная воля и природа, неразумная и неодушевленная, и если бы все предметы, относящиеся до внутренней безопасности, могли быть подведены под общие правила или законы.

Но поелику первые существуют, а второе невозможно, то и обязано правительство изыскивать средства для отвращения таковых несчастий и для спасения граждан от бедствий, беспрестанно угрожающих безопасности их и самому существованию; равно и для доставления внутренней безопасности во всех случаях, законами не определенных и предвиденными быть не могущих. Правление, имеющее предметом своего действия огромную и важную сию цель, есть Государственное благочиние. Из сего явствует, что мысль, будто бы правление благочиния или полиции подчинено правлению правосудия и от него зависит, есть совершенно ложное понятие и одно только заблуждение, к которому сношения, существующие между сими двумя отраслями правления, во многих случаях служили поводом. Благочиние, хотя и содействует правосудию, но однако же имеет свой собственный круг действия, от правосудия независимый, и с оным только разделяет усилия для устранения внутренней безопасности, частной и общественной. — Правосудие учреждает оную относительно незаконных деяний и случаев, законами определенных. Благочиние учреждает оную относительно злонамеренной воли и природы, неразумной и неодушевленной, в случаях, законами не определенных и предвиденными быть не могущих, а посему и действует посредством силы. Итак, государственный приказ благочиния доставляет гражданскому обществу и всему тому, что в оном законно обретается, полную внутреннюю безопасность от всех предметов, законами не определенных, и во всех случаях, законами не предвиденных.

Государственное благочиние, будучи правление, доставляющее совершенную безопасность всему тому, что внутри государства законно обретается, в случаях, законами не предвиденных и не определенных, имеет две главные обязанности. — Первая состоит в учреждении безопасности для правительства, представляющего целое гражданское общество; вторая в учреждении оной для народа или для частных лиц. В первом порядке именуется благочиние вышним, во втором — обыкновенным. Вышнее Благочиние охраняет правительство, Государя и все государственные сословия от опасностей, могущих угрожать образу правления, настоящему порядку вещей и самому существованию гражданского общества или государства, и по важности сей цели именуется оно вышним. Обыкновенное благочиние охраняет имущество и существование частных лиц, старается предупредить совершение зла, в случае неуспеха имеет преступника, заботится о повсеместном водворении спокойствия, порядка и тишины, помогает всем прочим частям правления в исполнении возложенных на них обязанностей и решает дела, которые по маловажности своей только бы

затрудняли государственное правосудие. Все сии обязанности, требуя от благочиния ежедневных занятий, дали оному название обыкновенного...

Внутренняя стража есть та сила, которая, превышая все частные силы, принуждает всех и каждого к исполнению повелений правительства. Из сего явствует, во-первых, что она чрезвычайно важна, ибо сохраняет порядок и не допускает безначалия; во-вторых, что она устраивает внутреннюю безопасность и, следовательно, не принадлежит к военному правлению, коего цель есть устройство внешней и внутренней безопасности, и, в-третьих, наконец, что она никогда иначе действовать не должна, как по требованию или повелению других правительственных мест, дабы не имели граждане случая укорять правительство в насильственном действии, не на законах основанном.

Для составления внутренней стражи, думаю я, что 50 000 жандармов будет для всего государства достаточно. Каждая область имела бы оных 5000, а каждая губерния 1000, из коих 500 конных и 500 пеших. Сии 500 жандармов разделялись бы на команды, соображаясь с местными обстоятельствами. В столичной губернии должны бы находиться 2000 жандармов: 1000 конных и 1000 пеших. Содержание жандармов и жалованье их офицеров должны быть втрое против полевых войск, ибо сия служба столь же опасна, гораздо труднее, а между тем вовсе не благодарна. Жандармы должны быть самое легкое войско, ибо все их движения должны быть скоры и быстры и последовать без всяких затруднений. Действия внутренней стражи, кроме исполнения требований других начальств, состоят еще в имании преступников, содержании караулов при тюрьмах, острогах, провожании колодников и т.п. Внутренняя стража никогда не может отвечать за действие, последовавшее по требованию других начальств. Кроме же ее, не должно никакое войско вмешиваться во внутренние дела.

Остается мне только еще сказать, что правление сего приказа есть самое благодетельное и необходимейшее для всякого государства, коего все части охраняются оным во всякое время и оному обязаны своим спокойствием и своею безопасностью. Непонятно после того, отчего всегда так сильно противу полиции все вооружаются и учреждение оной столь язвительно порочат. Единственная причина сего состоит в том, что полиция на каждом почти шагу бывает чувствительна и во всякое время должна удерживать каждого в пределах законной свободы. Она обязана свои требования часто повторять и посему должна казаться докучливой. Она касается ежедневных деяний и поступков граждан и потому беспрестанно кому-нибудь да мешает, отчего ее и терпеть не могут. Но в сих-то действиях состоит именно неоцененная ее польза, что она

неуспешно и беспрестанно заботится о благе общества, которое обязано ей сохранением благоустройства и по оному самим существованием своим. Если бы народ вникнул в необходимость полиции, то все благомыслящие благословляли бы тогда ее учреждение и действие, и одни злонамеренные люди могли бы противу нее восставать. Я уверен, что сия ненависть уменьшится, как скоро земские, уездные и губернские начальства, устраивающие благочиние в окончательно исполнительном порядке, будут состоять из чиновников, от самих обывателей выбранных. Действие же благочиния от сего порядка не может быть слабее, потому что вышнее и областное начальство, состоя из чиновников, от правительства назначенных, будут требовать точного исполнения и посредством внутренней стражи к оному принуждать...

Цель военных сухопутных сил состоит в восстановлении внешней безопасности, как скоро приказ внешних сношений не может далее оную сохранять, почему и действуют военные силы только тогда, когда правление внешних сношений соделяется недостаточным для доставления государству внешней безопасности. Внешняя безопасность восстанавливается, следовательно, посредством войска, коего количество зависеть должно от величины государства, им защищаемого, и от числа врагов, стремящихся на погибель оного. Оно могло бы существовать в военное только время, если бы для защиты государства достаточно было бы определить число войска и вселить в него добрую волю жертвовать собою для блага общества. Но поелику опыты всех веков доказали, что число войска менее действует, нежели искусство и хорошее образование оного, то и не подлежит сомнению необходимость иметь войско во всегдашней готовности и быть оному таким образом устроено и выучено, чтобы при первом востребовании могло оно быть употреблено с совершенным успехом. Из сего явствует, что не должно быть различия между мирным и военным положением войска и что если таковое различие допускается, то должно касаться тех единственно предметов, которые при первом востребовании в надлежащем могут представиться виде и в надлежащее прийти устройство и образование. Итак, войско есть часть чиновничества, состоящая из части граждан, решившихся жертвовать собою для блага общества, имеющих, следовательно, полное право на совершенное почтение и уважение соотечественников и долженствующих находить себе награду в нравственных предметах более, нежели в вещественных, и в славе более, нежели в богатстве.

Разделяется войско на два рода: на войско существенное и на войско вспомогательное. Существенным называется то войско, которое предназначено

единственно для боя, вспомогательным то, которое предназначено не только для боя, но и для управления боевым войском и для устройства средств, усиливающих действия оною. По сим причинам входят рассуждения о существенном войске в первую вышеназванную часть, а рассуждения о вспомогательном — во вторую...

Образ теперешней войны требует весьма больших ратей (армий), коими управлять и действовать гораздо труднее и многосложнее, нежели прежними, кои редко числили более 50 тыс. человек; посему и не могут никогда наши теперешние рати следовать одним воеходом (одной колонной) и по одной дороге; им бы нужно было несколько дней, дабы стать в боевой порядок, а потому и не могли бы они никогда противиться неприятелю, нападающему на них во время следования. Сие заставляет разделять рати на ополчения (корпуса) с тем, чтобы каждое ополчение составляло особенный воеход (колонну). А поелику на каждый особенный воеход может неприятель особенно напасть и оный принудить особенно действовать, то каждое ополчение и должно быть в состоянии дать сражение. Сие может быть исполнено только тогда, когда в состав каждого ополчения входят будут войска всякого рода и когда каждое ополчение составлять будет, так сказать, маленькую рать, имеющую все члены, входящие в состав большой.

Я думаю, что рати, т.е. соединение нескольких ополчений под одно начальство, должны существовать единственно в военное время, а в мирное должны ополчения состоять отдельными под ведомством военного приказа. Я для сего утверждения имею три причины:

1) величина каждой рати, завися от неприятеля, противу которого она действовать назначается, не может быть наверное определена в мирное время, когда сей неприятель еще неизвестен и хотя можно общее делать суждение о силах соседних держав, но сие суждение мало будет иметь влияния на определение величины действующей рати, ибо союзы с другими государствами, могущие совершенно изменить все расчётам, не могут наперед быть известны;

2) главноначальствующие составляют с своими управами (штабами) лишнее только звено в общем управлении войска, затрудняя и замедляя ход дела и отымая у начальников ополчений все их значение и разрешая дела, которые с большей основательностью могли бы быть разрешены государственным приказом, имеющим все сведения, нужные для общих соображений и единообразных распоряжений;

3) для совершенной безопасности государственного состава не должен один и тот же главноначальствующий предводительствовать войсками в мирное и

в военное время, ибо главноначальствующие, снискав себе в военное время любовь и доверенность своих подчиненных, могут сделаться вредными для государства в мирное время теми самыми великими дарованиями и отличными способностями, если к этим преимуществам присоединять ненасытное властолюбие — порок, который слишком часто с добрыми даже впрочем качествами к общему вреду в человеках встречается. Посему нужно почесть необходимым закон, повелевающий, дабы главноначальствующие действующих ратей назначаемы были единственно на время войны, а по окончании оной и возвращении войск в отечественные пределы сие звание с себя слагали и поступали в члены верховного собора (государственного совета)...

Военное правление разделяется, как и все прочие, на высшее правление и на подчиненные правления. Подчиненные правления разделяются на порядок распорядительный и порядок исполнительный. Порядок исполнительный состоит из различных степеней. Я особенно говорить буду о высшем правлении, о порядке распорядительном и о различных степенях порядка исполнительного.

Высшее правление военной части должно, как из предыдущего известно, быть предоставлено одной особе, которая всего удобнее названа быть может Государственным главою приказа военных сил. Сия особа заменяла бы в мирное время всех главноначальствующих и передавала бы оным в военное время свою власть и свои обязанности и свои права в отношении тех войск, которые в состав действующих ратей поступили. При главе должно состоять Главное военное приказное повытье (Военный департамент) под управлением Главного приказного дьяка (статс-секретаря военной части)...

Набор ратников в войско есть учреждение, необходимое для государственной безопасности, а следовательно и для государственного бытия, и потому должно оно неминуемо существовать. — Но поелику польза, от военной силы происходящая, на всех членов гражданского общества распространяется одинаковым образом, то и должны все сословия одинаковым образом в составлении сей силы участвовать, руководствуясь очередью и жребием... т.е. одинаковыми для всех россиян правилами на сей счет. — А посему и не может дворянство от сей личной повинности быть освобождено и должно сие преимущество его быть уничтожено. Главнейшее средство к избежанию рекрутства будет состоять в выдержке положенного экзамена, по которому право приобретаться будет вступать в службу не рядовым, но уже офицером. Сие право распространено быть имеет на все сословия и на всех вообще россиян одинаковым образом.

Лучший способ для набора ратников состоял бы, по моему мнению, в соединении правил французского набора (конскрипции) с правилами российского набора.

Военная служба есть личная повинность, которую по-настоящему каждый гражданин или член общества сам нести должен; но поелику таковой порядок был бы невозможен и для государства чрезвычайно вреден, то и довольствоваться должно тем, что только часть граждан участвует в военной службе.

Срок службы определил бы я нижним чинам в 15 лет, вследствие чего каждый из них имел бы 33 или 35 лет, когда бы выходил в отставку и любое себе избрал бы потом состояние. В наказание отдавать людей в военную службу должно быть запрещено, ибо воинское звание столь почтенно, что не должно соделываться уделом недостойного человека. Сии люди могут в те же самые поступать места, в которые отсылаются ратники, из полков выключенные. Для выходящих в отставку после отличной службы надобно приготавливать выгодные и покойные места, коими бы они пользоваться могли, если того будут желать. Сии воины, выходящие в отставку, разделяются на два разряда: на могущих служить по другим частям и на не могущих нигде более служить. Первых можно определять смотрителями по правлению путей сообщения, надзирателями за ямами (почтами) и т.п. Для других должны быть учреждены старостные (инвалидные) дома...

1821 г.

П. ПЕСТЕЛЬ

О ВООРУЖЕННОЙ СИЛЕ И ЕЕ УСТРОЙСТВЕ

Когда в войске есть только одна любовь к войне, оно стоит еще на весьма низкой степени нравственности. Любовь к войне истекает из корыстного, эгоистического чувства, затемняющего собой нравственное понятие о долге.

Шарнгорст

Никогда еще правительство наше с такою любовью не стремилось навстречу всем потребностям народа и так верно не угадывало путей к их достижению, как в настоящее время. Средства, избранные им для преобразования нашей вооруженной силы, в особенности замечательны. Но, как уже не раз бывало, правительство в этом случае стало далеко выше понятий массы: одни — не доверяют новой организации сил, новому направлению, другие — скорбят о сокращении штатов. Ознакомить читателей с разумными, истинными началами, на которых происходят материальные и нравственные преобразования в войсках, не только наших, но и вообще всех образованных государств, — вот цель предлагаемой статьи...

Образование, перерождая отдельных людей, необходимо должно перерождать и государства: правда, что если в человеке переворот может совершиться в день, то для просвещения целого народа нужны годы, иногда века; но зато и жизнь народов мерится веками, а следовательно, и для них может настать время, когда, ради своего собственного достоинства, они будут уважать права друг друга и откажутся от употребления насилия в случайно возникающих недоразумениях.

Европа находится на пути к подобному сознанию: хотя отношения между ее народами еще не могут назваться вполне установившимися и в веке будущем можно точно так же ожидать войн, как в веке прошедшем, но все же шаг вперед в международных отношениях сделан ею огромный, и стоит только приглядеться к событиям нашей эпохи, чтобы убедиться в этом.

И разве отказаться от завоевательных намерений, если б они и были, составляет какое-либо пожертвование? Разве благоденствие государства заключается только в территориальных приобретениях? Конечно нет; лишь только территория какого-либо народа достигла известных границ, обеспечивающих беспрепятственное внутреннее его развитие, дальнейшие территориальные приобретения легко могут быть ему в ущерб; на завоеванные страны государство должно будет расходовать средства своего собственного

народа и никогда не достигнет тех выгод, которые могли бы искупить все принесенные жертвоприношения. Исключения здесь бывают очень редки. Возьмем, например, Алжирию, приобретенную для выселения туда избытка французского населения. Сколько она стоила денег Франции! И на содержание всякого колониста, туда переселяемого (8000 фр.), разве нельзя было бы прокормить не только одного, но даже пять, шесть рабочих в самой Франции? А увеличило ли это ее благосостояние? К чему ведут и многие из английских приобретений, отягощающие только финансы содержанием губернаторов, управлений и гарнизонов? Если вообще завоевания бывают часто бесполезны, то в Европе они делаются совершенно невозможными. Как начала политического равновесия, так и чувство справедливости заставили европейские государства отказаться от идеи подчинить себе друг друга. Каждому народу дорога его независимость, и если она не обращается во вред другим, справедливо ли посягать на право народа пользоваться выработанной им жизнью? — Конечно нет, и мы должны радоваться, что идея справедливости делается постепенно руководящею мыслью нашего века...

Из всего сказанного мы видим, что мир, покровительствующий труду и развитию довольства между народами, становится нормальным положением нашего общества, война же, напротив, подобно болезни, производит в нем сильнейшие страдания, от которых оно стремится сколь можно скорей освободиться. На сколько поднялось материальное благосостояние нашего общества, сравнительно с веком прошедшим, на столько сделался дороже ему и мир, дающий средство пользоваться этим благосостоянием. В веке будущем им будут дорожить еще более. Мы видим также, что одна из главных причин нарушения мира, именно стремление к завоеваниям, устранена современным обществом, ибо европейские государства взаимно гарантируют свою целостность и самостоятельность; следовательно, столкновения, какие могли бы произойти между ними, не подавая никому надежды на территориальные вознаграждения, вероятно, еще реже будут вести к разрыву, чем доньше.

Но ежели причин и желаний к столкновениям теперь менее, значит, и вооруженной силе менее придется участвовать в международных отношениях. А чем какая сила менее употребляется, тем и влияние ее делается слабее; а следовательно, и политическое значение государства не может быть ныне поддерживаемо военною силой в той мере, как то было прежде, а исключительно военное могущество государства становится в Европе аномалией.

Коль скоро же, по духу жизни и направлению современного общества,

военные силы не могут служить главной основой политического могущества государства, то очевидно, что оно должно искать другой опоры для поддержания своего значения. Опору эту найти не трудно. Военная сила ослабевает в своем влиянии потому, что случаи употребления ее становятся редки; естественно, значит, что влияние, ею утрачиваемое, должно переходить к другим силам, которыми государства могли бы постоянно действовать одно на другое, именно промышленным, торговым, финансовым и умственным. Следовательно, политическое достоинство государства должно быть главным образом основываемо не на армиях и флотах, а на совокупности всех нравственных и материальных сил государства, источником которых служит народ. Действительно, вооруженные силы могут только отчасти способствовать политическому могуществу государства и без поддержки в средствах народа не в состоянии создать ничего великого и прочного. Зависимость первых от последнего так велика, что все усилия идти ей наперекор, все старания возвысить государство многочисленными армиями и флотами не только должны остаться ныне безуспешными, но могут обратиться даже во вред ему. Когда государства сталкиваются, — борьба между ними в сущности решается не столько войском, сколько относительной силой самих наций. Не в казармах скрывается сила, говорит Пексан, история лучше всего свидетельствует, где искать ее. В 1792 году с одной стороны были французские волонтеры, собравшиеся под знамена прямо со школьных скамей или от сохи, с другой — соединенные армии Европы: но на чьей стороне осталась сила? В 1810 году Испания остается без войск; ее защищают составленные на скорую руку дружины поселян и монахов; с другой стороны являются армии Наполеона, генералы Наполеона и сам Наполеон: но на чьей стороне осталась сила? В 1812 году сотни тысяч войск приходят в Россию, их встречают втрое меньшие армии: но где осталась сила? Нет, значит, возможности отвергнуть, что главная сила государства лежит в народе; что возможно с народом, того далеко нельзя достигнуть с одним войском; и отныне те правительства будут сильны, которые тесно связаны с народом, умеют развивать внутренние его средства и на них создают величие страны.

Определив, что первым элементом могущества государства служит самый народ, и поставив армии и флоты на второстепенное место, мы поступим совершенно правильно, приняв их не более как за проводники, подобные электрическим, которыми в известных случаях обнаруживается его сила. Они могут быть велики или малы, но удар, ими проводимый, всегда будет зависеть от самой батареи, сосредоточивающей силу, и должно только заботиться, чтобы эти

проводники находились всегда в исправности и в соразмерности с силой. Англия в последнюю войну имела весьма плохой проводник своего могущества; армия ее в Крыму утратила свою славу; но ослабило ли это существенно действие батареи и английский уполномоченный понизил ли свой голос на конгрессе? Нисколько. Англия по-прежнему была требовательна, и если уступала в чем, то именно на столько, на сколько действие батареи ослабилось неисправностью проводника.

Как струя фонтана, по естественному закону равновесия, никогда не бьет выше уровня воды из резервуара, так и могущество государства, в обыкновенных обстоятельствах, не может быть поддерживаемо армиею выше уровня, представляемого развитием внутренних сил народа. Отступления от этого закона могут быть только временные, да и то они не остаются безвредными для государства; напротив, коль скоро равновесие нарушено, постоянное поглощение армией большей части средств народа ослабляет в известной степени внутреннее его развитие и точит существенные основания его могущества. Вот почему, признавая вооруженную силу одним из средств, которыми выражается политическое значение государства, мы считаем, однако, необходимым определить условия, при которых она могла бы существовать не только без ущерба для благосостояния государства, но, напротив, ему содействуя.

Вникнем же в условия, которые требуются от каждой военной системы.

Армия содержится не для завоевательных целей, а для обеспечения внутренней и внешней безопасности государства. Вот высокое и вместе с тем единственное назначение войска. Обеспечение безопасности страны, составляя цель существования армии и флота, есть также и первое условие, определяющее размеры вооруженных сил государства. Оно требует двоякого рода жертвований: личных и вещественных; следовательно, второе условие, ограничивающее количество вооруженных сил, есть соразмерность их с населением, а третье — соразмерность с материальными способами государства. Но количество находится всегда в непосредственной связи с качеством; чем второе лучше, тем первое может быть менее, следовательно, четвертое условие, требуемое от военной системы, заключается в хорошем составе армии, в тщательном образовании войск и в сообразной с требованиями военного искусства организации вооруженных сил. Первые три условия связаны с началами политическо-экономическими, последнее же заключает в себе чисто военные требования. Рассмотрим каждое из этих условий особо.

1. Обеспечение внутренней и внешней безопасности

Чем выше стоит народ в умственном образовании, чем более приобретает он привычку уважать законы своей страны, подчиняться добровольно своим постановлениям, дорожить порядком и спокойствием, дающими ему средства к мирному труду, тем менее ему нужно присутствие военной силы. В Англии, например, одним именем закона укрощаются порывы целых масс народа; нескольких человек полисменов в Лондоне достаточно, чтобы остановить многолюднейшие движения. При таком сознании закона вооруженная сила, как обеспечение внутреннего спокойствия государства, имеет лишь весьма неважное значение. Но в этом отношении Англия едва ли не единственная страна в Европе. Испания, Франция, Италия, Россия, Турция и даже многие из государств Германии стоят еще далеко позади ее или в своем законодательстве, или в своих понятиях о силе закона. Франция достаточно образованна, но сами французы сознаются, что при пылкости и воинственности их населения, готового в каждом споре взяться за оружие, только одна армия может гарантировать внутреннее спокойствие страны. Положение России в этом отношении тоже не установилось.

Кроме степени нравственного и умственного развития народа, потребность военной силы внутри государства часто вызывается неоднородностью политического его состава. У нас, например, части земель на Кавказе, населенные так называемыми мирными, покорными горцами, и некоторые другие области требуют более войск, чем губернии собственно русские. В Австрии земли венгерские, польские и итальянские берут более войск, чем немецкие и славянские. Наконец, и образованнейшая страна Европы, Великобритания, чувствует также этот недостаток и в Ирландии содержит пропорционально более войск, чем в собственной Англии.

Кроме приведенных условий, на количество войск может иметь также влияние степень личного доверия между правительством и народом государства. Летописи русского народа, благодаря Бога, не замараны осадными положениями, подобными венским, неаполитанским, римским и парижским; но Франция, не в пример прочим, уж слишком часто им подвергается, и в настоящее время ее правительство сочло нужным всю страну подчинить военному управлению. Вообще говоря, где власть исполнительная отделена от законодательной, там армия может подвергаться непрерывным изменениям. То она увеличивается, то уменьшается, смотря по степени взаимного доверия или, правильнее, недоверия между этими двумя началами, имеющими тысячу причин к столкновению. Берет

перевес исполнительная власть, — армия растет свыше меры; берет перевес законодательная власть, — она ее может уменьшить донельзя. Как Франция служит примером для первого, так Англия может служить для второго; после смут семнадцатого столетия она уменьшила, например, свою армию до 16 000 человек.

Если для внутренней безопасности количество сил определяется степенью народного образования, однородностью государства и взаимным доверием между правительством и народом, то для внешней оно определяется обширностью и положением территории и доверием, которым пользуется государство от прочих держав...

В России на количество войск имеет влияние не столько политическое положение территории, сколько ее обширность. Белое, Балтийское, Черное и Каспийское моря, составляющие ее естественные границы, от которых нет возможности отступить, самой природой определили ей площадь в 100 000 квадратных миль, которую приходится защищать всего с 60 миллионами населения. Выгодное, когда неприятель увлекается во внутрь страны и тает вдали от своих способов, — это обширное пространство тяготеет над государством в случае необходимости оборонять его по всему протяжению границы, доступной неприятельским армиям и флотам. Передвигать непрерывно войска на тысячи верст с одного края государства на другой невозможно; присутствие войск необходимо одновременно везде, и, следовательно, если б неприятель теснил какую-либо их часть, хотя бы другая стояла на границе ничего не делая, ее тронуть нельзя, а для поддержания теснимых войск приходится иметь особые сильные резервы. Вот невыгоды нашего территориального положения, имеющие влияние на размеры вооруженных сил и заставляющие нас содержать два, а может быть, и три лишних корпуса. Невыгода эта, вероятно, уменьшится с улучшением путей сообщения, и в особенности с устройством железных дорог.

Какое влияние на размеры вооруженных сил имеет степень доверия, которою пользуется государство от соседних держав, — определить трудно; но, конечно, никто не усомнится в действительности этого влияния. Одним из подтверждений тому может служить Франция. Последние перевороты, в ней происходившие, сейчас же отражались на ее соседях и на ней самой увеличением войск: переворот 1848 года, в пользу республики, отразился на Германии; правительственные же перемены 1849 и 1852 года, в пользу президентства и императорства Луи Наполеона, действовали на Великобританию. Не пускаясь в дальнейшие подробности, мы здесь заметим только, что содержание больших

постоянных армий значительно вредит доверию между государствами и, следовательно, побуждает их еще более увеличивать свои вооруженные силы. Знаменитое изречение Августа «Si vis pacem, para bellum» («Если хочешь жить в мире, будь готов к войне»), — чистейший софизм, если под ним разумеется правило содержать постоянно многочисленные войска. Нет, готовность к войне заключается не в большом числе войск, а в их хорошем составе, обучении, снаряжении и в материальных средствах, припасенных на случай неприязненных действий. Большие же армии, напротив, привлекают войну.

2. Соразмерность вооруженных сил с населением

Мы надеемся указать впоследствии (в отдельных обзорах) действительную степень соразмерности вооруженных сил различных государств с их населением; здесь же мы объясним только, как важна эта соразмерность, выражающая собой, насколько вообще военная повинность может тяготеть над населением какой-либо страны.

Что эта повинность составляет тягость, доказательством тому служат постоянные старания всех правительств сколь возможно облегчить ее. И в самом деле, можно ли считать делом легким, чтобы человек в цвете сил отказался от семьи, от труда, которым мог бы улучшить свое положение, и вступил под знамена с решимостью пожертвовать своею жизнью?

Так как цель этой повинности заключается в обеспечении безопасности государства, то ясно, что справедливость требует распределить эту повинность по возможности равномерно на всех его членов, одинаково нуждающихся в этой безопасности. Военные касты, существовавшие в древности, да и теперь еще существующие в Индии и в Китае, не могут иметь места в государстве благоустроенном. Они могут держаться только до тех пор, пока военное сословие составляет общество особое, привилегированное, образовавшееся и поддерживаемое преимущественно только желанием богатой добычи, почета и власти. Государству же, получающему правильное военное устройство, не может быть ничего опаснее, как привилегированное военное сословие, — стоит только припомнить стрельцов, янычар и мамелюков. Мало того, что государство, сглаживающее разные привилегии, часто встречает в подобных людях вооруженное сопротивление, препятствующее самым полезным преобразованиям; они вредны еще тем, что отучают население от обязанности защищать себя, делают его слабым и неспособным к энергичному сопротивлению. Вот слова

известного юриста и историка Роттека: «Народ, который предоставляет защиту своей независимости особому наследственному классу, становится малодушным и неспособным противостоять самым несправедливым нападениям и притеснениям».

Мы приходим, таким образом, к заключению, что военные касты невозможны и что вооруженная сила должна возникать из всего населения страны. Посмотрим теперь, какие соображения представляются каждому государству при образовании военной силы на этом условии.

Для войска государство должно пожертвовать людьми молодыми, сильными, здоровыми; следовательно, оно лишает себя производительных трудов лучшей части своего населения; оно ослабляет и самый состав населения, уменьшая его приращение. Браки не согласуются с чисто военными целями; в войсках почти всех государств они встречают большие или меньшие затруднения, да и самые обязанности военной службы им не благоприятствуют; поэтому самая способная к умножению часть населения тратит свои производительные силы вне семейных обязанностей гражданина. Это обстоятельство ограничивает число рождающихся; но при продолжительном военном напряжении, когда большая часть крепкого населения вызвана на службу, к ограниченному числу рождающихся присоединяется еще другое невыгодное условие, — их недолговечность. Так как поколение в подобном случае производится людьми недозрелыми, хилыми, болезненными или дряхлыми, словом, теми, которые по своим физическим недостаткам были неспособны для военной службы. — Обстоятельство это уже оправдалось однажды на Франции. Огромные армии, которые она выставляла в последние годы империи, были причиной, что в 1830-х годах количество ее конскриптов было менее обыкновенного собственно потому, что из родившихся в 1810–1815 годах немногие дожили до 21-го года. — Большие постоянные армии и флоты, несоразмерные с населением и излишне его отягощающие, точно так же вредно на него действуют, как и другие причины, имеющие влияние на уменьшение населения: войны, болезни, голод и проч.

Это-то важное экономическое условие постоянно побуждает и всегда будет побуждать правительства заботиться как об уменьшении пропорции постоянных войск к населению, так и об облегчении самой военной повинности. Достигается это двумя способами: 1) организацией милиции, ополчений, развитием торгового флота и 2) сокращением сроков службы.

Действительно, если на случай чрезвычайной опасности от вторжения неприятеля государство примет в расчет содействие, которое может оказать все

население, способное носить оружие, или весь годный для военной цели купеческий флот, то размеры его постоянных вооруженных сил могут быть значительно уменьшены. Установивши заранее правила для организации этих средств на случай войны, оно обеспечивает в известной степени свою безопасность, не обременяя население и не отвлекая его от производительного труда. Чем государство более развито, тем более оно может рассчитывать на достоинство формируемого им ополчения, тем скорей оно может уменьшить свои постоянные войска.

Другое средство, не уменьшающее, но облегчающее меру военных тягостей, несомых населением, заключается, как мы сказали, в уменьшении сроков службы. Если б рекрут, вынужденный жребий или по очереди попавший в военную службу, был обязан посвятить себя ей на всю жизнь, то, конечно, для прочих членов общества и собственно для военных целей государства это представляло бы многие выгоды. Ежегодная убыль из войск была бы не велика, следовательно, пополнение ее требовало бы весьма ограниченного числа конскриптов, и притом государство всегда имело бы обдержанную, опытную армию. Но может ли общество требовать от части своих членов службы на всю жизнь, тогда как другая часть совершенно от нее уклонится? Справедливость требует равномерности в распределении повинностей, и если мы сказали, что военная сила должна возникать из среды всего населения, что эта повинность должна распределяться между всем населением страны, то ясно, что для выполнения этого условия следует, по возможности, отклонять продолжительные сроки службы, чтобы в армии ежегодно очищалось место, если не для всех, то для возможно большего числа дозревших к службе людей. Только при непродолжительных сроках службы возможна равномерность и облегчение военной повинности для населения, ибо служить будут почти все, но зато меньшие сроки.

И для самого государства, как бы с первого взгляда ни казалось выгодным иметь армию из старослуживых, обдержанных людей, ограниченные сроки службы могут скорее удовлетворить требованиям прочной военной системы. При продолжительных сроках в случае войны государство на первое время действительно имеет превосходную армию; но лишь только в ней начинается значительная убыль, самый состав ее быстро изменяется; войска для пополнения своего получают лишь молодых неопытных рекрутов, совершенно незнакомых ни с военным делом, ни с перенесением походных трудностей; и как бы ни была велика их цифра, армия уже не представит прочного целого и так же быстро

растает, как составилась; пример тому Наполеонова армия в 1813 году. При ограниченных сроках службы, когда во время мира состав армии довольно часто обновляется, государство встречает неприятеля с хорошо обученною, но молодою армией; зато, далее, в продолжение долгого времени ему уже не приходится прибегать к рекрутам, ряды его войск пополняются людьми, прежде служившими, сильными и достаточно знакомыми с военным ремеслом; а рекруты, между тем, могут быть, не торопясь, подготовлены и поступят в строй окрепшими, не представляя опасений за свою долговечность и не заваливая сразу всех госпиталей.

В какой мере ограниченные сроки службы удовлетворяют потребностям военного искусства, — об этом мы будем говорить в своем месте. Здесь же, рассматривая вопрос только с экономической стороны, мы пришли к заключению, что как справедливость в распределении военной повинности, так и сбережение военных сил в случае продолжительного напряжения одинаково заставляют отдать предпочтение кратким срокам службы.

3. Соразмерность вооруженных сил с материальными или финансовыми средствами страны

...Что армии обеспечивают безопасность государства, это совершенно справедливо; но чтобы они были опорною точкою его самобытности, — это чистый софизм. Самобытность государства укореняется и развивается гражданской его жизнью, а не военною, иначе царства Чингис-ханов, Тамерланов и других были бы прочны, и монголы до сих пор владели бы Россией. Северо-Американские Штаты имеют громадную самобытность и ничтожные вооруженные силы.

Далее, если б критик сказал «армии необходимы, следовательно, и издержки на них необходимы», это было бы справедливо; но говоря, что издержки составляют предмет второстепенной важности, он не прав. Нет статьи в государственных расходах более важной, как на содержание вооруженных сил и на уплату процентов по долгам, произошедшим почти исключительно от военных издержек. Бюджет же государственный служит выражением материального благосостояния государства, и как военные издержки занимают первое место в бюджете, так им принадлежит первостепенное значение в общей экономии государства. Если государство, обязанное заботиться о развитии всех сторон своей жизни, имея средства на содержание только 50 000 войска, сформирует себе

армию в 100 000 и будет долго упорствовать в этой цифре, то неминуемо придет к одному из следующих результатов: 1) или, при цветущей военной стороне, все прочие начала его жизни начнут гложуть; 2) или армия его, где каждые два человека будут жить содержанием, достаточным лишь для одного солдата, подвергнется всевозможным лишениям, будет заваливать госпитали, терпеть большую смертность, опустится в нравственном отношении и вообще делается непрочною, недоброкачественною; или же 3) если государство, не соображаясь со своими средствами, не будет ни в чем ограничивать своих расходов, оно быстро войдет в долги, по которым не в состоянии будет платить процентов, уронит свой кредит и постоянными дефицитами так расстроит свою финансовую систему, что не в силах будет содержать даже и небольшую армию. Испания нам может представить лучший пример, возможна ли хорошая военная система в государстве, запутавшем свои финансы. Армия ее существует большею частью только на бумаге, на деле же она едва ли в состоянии выставить и 20 000 хорошо снаряженного войска. Государство же не разоренное, не истощенное и с весьма ограниченными военными силами способно к энергичному сопротивлению; достаточно припомнить, как вооружалась Швейцария в 1838, 1848 и в прошлом 1857 году.

Этих доводов, кажется, достаточно, чтобы доказать, почему все правительства, совершенно расходясь во мнении с критиком, отдают должное значение военным издержкам, стараясь сколь возможно соразмерять их с средствами страны. И как ни трудно определить в точности, какую именно армию допускают способы того или другого государства, везде мы видим, однако ж, желание сколь можно ближе подойти к нормальной ее величине, ибо для всех ясно, что если государство или армия страдают при нарушении соразмерности как 50 к 100, то хотя и в меньшей степени, менее осязательно, но они неминуемо должны страдать и при нарушении ее как 50 к 51...

Нет, не обращением капиталов, а тем, что армия оберегает работу, дает возможность каждому члену спокойно трудиться над своим делом, — вот чем армия способствует благосостоянию государства, и необходимо заботиться только о том, чтобы приобрести это спокойствие с возможно меньшими пожертвованиями. Ничто не достается государству такую дорогою ценою, как обеспечение его безопасности, ибо, как мы видели, оно в этом случае теряет, во-первых, капитал, произведенный населением и употребленный на содержание армии, и, во-вторых, всю ценность той работы, которую произвели бы люди этой армии, оставаясь в населении.

Мы разобрали экономические условия, связанные с содержанием сухопутных сил; скажем же теперь несколько слов и об отношении этих условий к флоту.

Назначение флота уже тем ограничено против армии, что он реже может служить для обеспечения внутренней безопасности государства; цель флота — по преимуществу действия внешние — более или менее обширны, смотря по расположению владений страны и по обширности морской торговли, которая оберегается им точно так же, как армиею оберегается труд внутри государства.

Цель эта определяет размер и характер морских сил, указывая государству на необходимость содержания в известной соразмерности больших и малых судов, способных для дальних плаваний или для береговых.

Если отношение сухопутных войск к населению важно в видах государственной экономии и прочности самой военной системы, то условие это сохраняет свою силу и в отношении к флоту, с тою разницей, что в этом случае соразмерность надо определять по отношению к населению прибрежных областей государства или вообще тех, которые дают людей, способных к морской службе. Размеры флота так тесно связаны с количеством этого населения, что все старания выйти из определяемой им нормы не приведут ни к какому плодотворному результату. Правда, что, поглотив для флота всю способную к службе прибрежную часть населения, государство может расширить размеры морских сил и, подняв образование флота, дать одно, два хороших сражения; но если борьба затянется, то недостатки самих элементов, из которых он создан, необходимо обнаружатся; и чем большее значение имел флот в начале войны, тем меньшее значение останется ему при ее окончании. Чтобы флот постоянно, даже в самой упорной борьбе, сохранял свою силу, необходимо размер и пополнение его строго уравнивать с средствами приморского населения, ибо от источников пополнения флота зависят главнейшим образом его качества, а качество во флоте имеет еще большее значение, чем в сухопутных войсках.

Как милиции и сокращенные сроки службы ограничивают и облегчают военную повинность в отношении сухопутных сил, так от обширности торговых флотов зависит, на сколько прибрежное население может быть облегчено от морской повинности. Торговый флот есть резервуар, из которого, в случае надобности, государство усиливает свои морские силы не только людьми, но и самими судами; мало того, при обширности купеческого флота он может служить даже главным основанием морских сил государства, которым военные суда будут лишь добавлением. Соединенные Штаты имеют каких-нибудь 60–70 военных

судов, Франция же в обыкновенное время содержит их свыше 300, но можно ли сказать, чтоб морские их силы были так непропорциональны? Нисколько; в случае надобности флот американский быстро уравнился бы с французским, потому что у Штатов всегда наготове гораздо обширнейшие средства в их торговом флоте.

От торгового флота зависят и сроки службы на военных кораблях. Где купеческих судов мало, там нельзя слишком ограничивать сроков; матрос хорош только опытный, и его можно рано увольнять со службы только там, где он мог бы продолжать свое ремесло; где же это условие невыполнимо, там и самые сроки тяжело ложатся на прибрежное население. В Англии срок службы на флоте трехлетний, у нас же свыше 20 лет.

Содержание морских сил обходится сравнительно еще дороже, чем сухопутных; следовательно, тут требуется еще большая расчетливость в издержках. Цель флота в мирное время, как мы сказали, одна: охранение внешней торговли государства; а где эта торговля ограничена или не подвергается никакой опасности, там и обязанности флота ничтожны, и капитал, на него употребленный, не только не приносит никаких процентов, но требует еще ежегодных больших расходов, которые тоже ничем не вознаграждаются...

Вот главные основания для существования морских вооруженных сил; если есть еще мнения о необходимости развивать военные флоты для покровительства внешней торговле, то мнения эти совершенно ложны. Оберегать торговлю флот может, это понятно; но каким образом он может ей покровительствовать, это решительно необъяснимо; не тем ли, что, грозя пушками кораблей, заставит жителей какого-либо порта покупать привезенные товары?

Повторяем еще раз, покровительство торговле, увеличение благосостояния, опора самобытности — все это обстоятельства, непричастные вооруженным силам; цель их всегда и везде одна: обезопасить жизнь и деятельность государства. Ясно также, что государство будет тем в большей выгоде, чем цель эта будет достигнута с меньшими пожертвованиями. Экономический путь для этого один: содержать в мирное время только самое необходимое число войск действующих, требующих постоянных расходов; на случай же войны иметь организованную силу в самом народе, готовую могущественно подкрепить армию, а между тем не требующую больших постоянных издержек.

Теперь посмотрим, какие должны быть выполнены условия чисто военные,

чтобы постоянная или действующая сила государства, ограниченная в своих размерах соображениями экономическими, вполне соответствовала своему назначению.

4. Качество войск и их организация

Чтобы издержки, употребляемые государством на содержание войска, не пропадали даром, необходимо, чтобы качество его было высоко. Много ли, мало ли войск, они должны быть хороши как в мирное, так и в военное время.

В мирное время войска, содержимые государством, служат основанием для сил, выставляемых с началом войны. Армия представляет собой кадр, сквозь который проходит большая или меньшая часть населения, получая здесь свое военное образование. Следовательно, важна не ее многочисленность, а основательное ее обучение, нужна доверенность между подчиненными и начальниками и честная дисциплина, связывающая взаимным уважением всех ее членов и рождающая во всех одинаковую преданность власти.

Во время войны излишнее количество войск тоже не служит ни к чему; напротив, оно только затрудняет продовольствие, управление и движение армий; и чем более развиваются военные действия и чем чаще столкновения, тем очевиднее качество берет верх над количеством.

Качество — это фаланга Александра Македонского, 10-й легион Цезаря, итальянская армия Бонапарта и войска Суворова в Швейцарии; это также милиции Швейцарцев и Американцев, отстаивающие свою независимость.

Количество — это толпы варваров, массы сброда, бегущие от первого выстрела.

У Наполеона были многочисленные армии, правда; но только с небольшим числом превосходных солдат он совершил итальянские и египетские походы; с массою же бесчисленных рекрутов он был разбит в 1813 году.

Результат кампании зависит часто от одного сражения; сражение же решается иногда в одно мгновение, на одном каком-либо пункте; следовательно, успех боя будет в руках того, кто в этот момент бросит на спорный пункт колонну лучшего качества.

Качество же войск зависит от физического их состава, от степени их искусства, от образования офицеров и высших чинов армии и, наконец, от духа, ее оживляющего...

Из того, что мы определили лучшим возрастом для действительной

службы время от 21 до 35 года, не следует еще заключать, чтоб мы эти 15 лет считали лучшим сроком для службы в армии. Нет, сроки службы могут быть независимы от возрастов, и если, рассматривая военную силу с экономической стороны, мы выставляли выгоды возможного их ограничения, то здесь, с военной точки, мы должны только прибавить, что их нельзя сократить более, чем то позволяет самая способность населения к военной службе: иначе говоря, они должны согласоваться с временем, необходимым для образования из конскрипта хорошего солдата.

Какой же срок, хотя приблизительно, необходим для этой цели? Теоретически это решить трудно, для соображения же можно иметь в виду, что у французов, народа в высокой степени воинственного, любящего военное ремесло и быстро с ним свыкающегося, сроком, необходимым для образования хорошего солдата, считается 7- или 8-летний, причем от 4 до 5 лет полагается на службу в действующей армии, а остальное время в ее резервах.

Качество войск, кроме телесной их крепости, достигается еще системою их обучения. Как бы ни были разнообразны способы, принятые для образования войск, мы отдадим из них преимущество только тому, который основывается на понятии о солдате как о разумной единице, а не механической, который и в самом строю поддерживает в людях сознание, а не одну только мертвую тишину. Армия должна быть машиной, послушной воле главнокомандующего, но каждый ее состав, каждый винтик или рычаг, отдельно взятые, чтобы не останавливать хода машины, должны в то же время сами собой двигаться, вертеться.

Удовлетворить этому можно только основательною, заботливою системою военного образования, которое проникало бы до последнего солдата.

Во всех европейских государствах грамотность войск составляет предмет особенного внимания и по тому самому дает с каждым годом все лучшие результаты. Строевое обучение грамотного солдата гораздо легче, чем неграмотного; упражнения ума, необходимые для изучения грамоты, развивают его понимательную способность, и человеку делаются доступны толкования даже несколько сложные, как, например, объяснение стрелкового дела. В военно-административном отношении грамотность столько же полезна. Только тогда, когда солдат грамотен и понимает счета, хозяйство войск получает прочное основание; каждым солдатом может быть ведена книжка с отметками всего, что ему следует получить и что он действительно получил; в войсках является тогда лучший и строжайший контроль по хозяйству от самих получателей — солдат. Наконец, и по увольнении солдата со службы труды, употребленные на обучение

его грамоте, не пропадут даром; напротив, польза их проникнет в среду самого населения страны, и армия, исполняя высокое назначение обеспечения ее безопасности, будет также одной из деятельнейших помощниц умственного движения народа. Эта польза грамотности в войсках признана ныне уже всеми просвещенными правительствами.

Унтер-офицеры составляют звено, связывающее иерархически офицеров с солдатами, поэтому и образование их должно стоять выше, чем простых рядовых. К этому надо прибавить, что во всех армиях им открыт доступ в офицеры; следовательно, если образование унтер-офицеров пренебрежено, путь этот должен перед ними закрыться, или армия будет терпеть от офицеров, не соответствующих своему назначению.

Самое же серьезное военное образование должно заключаться в самих офицерах и высших чинах армии. Если Наполеон ценил себя в 100 000, если Екатерина Великая считала за две ту армию, которой командовал Суворов, то можно ли сомневаться в важности военного искусства в начальниках войск? А искусство дается не одним только гениям, но и тем людям, которые захотят разработать способности, данные им природой. Офицер менее главнокомандующего, но каждый в своем кругу может быть на столько же полезен, увеличивая своими соображениями результат действий войск иногда вдвое, а иногда в 10 и более раз. Бесчисленны примеры, что искусство одолевало не только многочисленность, но и самую отчаянную храбрость...

Офицеры, незрелые ни нравственно, ни умственно, ни физически, не могут иметь благотворного влияния на армию. У них не может быть серьезного взгляда на ежедневные обязанности службы, и вся польза их ограничивается тем, что они всегда готовы, как солдаты, умереть перед фронтом. Сколько английской молодежи погибло в Крыму, но все-таки это не доставило славы ни им, ни армии, ни государству. А незрелость нравственная как горько отзывается впоследствии, когда человек, начавший поприще без твердых убеждений, достигает наконец значительных должностей! — Раз, что он не успел сознать себя, своего достоинства. Он не признает достоинства и других, не будет в состоянии поднять, скрепить окружающее его общество и очень часто не будет в состоянии даже честно вести порученного ему хозяйства. Офицеры должны входить в армию не иначе как с твердыми нравственными элементами, иначе, как говорит Виккеде, они подготовят армии участь, постигшую французов под Росбахом, а пожалуй и еще худшую. Невежественная молодость, как и невежественное старчество, одинаково губительны для армии.

Как дух и тело на известных годах крепнут, точно так же они на известном возрасте и слабеют. Бывают исключения, но большинство людей подвергается общему закону органической жизни, и к 60-му году редко в ком сохраняются во всей силе энергия характера, быстрота соображений и изобретательность мысли. Поэтому и командование войсками должно поручаться людям еще не утратившим этих качеств. Пруссия проиграла кампанию 1806 года в одно сражение; одною же из причин проигрыша сражения было то, что трем предводителям ее армии: герцогу Брауншвейгскому, Рюхелю, Гогенлоэ и главному советнику при короле, фельдмаршалу Мелендорфу, было в сложности 265 лет, т.е. более чем по 66 на человека. Человек, увенчанный сединами, редко в состоянии изменить свои взгляды и убеждения; так и прусские генералы встретили армию Наполеона со своими старыми убеждениями о военном искусстве, тогда как предшествовавшие войны, кажется, ясно свидетельствовали, что оно изменилось. Наполеон в 1812, 1813 и 1815 году был уже не тем, что в 1796. Кутузов в 1812 году, вероятно, деятельнее преследовал бы Наполеона, если бы был моложе. Даже такой сильный военный характер, как Суворов, в швейцарском походе, в последнюю пору своего командования, имел минуту слабости и на коленях плакал перед цесаревичем.

Если мы обращаем такое внимание на образование войск, и в особенности на хороший состав офицеров, то именно потому, что от них более всего зависит дух войск. А в силе духа и заключается главное отличие человека, способного с честью защищать отечество, от человека, не годного для этой цели. Не развивая духа, сделать солдата — легко, сделать же настоящего воина — трудно. До сих пор сознательную силу духа старались заменить привычкой к военному ремеслу и потому находили, что сроки меньшие, чем 10- или 15-летние, не достаточны для образования хорошего солдата. Но экономические условия жизни государства заставляют отказаться от этой рутины; значит, обойтись без сознания невозможно, и слава Богу, потому что дух в состоянии дать в десять раз более, чем десятилетняя привычка. Но сила духа тогда только даст хорошего воина, когда ее будут воспитывать, когда нравственною стороною солдата будут заниматься постоянно. Необходимо овладеть ею в солдате, чтобы сделать ее несокрушимым орудием против неприятеля и безвредною для мирных жителей. А это возможно только, если и в самом последнем солдате чтить его человеческое достоинство. Только хороший человек может быть хорошим воином, честным слугою отечеству и государю. Каждому солдату открыта дорога в офицеры; можно ли давить в нем чувство, без которого он будет после никуда не годен?..

Из всего сказанного видно, что отныне сила еще более должна уступить смыслу, искусству; в этом заключается успех не только военного дела, но и всего человечества. Усовершенствование огнестрельного оружия отразилось на всем нашем ремесле, увеличило и без того большие издержки на содержание войск, сделало войну вдвое, втрое дороже, чем прежде, соединило ее с гораздо большими пожертвованиями, следовательно, заставило еще более дорожить миром. С этой стороны будем смотреть спокойно на все изобретения, которыми люди стремятся уничтожить друг друга. Вот где видна рука Провидения, где зло обращается в благо.

Заметим, что в настоящее время самые приготовления к войне уже так дороги, требуют таких расходов на снаряжение войск и устройство материальной части, что почти равняются пожертвованиям самой войны, и разница только в том, что нет еще убыли от сражений.

5. Общий вид или состав различных военных систем

Соображениями экономическими и военными мы пришли к тому заключению, что основание могущества государства лежит в народе; что, следовательно, и военная сила государства зависит более от силы народа вообще, чем от силы его армий и флотов, и, наконец, что система вооружения каждого государства должна основываться на совокупности сил действующих, содержимых постоянно на службе, и не действующих, т.е. не содержимых в мирное время.

Смотря по тому, какое начало, политическое, историческое, экономическое или чисто военное, преобладает в военной системе государства, она выражается соединением, в больших или меньших размерах, следующих учреждений: постоянной армии, резервов и ландверов, милиций или ополчений и, наконец, поселенных войск. Определим значение этих учреждений и взаимное их соотношение.

Постоянная армия составляет зерно военной силы и в настоящее время в большей части государств получает преимущественно значение кадра, сквозь который проходит мужающее население страны. Нет сомнения, что с постепенным развитием народов постоянные армии должны уменьшаться; увеличиваться же будут пассивные силы государств. — Но этой выгодой, даже и при одинаковом умственном состоянии народов, в большей степени будут пользоваться те государства, коих владения ограниченнее; при обширных же

владениях сроки, сравнительно, должны быть несколько большие, чтобы вознаградить время, употребляемое рекрутами на перемещение их к месту служения, которое может быть иногда отдалено от места набора.

Резерв и ландверы служат существеннейшим дополнением постоянной армии. Принимая в себя людей уже отслуживших часть службы в армии или таких, которые должны бы были в нее поступать, но уволены от этого по особым обстоятельствам, они в мирное время находятся обыкновенно в отпуску, сохраняя только небольшие постоянные кадры, к которым собираются в известное время для строевых занятий. В случае войны из них формируются особые части войск или же только пополняются войска действующие. Выгоднее всего, чтобы их организация соответствовала организации постоянной армии; тогда, с переходом на военное положение, они могут иметь совершенно одинаковое с нею назначение, и государство найдет в них прочную основу для продолжительных военных действий. Резервы, а частью и ландверы, подобно постоянной армии, могут одинаково употребляться как для действий внутри, так и вне государства.

Милиции и ополчения представляют то, что называется вооруженным населением, и употребляются обыкновенно только внутри государства, когда оно подвергается решительной опасности. Чем народ развитее, тем больше значения может иметь его милиция, соперничествуя достоинствами своими с регулярным, постоянным войском. В некоторых государствах она служит даже главным основанием для обеспечения внешней безопасности; в таком случае, подобно английской, она должна иметь постоянную организацию и кадры для обучения прибывающих людей. — Кроме известных примеров из истории европейских государств, которыми мы могли бы подтвердить важность милиции в войне оборонительной, мы приведем здесь отрывок из речи президента Полка о милиции Соединенных Штатов, в доказательство возможности употребления ее даже в войне наступательной. Речь эта есть часть отчета, представленного Союзному конгрессу в декабре 1848 г., после войны с Мексикой.

«Одним из весьма важных результатов войны, которую мы вели с соседним государством, было то, что она обнаружила военную силу нашей страны. До войны с Мексикой иностранные державы имели лишь весьма неполное и неточное понятие о физической силе нашего народа и его средствах вести войну, в особенности вне пределов отечества. Они видели, что мы содержим в мирное время не более 10 000 войск; будучи же сами приучены к большому регулярным армиям, они не считали возможным, чтобы нация с успехом вела войну без подобной дисциплинированной армии, образуемой

продолжительными сроками. Они пренебрегали нашей милицией, далеко не считая ее за силу действительную. События последней войны опровергли эти мнения. Она доказала, что без всяких приготовлений, в минуту внезапно открывающихся неприязненных действий, мы можем выставить, в кратчайший срок, армию волонтеров, из солдат-граждан, не уступающую достоинствами старым войскам и достаточно многочисленную, чтобы удовлетворить всем потребностям войны. Совершенно противно тому, что было бы, в подобном случае, во всякой другой стране, мы не должны были прибегать ни к каким жребиям или конскрипциям. Далеко нет; число волонтеров, с патриотизмом предлагавших свои услуги, было так велико, что главное затруднение состояло в том, как выбрать и решить, кому вернуться в свое жилище.

Наши солдаты-граждане совершенно не таковы, как набираемые из населения других стран. В их рядах встретите все знания, все ремесла: фермеров, адвокатов, докторов, купцов, мастеровых, рабочих как между офицерами, так и между простыми солдатами. Они явились вооруженными и приученными с юности владеть своим оружием; многие из них, в особенности же из западных штатов, искусные стрелки. Это люди, которые стараются поддержать свою репутацию хорошим поведением в войсках. Они разумны и обладают такой индивидуальностью, какой не найти в рядах другой армии. В деле каждый солдат, как и каждый офицер, дерется для своей страны и вместе с тем для славы и отличий, которыми его почтили бы граждане, когда он вернется к своей частной жизни». Положим, что Американец здесь немного прихвастнул, но есть же тут и доля правды.

Поселенные войска. При соседстве государства с народами необразованными, не получившими еще правильного устройства или мало подчиняющимися власти своих правительств, — действующих войск для внешней безопасности бывает недостаточно; в этом случае границы обеспечиваются только тогда, как военная сила присутствует постоянно, и притом в равной мере по всему их протяжению. Здесь достояние и труд граждан приходится охранять от ничтожных хищничеств, от разорительных набегов. При таком условии действующие войска могут только служить для наказания хищников, а не имеют возможности поспевать всегда вовремя, чтобы оградить население от самого хищничества. Является, значит, необходимость развить вооруженную силу в самом населении пограничной полосы. Для этого ему дают правильное военное устройство и обязывают военной службою все подрастающее мужское население или же на границу переселяют людей, уже служивших в войске и изъявивших

желание пользоваться землей, несмотря на предстоящие опасности. Таким образом, на границе образуется оседлая военная сила, обеспечивающая край от неприятеля без пособия регулярной армии, за исключением, конечно, особых случаев.

Но кроме этого частного явления поселенных войск история представляет нам примеры существования их не только в виде учреждения местного, а общего, примененного ко всему государственному устройству страны. Причины, которые производили подобное явление, были всегда одни и те же, именно желание не отнимать рук от обработки земли, не затруднять военную службу гражданственного развития народа и, не тратя огромных сумм на содержание войск в мирное время, иметь на случай надобности достаточные вооруженные силы. На этом основании каждый солдат был вместе с тем и земледelec. Но непрерывные войны двух последних веков, заставившие почти постоянно держать войска в сборе, и развитие военного искусства, потребовавшее специального образования от некоторых родов оружия, вынудили почти все государства отказаться от этой системы. Поселенные войска сменялись постепенно постоянными армиями, и в настоящее время, если еще и сохранились в Швеции, то по особым благоприятным для того обстоятельствам.

1858 г.

Н. ОБРУЧЕВ

МЫСЛИ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ АРМИИ

1. Самобытность народной жизни

Каждое государственное учреждение страны должно, по нашему крайнему разумению, прежде всего согласоваться, или, другими словами, гармонировать, с национальным характером народа. Это необходимо для того, чтобы полнее достигнуть той цели, для которой оно создано. Учреждение, не соответствующее национальному характеру народа, похоже на дерево, посаженное в такую почву, которая не заключает в себе всех питательных веществ, необходимых для его успешного произрастания. Абсолютно хороших учреждений нет во всем свете, и все они хороши лишь там, где они явились как органический продукт народной жизни. Английские учреждения, например, — учреждения совершенно самобытные — составляют предмет зависти для других народов; но эти же учреждения, перенесенные в другую страну, оказываются никуда не годными или, по крайней мере, далеко не приносят той пользы, как в своей стране. И понятно: английские учреждения — это здание, фундаментом которому служит национальный характер народа, т.е. его нравы, обычаи и другие элементы, из которых слагается народный характер. Вот почему если бы мы захотели пересадить английские учреждения в какую-либо страну, то прежде всего мы должны создать в этой стране таких же англичан, каких мы находим на Британских островах. Английские учреждения развивались историческим путем, путем постепенного и медленного образования; они составляют результат многовекового исторического процесса народной жизни и шли вместе, рука об руку, с жизнью, не отставая от нее и не забегая вперед.

Вот почему английская история представляет собою в современной Европе едва ли не единственный пример здорового развития национальной жизни. Эта же история доказывает, что не учреждения создают жизнь народа, а, наоборот — жизнь создает учреждения и что только те учреждения прочны и удовлетворяют всем потребностям жизни, которые развиваются путем постепенного исторического процесса. Думать иначе могут только те страстные и увлекающиеся натуры, которые, ослепленные страстью, воображают, что стоит только дать народу те или другие учреждения, чтобы разом пересоздать жизнь его по масштабу любого идеала.

История не терпит скачков, а тем более страстных порывов и каких бы то ни было увлечений. История — это не юноша, страстно увлекающийся всякою новою мыслью, сулящей то или иное улучшение в быте народа, а испытанный многовековою борьбою мудрец, который каждый свой шаг на жизненном пути взвешивает строгим, холодным рассудком. Современное состояние Франции показывает, как опасны скачки и порывы на историческом пути. В конце прошлого столетия, в первую свою революцию, французский народ оторвался от своей истории: и вот в продолжение почти целого столетия он, как потерявшийся человек, бросается от одной крайности в другую, ища такого порядка, на котором он мог бы прочно остановиться. Но, как тень, бежит от него все, что может упрочить для него ту или иную форму. Таковы следствия исторических скачков!

Всякая революция есть не что иное, как переворот, который совершается в истории народа с политической или с социальной целью или с тою и другою вместе. Характеристическая особенность каждого такого переворота есть неожиданность, а средства, к которым он прибегает для достижения своей цели, — внешняя сила, стремящаяся путем насилия, внешнего принуждения пересоздать народную жизнь, построив ее совершенно на иных началах, чем те, которые руководили ею до тех пор. От внезапного и слишком резкого перехода от старых порядков, установившихся путем медленного исторического процесса, к порядкам новым — в истории народа образуется, так сказать, прорыв, так как при этом порываются все те исторические нити, которые в форме разнообразных преданий и принципов связуют длинный ряд поколений.

Но как бы ни был велик тот или другой переворот, он, как внешнее и притом принудительное действие, не в состоянии совершенно изменить нравственных основ народной жизни, и народ, вследствие этого, остается почти при тех же понятиях, которые составляли нравственный кодекс его жизни в дореволюционное время: те же чувства, те же принципы, тот же образ мыслей, — словом, весь его нравственный и умственный строй остается почти нетронутым, потому что внешние средства для этого бессильны. Между тем новые порядки, появившиеся как результат переворота, совершенно не походят на те, которые окружали его прежнюю жизнь. Отсюда — разлад между внутренним строем народа и его внешним бытом, между содержанием и формой, и неудовольствие на новые порядки становится неизбежным. Общество, чувствуя на каждом шагу, что внешний строй его жизни не соответствует его внутреннему строю, начинает ощущать какой-то смутный страх; умами овладевает тревога, беспокойство; все чувствуют какую-то неловкость, как будто из-под ног каждого ускользает нечто

такое, что в прежнее время служило как бы опорой, и народ, опомнившийся от первого удара, начинает оглядываться назад, желая возвратиться к прежним порядкам. Отсюда является реакция. Общество, в своем целом, лишенное тех руководящих принципов, которые рухнули под ударами революции вместе со старыми порядками и которые, при нормальном порядке вещей, вырабатываясь веками исторической жизни, переходят от поколения к поколению, — разделяется на несколько партий, более или менее враждебных друг другу. Одна часть общества остается верна традициям своей истории, другая, составляющая противоположный лагерь, состоит из приверженцев новых порядков. Кроме этих двух главных партий являются еще промежуточные партии, состоящие из людей, которые, сознавая, что возврат к старым порядкам уже невозможен, но и не желая почему-либо мириться с существующим, создают себе новые идеалы. Каждая из этих партий стремится водворить в стране тот порядок вещей, который соответствовал бы ее собственным идеалам. Отсюда является борьба партий, — борьба, которая не дает установиться прочному порядку вещей. Те интеллектуальные силы, которые могли бы быть употреблены на развитие внутреннего прогресса, растрачиваются здесь на бесплодную борьбу. Без исторических принципов, без преданий, без всего, что дает устойчивость и прочный порядок народной жизни, общество, лишенное исторической точки опоры, подвержено всевозможным колебаниям; подобно кораблю без руля и якорей, оно носится стихийными силами по воле слепого случая...

Не таков тот путь народной жизни, который можно назвать путем постепенного исторического движения, путем свободного внутреннего убеждения, того невидимого процесса, который совершается в глубине человеческой души. Развиваясь этим путем, историческая жизнь народа не делает скачков, а идет ровным, постепенным шагом, без тех или других уклонений в сторону. Правда, и тут не обходится без борьбы, которая составляет как бы неизбежный ингредиент человеческой природы; но эта борьба не грубой физической силы, а силы нравственной, силы духа и ума. Тут нет ни баррикад, ни эшафотов, ни темниц и других орудий насилия, без которых не обходится ни один внешний переворот.

Правда, путь этот медлен и не дает тех скороспелых плодов, которые являются как результат всякого насильственного переворота; но зато он прочен и не дает заднего хода или уклонений в сторону. Если отличительным признаком всякого внешнего переворота служит насилие или принуждение, вытекающее не из свободного общественного самосознания, а из внешнего, постороннего

источника, то тот путь, который мы назвали постепенным историческим путем, наоборот, характеризуется отсутствием всякого внешнего принуждения. Короче сказать: эти два пути противоположны, как два полюса: внешний путь — путь насилия, а внутренний — путь свободного убеждения, вот различие в средствах того и другого пути, различие, которое естественно и приводит к различным результатам.

Идя внутренним путем, путем свободного убеждения, общество приходит самостоятельно к сознанию в необходимости тех или других перемен. Только после того, как это сознание проникнет в общество и охватит значительное большинство умов, наступает пора известных перемен в жизни народа, и тогда легко и свободно достигается цель и прочно устанавливается новый порядок. Напротив, внешним путем, путем насилия, легко прийти совершенно не к тем результатам, в интересах которых принимаются те или другие меры. Не нужно забывать, что человек всегда склонен верить более в истинность и безошибочность своих понятий, чем наоборот; и вот, вследствие этого, все несогласное с этими понятиями он не называет иначе как ложью и заблуждением. Поэтому все то, что не согласуется со складом наших понятий, вызывает в нас реакцию, противодействие, борьбу, которая в нашем сознании является уже как борьба добра со злом, истины с заблуждением. Тут не поможет никакое внешнее принуждение, из какого бы источника оно ни исходило; напротив, всякое насилие, употребленное в подобном случае, скорее может привести совершенно к противоположным результатам...

Русский народ также пережил один из тех внешних переворотов, которые дают неестественное направление исторической жизни народа. Хотя наша революция и имеет официальное происхождение, так как совершил ее первый русский Император, но, несмотря на это, она имеет много общего с каждой революцией, какой бы характер она ни имела. Разница между переворотом, совершенным Петром Великим, и, например, французской революцией, состоит лишь в том, что последняя имеет более политический характер, между тем как внешний переворот носит исключительно характер социальный, так как государственная форма у нас осталась прежняя. Сходство же их заключается не только в средствах, которые употреблялись здесь и там, но и в целях, по крайней мере по общей идее: средством или орудием для них обоих служило насилие, а целью — желание построить народную жизнь по своим собственным идеалам. При этом в высшей степени замечательно еще то, что как наш, так и французский переворот далеко не оправдал ожидания тех, которые произвели их.

В течение полутора десятков лет, прошедших со смерти Петра, можно было бы, кажется, многому научиться и многое сделать самим. Но такова уж судьба всех внешних переворотов, что они бессильны привести к каким-либо положительным результатам. Как внешняя движущая сила, противоположная внутренней силе, силе внутреннего свободного сознания, каждый такой переворот, естественно, и не может привести ни к чему иному, как к неполным только результатам.

Вот почему если бы Петр начал свои преобразования не с одной только внешней стороны и вместо бритья бород и немецкого платья обратил бы исключительное внимание на просвещение ума и души своих подданных, то Россия, без сомнения, пришла бы к иным результатам...

Учились всему; но ничего серьезного не знали, да и не было в этом потребности, так как внешняя жизнь общества требовала не знаний, а лишь умения с видом знатока рассуждать обо всем, т.е. умения казаться тем или другим, смотря по тому, кто какую роль принял на себя в этой игре в ученость и просвещение... Так как условия внешней жизни требовали и внешних только успехов, то искусство казаться доведено у нас до высшей степени совершенства. Для того чтобы не быть, а только казаться цивилизованным человеком, нужно было немного: более или менее развязно болтать по-французски, бойко резонировать обо всем, хотя в действительности ничего не зная, легко носиться по паркету, рядиться по последней парижской моде, иметь абонемент в итальянской опере, каждый год от нечего делать слоняться по заграничным водам и, в довершение всего, обзавестись французской кухней — вот все те признаки, которыми исчерпывается наша цивилизация. Французское воспитание, руководимое разными иностранными выходцами не только сомнительной учености, но едва ли не такой же репутации, получило право гражданства в нашем высшем обществе и стало почти всеобщим. И это-то воспитание приготовило нам чуть ли не целые поколения передовых деятелей, которые, в силу своего рождения, готовясь быть официальными и неофициальными руководителями русского общества, изучали Россию и русский народ по французским учебникам... Внешность, и только одна внешность, получила у нас значение везде и во всем; внешность в образовании, внешность в воспитании, внешность в общественной и государственной жизни, словом, с какой бы стороны мы ни взглянули на жизнь нашего общества, везде найдем только одно: внешность, внешность и внешность...

Но подражания одной внешней жизни цивилизованных народов нам показалось мало, и мы дошли до такого абсурда, что стали пересаживать с

иноземной почвы на свою не только обстановку внешней жизни, но даже и такие вещи, как нравы и обычаи, т.е. именно то, что должно составлять и действительно составляет особенность каждой национальности, мало-мальски уважающей себя. Усвоивая, таким образом, чуждые нам нравы и обычаи, мы еще более обезличиваем себя, лишаемся той самобытности, той самосозидающей силы, если можно так выразиться, которая только одна способна к действительно, а не мишурному прогрессу.

Не значит ли это то, что русское общество до сих пор живет в силу лишь одной инерции, сообщенной ему реформами Петра Великого? Исключения не составляют общего правила. Не подлежит, конечно, сомнению, что реформы эти сообщили прогресс русской жизни; но прогресс этот выразился только во внешней стороне этой жизни: он коренным образом переделал всю внешнюю обстановку русского человека; но в то же время мало коснулся самого человека, человека не внешнего, а внутреннего. То, что мы видим теперь, есть только прямой результат того исторического переворота, который мы называем иначе реформами Петра. Как внешний переворот, отличительный признак которого есть насилие, реформы эти по самой сущности своей не могли привести русскую жизнь к другим, более полным результатам. Самый крупный и в то же время самый нежелательный из результатов, к которому пришла русская жизнь вследствие своего внешнего прогресса, есть тот печальный факт, что наше образованное общество потеряло свою национальную самобытность...

Национальная самобытность, по нашему мнению, имеет в цивилизации человечества то же значение, какое индивидуальная оригинальность имеет в цивилизации отдельной нации. Чем оригинальнее духовная природа какого-либо индивидуума, т.е. чем более он заключает в себе самобытных, только ему одному свойственных начал, тем, без сомнения, плодотворнее будет его деятельность. «Люди достигают высокого достоинства и преимущества не через выкраивание себя по мерке, — говорит Милль в своем сочинении “О свободе”, — а через развитие своей индивидуальности, вызывая ее к жизни в тех пределах, которые обуславливаются правами и интересами других людей. Как всякое произведение носит на себе отпечаток характера того, кто его произвел, так и жизнь человеческая с развитием индивидуальности становится полнее, богаче, разнообразнее, дает более обильный материал для высоких мыслей и возвышенных чувств, укрепляет связь между индивидуумом и его расой, возвышая достоинство самой расы».

То, что говорится об индивидуальности людей, — можно сказать и об

индивидуальности целых наций, так как индивидуальность той или другой нации заключается в ее самобытности, т.е. в тех самобытных началах, выработанных самостоятельной жизнью, которые составляют ее отличительный признак в ряду других наций, — ее физиономию, если можно так выразиться. Индивидуальность отдельного лица есть только незначительная часть той общей индивидуальности, которая может быть присуща целой нации: чем оригинальнее будут части, тем индивидуальнее будет целое, состоящее из этих частей.

Современная европейская цивилизация потому и отличается такою разносторонностью, сравнительно с древними цивилизациями, что в ней принимают участие несколько народностей и самобытных национальностей. Каждая такая национальность вносит в общую цивилизацию свой собственный элемент, нечто такое, чего не могут дать другие нации. Таким образом, одна нация дополняет то, что недостает другой. Отсюда — разнообразие как в содержании, так и в формах европейской цивилизации. Нет и не может быть такой нации, которая одними собственными средствами достигла бы в цивилизации совершенства, доступного для всего человечества. Нации в этом отношении подчиняются тем же законам, как и отдельные личности: культурные силы нации так же ограничены и односторонны, сравнительно с тем, что может представить совокупность нескольких наций, как ограничены и односторонны способности отдельного человека.

Вот почему современная европейская цивилизация была бы, без сомнения, гораздо разностороннее и, так сказать, роскошнее, если бы Западная Европа заключала в себе большее число самобытных национальностей; но западноевропейские народности, несмотря на их видимую отдельность, слишком близки друг другу. До сих пор во главе европейской цивилизации стоят два племени: романское и германское, которые имеют слишком много общего, чтобы придать ей большую разносторонность.

Если индивидуальность не находит достаточного простора в Западной Европе, то что же сказать про наши общественные порядки, которые есть лишь неудачный сколок с западноевропейских? Всегда почти бывает так, что когда один индивидуум начинает бессознательно подражать другому, то недостатки, присущие последнему, у первого почти всегда достигают своего крайнего развития, потому ли, что находят для себя более плодотворную почву?.. Нечто подобное случилось и с нами: то, что в Западной Европе существует как бы случайно, хотя и постоянно, у нас то же самое возведено чуть ли не в систему, подобно Китаю. Нигде нет такого беспощадного нивелирования всех природных

особенностей, присущих каждому индивидууму, как у нас; нигде нет такой нетерпимости ко всему, что не подходит под уровень общепринятых понятий, как в нашем обществе; нигде оригинальность, высказывающаяся в поступках или мнениях того или другого индивидуума, если только она высказывается у нас когда-нибудь, не преследуется с таким ожесточением, как опять-таки у нас; с другой стороны, нигде нет такого огульного самоуничтожения, такого духовного аскетизма, как в среде русского общества. И такой-то порядок, неестественный для разумного человеческого существования, не только терпится у нас, но и считается как признак цивилизации... Если вы, например, поставите такой вопрос: почему то или другое делается у нас так, а не иначе, или — почему у нас все, как один человек, поступают в известном деле так, как будто бы все они имеют один вкус, одни желания и одни понятия и совершенно лишены того, что называется индивидуальными особенностями, то вас ожидает один и тот же ответ: «так принято между образованными людьми», как будто образование — такой фактор, который делает из людей автоматов, ничего не имеющих своего — ни вкуса, ни желаний, ни мыслей, ни чувств!..

К сожалению, Россия до сих пор шла как раз вразрез с этими принципами: мы не только изгнали из своей среды всякую индивидуальность, но и во имя каких-то высших интересов, которых мы сами едва ли понимаем, уничтожили свою национальную самобытность. И такое-то печальное состояние существует не только в жизни нашего общества, но и в жизни государства.

Если англичане кладут в основание своих учреждений национальный характер народа, то мы, русские, до сих пор действовали совершенно иначе: наши учреждения имеют не национальный характер, как там, а скорее характер той страны, откуда они заимствованы, или же в них замечается совершенно абстрактный характер. Действительно, мы, русские, к сожалению, не можем указать ни на одно из своих учреждений, которое можно было бы назвать национальным учреждением. Начиная с легкой руки Петра I мы до сих пор не создали ничего, что мы могли бы назвать своим.

То же самое случилось и с нашей военной системой. Возьмем для примера хоть систему отпусков, которая нас теперь занимает. Она получила свое начало в силу той простой истины, что невозможно в мирное время содержать в рядах армии постоянно все то число людей, которое необходимо иметь на случай войны, не истощая чрезмерными расходами страны. Отсюда — держать этих людей в рядах армии в мирное время только часть, увольняя остальных в отпуск и призывая их лишь в случае войны. Таким образом, весь вопрос здесь сводится на

вопрос чисто финансовый. Отсюда ясно, что идея, положенная в основание этой системы, имеет свое значение и смысл всюду: будь то Китай, Япония, Россия или Франция. Но в какой форме должна быть осуществлена эта идея — это другой вопрос, который не везде одинаково может быть разрешен, потому что здесь все зависит от местных условий и национальных особенностей данного народа. Так, например, в Пруссии тоже существует кадровая система; но идея этой системы применена там иначе, чем где-либо в другой стране, и прусская военная система в этом отношении может считаться чисто национальным учреждением. Напротив, мы заимствовали не только идею системы, но и форму, в которую она вылилась у себя на родине. Вот почему прусская военная система, как национальное учреждение, дала такие блестящие результаты в отношении мобилизации войск и стала гордостью своего народа! Мы же, пересадив целиком эту систему с чужой почвы на родную, получили, как и следовало ожидать, далеко не блестящие результаты...

2. Основания военной системы

При всех достоинствах нашего народного характера мы должны, однако, сознаться, что в нем есть такие особенности, которые менее всего делают его способным вообще к сложным делам: небрежность и неаккуратность в исполнении, невнимание и легкое отношение к делу, как бы ни было оно серьезно, беспечность и, наконец, то знаменитое «авось», которое лучше всего характеризует русского человека в этом отношении, — вот особенности нашего народного характера. Кто их не знает и кто из нас, русских, не чувствует их в себе? Не повседневные ли факты говорят нам о том, с каким неряшеством русский человек относится к своим обязанностям, которые возлагаются на него обществом или государством, несмотря на всю важность этих обязанностей? Другой крупный недостаток нашего народного характера — это привычка откладывать исполнение каждого дела день за день; а потом, когда уже по большей части бывает потеряна удобная минута, мы напрягаем все усилия и делаем все разом, так сказать, залпом. А между тем успех какого-либо дела мыслим только тогда, когда оно делается в свое время. Эту немудреную азбуку каждый из нас знает, но далеко не все следуют ей.

Если мы теперь сопоставим все эти недостатки русского народного характера с теми качествами, которые требуются нашей системой мобилизации армии и о которых мы говорили выше, то придем к понятному выводу, не

требующему комментариев. Действительно, есть ли в Европе другой народ, который по особенностям своего национального характера, по своему интеллектуальному развитию, составляющему, сравнительно, достояние лишь немногих, нуждался бы более, чем мы, русские, в упрощенном и несложном механизме в каждом деле, а тем более в таком трудном и опасном, как военное? Очевидно нет. А между тем наша военная система своей необычайной сложностью предполагает в русском человеке такие свойства, которыми он обладает менее всего. Спрашивается: где же тут то согласие, та гармония с народным характером, без которых ни одно учреждение не может вполне достигнуть своей цели? Нельзя же в самом деле переделать по-своему веками сложившийся народный характер! Подобное заблуждение ведет к одним лишь разочарованиям, что мы не раз испытали в последний период своей истории. Сколько, например, замышлялось у нас новых учреждений, начиная хоть с Екатерины Второй, превосходных по своим целям, если смотреть на них с абсолютной точки зрения; но, плохо соображенные со свойствами русского народного характера, они или скоропостижно умирали, или прозябали как тепличные растения.

Каждый народ имеет свои достоинства и недостатки: русский народ одарен такими достоинствами, которых не найдете, например, ни у немцев, ни у французов, и наоборот. Вся сила состоит в том, чтобы ясно сознать как достоинства, так и недостатки своего народа, и уже на этом фундаменте строить то или другое учреждение. Великое дело — народный характер: это сила, которая дает решительный отпор всему, что не согласуется с ее свойствами. Вот почему, для того чтобы сделать что-нибудь полезное для народа, нужно знать все его нравственные и умственные свойства.

Итак, простота, простота и простота — вот три вещи, которые должны быть положены в основание нашей военной системы...

Еще не кончилась Прусско-французская война, как у нас было уже решено, о чем мы упомянули уже выше, начать преобразования в армии. Начали удачно, именно с того, с чего и следовало начинать, — с всеобщей воинской повинности, которая должна в настоящее время служить, так сказать, основанием в организации вооруженных сил. Сама по себе эта повинность, в отношении боевого элемента, немного еще значит; но она важна в том отношении, что благодаря ей в настоящее время есть возможность дать армии такую организацию, которая более всего удовлетворяет потребностям нашего времени и которая была бы немыслима без нее, организацию чисто народной армии.

Наша армия, как известно, систематически и строго разобщалась с своим народом, с которым она не должна была иметь ничего общего. Вот та военная система, которая, благодаря крепостному праву, существовала у нас и во многом существует до сих пор. Этого ли мы хотим теперь, когда всем и каждому из нас ставят в обязанность защищать свое отечество?

Было время, когда, может быть, иначе и быть не могло; но, к счастью, все это стало уже достоянием истории. В настоящее же время образовались другие условия быта и народились другие потребности русского народа: то, что было невозможно десять — двадцать лет тому назад, стало легко исполнимо теперь. Доверие к народу и тесная связь с народом — вот тот принцип, на основании которого должна быть построена наша военная система, если мы хотим обладать силой, которая была бы соразмерна с потребностями такого государства, как Россия. Скажем более: принцип этот должен быть положен в основание нашей как внутренней, так и внешней политики...

Итак, взаимное доверие между народом и его верховной властью — вот наша сила, это та сила, которая, можно сказать без преувеличения, способна привести нас к истинно великим результатам.

Но сила тогда только может быть действительной силой, а не тенью ее, когда она правильно организована и систематически направлена к достижению известных целей. Народные силы в этом случае — сырой материал, который для того, чтобы извлечь из него всю пользу, должен быть тщательно обработан и влит в ту или иную форму. У нас, до сих пор по крайней мере, обращались к народу только в самые критические, так сказать, отчаянные минуты, когда уже более не оставалось никаких средств. Народные силы не создаются одним мановением: для этого нужно более или менее продолжительное время; здесь более чем где-либо нужен систематически последовательный труд в продолжение не одного года.

Каким образом наши народные силы могут быть приготовлены, чтобы иметь действительную, а не воображаемую только силу, — вот задача, попытаться разрешить которую, по мере наших сил, мы поставили себе целью в этом труде. Нужно ли говорить, что задача эта до того трудна, что едва ли по силам одному человеку, и мы сознаем это. Вот почему мы просим не ожидать от нас чего-либо полного и законченного: наша цель — указать лишь на те силы, которые кроются в нашем народе, и вместе с тем сказать о тех началах, на которых они должны быть, по нашему мнению, построены, сообразуясь при этом с духом нашего народа и особенностями его бытовых условий.

Боевая сила армии слагается главным образом из следующих четырех

элементов:

- 1) численности;
- 2) подвижности;
- 3) тактического образования и
- 4) нравственной силы, к которой мы причисляем и дисциплину, или того, что называется духом армии.

Вот те элементы, на которых зиждется сила всякой армии: чем выше развиты эти элементы, тем, конечно, более обладает она боевыми способностями. Так, например, вероятность победы всегда будет на стороне той армии, которая, обладая в равной степени с своим противником прочими элементами, превосходит его своей численностью...

Судя по существующим в данный момент политическим отношениям государств, возможно, хотя приблизительно, определить то количество сил, которое известное государство может выставить в поле. Если мы и согласимся с этим, хотя и не безусловно, то лишь в отношении самого близкого будущего. Между тем не нужно забывать, что численность рассчитывается не на один и не на два года. При этом не должно забывать и того, как изменчивы и ненадежны бывают политические отношения государств: сегодня одни, а завтра уже совершенно другие. Но что же, однако, может служить мерилom вооруженных сил, необходимых России? Для этого, по нашему мнению, скорее нужно брать не условную, а, так сказать, абсолютную цифру военных сил других государств, чем путаться в невероятных предположениях. Вот исходная точка, как мы думаем, для определения числа наших военных сил.

Но Россия в этом отношении имеет, как известно, свои особенности, которых нет ни у одного из европейских народов, именно: можем ли мы рассчитывать свои вооруженные силы на одиночную борьбу с каким-либо из европейских государств? Едва ли не одна Россия должна задаваться подобным вопросом, припоминая историю своих войн. Действительно, Россия слишком сильна для того, чтобы кто-либо из европейских народов решился с ней на поединок. Она сильна не столько своей армией, сколько духом своего народа и физическими свойствами страны. Раздавить ее так, как Германия раздавила Францию, — дело едва ли возможное, хотя бы армия ее и потерпела не одно поражение. Судя по истории наших войн и по духу нашего народа, по духу, который он проявлял в некоторых из них, можно положительно сказать, что ни один народ не ведет с таким упорством и с такой энергией борьбу с своими врагами, как русский, энергия которого не только не ослабевает с продолжением

войны, как то мы замечаем у других народов, а, напротив, растет по мере того, как затягивается борьба.

Итак, для того чтобы заставить русский народ заключить невыгодный для себя мир, нужны, очевидно, не одиночные силы какого-либо государства, а силы союза, состоящего из нескольких государств. В том-то наша и беда, если можно так выразиться, что мы не можем рассчитывать свои военные силы на одиночную борьбу. Вспомним при этом 1812 год, Крымскую войну и последнее польское восстание, когда на нас едва не обрушился союз пол-Европы; все это такие факты, которые красноречиво говорят в пользу того, что все войны России в Европе были и будут войнами против коалиций.

Россия не может рассчитывать ни на одиночную борьбу, ни на какой-либо союз и должна полагаться, следовательно, единственно только на свои собственные силы.

Конечно, можно убаюкивать себя несбыточными надеждами на какие-либо союзы, можно пренебрегать и великими уроками истории, все это так; но к чему все это может привести? Вот вопрос. Ведь и перед Крымской войной мы совершенно не ожидали такой страшной грозы; мы думали в то время, что грозные тучи, заволакивавшие политический горизонт России, ни более ни менее как легкие облака, которые при первом дуновении ветра сами собою рассеются, и горько ошиблись! Пришлось выдержать гигантскую борьбу с пятерным союзом. Бесспорно, мы имели и будем иметь, если хотите, союзников; но когда? Тогда лишь, когда мы им нужны, а не тогда, когда они нам понадобятся. Все наши союзы служили лишь в пользу нашим союзникам, которые эксплуатировали нашу русскую доверчивость.

Для боевых войск мало того, чтобы солдат был обучен: его нужно прежде всего воспитать как воина; а для этого нужно гораздо более времени, чем для усвоения одной лишь техники военного дела. Время, необходимое для воспитания солдата, много зависит от того, к какой национальности он принадлежит. Для француза, немца и русского нужно не одинаковое число лет для того, чтобы дать им военное воспитание. Самый главный и в то же время самый трудный элемент в этом воспитании — это, без сомнения, дисциплина. Обучить французского солдата военному делу можно скорее, чем русского или немца; но чтобы сделать из него дисциплинированного солдата, нужно несравненно более времени, чем для последних. Самая слабая сторона французской армии — дисциплина, которая не всегда находится там в удовлетворительном состоянии. Отсюда понятно, почему Тьер с такой энергией настаивал на пятилетнем сроке вместо трехлетнего,

как многим хотелось.

Но если французская армия не может похвалиться твердостью своей дисциплины, то русские войска, напротив, всегда резко выдавались именно с этой стороны. Действительно, наша армия во все времена отличалась твердостью и несокрушимостью своей дисциплины, которую не могли поколебать никакие несчастья и неудачи. Дисциплина — это ее сила, которая ставит русскую армию, в этом отношении, выше всех армий в мире. Дело в том, что, так сказать, задатки дисциплины той или другой армии заключаются в складе народной жизни, в его национальном характере. Наша армия черпает свою дисциплину именно из жизни русского народа, который всегда отличался повиновением, составляющим основу всякой дисциплины. Наша армия не пользуется, конечно, каким-либо секретом водворять у себя дисциплину лучше, чем мы видим это в других армиях: она просто пользуется готовым материалом, вырабатываемым в первоначальном, так сказать, сыром виде русской народной жизнью. Нужно помнить, что армия какой-либо страны есть ни более ни менее как часть того целого, которое мы называем народом: все пороки и добродетели того или другого народа всецело переходят в его армию. Вот почему можно сказать, что армия — это зеркало, отражающее в себе не только физическую, но и нравственную природу народа. Поэтому-то и наш рекрут, являясь в армию, приносит с собой уже все задатки дисциплины, которая требует лишь своего развития согласно с потребностями военной службы. Вот почему наша армия была и будет сильна своей дисциплиной, так как источник ее находится в характере народа.

Но нельзя сказать того же, как нам кажется, про другие элементы солдатского воспитания. После дисциплины в войсках должно быть воспитано на прочных началах то, что называется военным духом. Вызвать его, пожалуй, можно и в короткий срок службы, но трудно поручиться за то, что он не испарится в то время, когда солдат будет находиться вне рядов армии, т.е. в отпуску. Чтобы сберечь в войсках военный дух, для этого нужно: во-первых, принять, как общую меру, известную форму комплектования войск; во-вторых, нужно принять такой порядок в воспитании и образовании войск, который больше всего развивает военный дух в армии.

Итак, если мы при коротких сроках службы можем не бояться за воспитание наших войск, то после этого остается разрешить вопрос: каким образом сделать так, чтобы наш солдат получал в короткое время военную подготовку?

Чтобы разрешить этот вопрос, нужно, как мы уже заметили выше, во-

первых, дать возможность нашим войскам продолжать свое военное образование и в зимнее время; во-вторых, чтобы каждый солдат был развит умственно и физически так, как мы находим это, например, в немецкой армии...

3. Комплектование войск

Система комплектования войск не может быть произвольна. Она обуславливается не только потребностями военного дела, но и экономическим характером страны.

С другой стороны, комплектование войск — это фундамент того здания, которое известно под именем вооруженных сил страны. Отсюда понятно, что от доброкачественности тех материалов, из которых слагается этот фундамент, зависит и прочность самого здания. Но недостаточно еще обладать от природы хорошим материалом: нужно до известной степени обработать его, потому что народ, из которого армия возобновляет свой состав, в военном отношении есть не что иное, как сырой материал, требующий самой тщательной обработки прежде, чем мы решимся употребить его по назначению. Тем более это можно сказать про русский народ, который сам по себе, как военный материал, превосходит; но, с другой стороны, ни один народ не требует такой тщательной, такой усиленной возни, как русский. С этим обстоятельством мы должны помириться и не упускать его из виду.

Но кроме доброкачественности материалов, достоинство вооруженных сил зависит много от той или другой системы комплектования войск. Выше мы уже заметили, что система комплектования войск обуславливается не только военными, но и мирными потребностями. Вот почему чем более известная система удовлетворяет тем и другим потребностям, тем она, понятно, может считаться совершеннее. И мы видим, что в разные времена бывали и различные системы комплектования войск. Так, до первой французской революции или, вернее, до наполеоновских войн некоторые европейские государства в большей части довольствовались наемными войсками, т.е. армии комплектовались людьми, пожелавшими за известное вознаграждение посвятить себя военной службе. Но система эта оказалась устарелой, когда пришлось ей столкнуться с другой, в силу которой военная служба стала обязательной для некоторых классов государства.

Последняя система, заменив собой вербовочную, продолжала существовать, кроме Пруссии, до последних европейских войн. Теперь и эта

система, признанная неудовлетворительной, начинает заменяться другой, более соответствующей современным потребностям военного искусства. Система, к которой теперь начинают переходить, существует уже давно в одном из европейских государств, но достоинство ее не признавалось до последнего времени, именно когда она не одним блестящим опытом доказала свои неоспоримые преимущества.

И здесь повторилось то же явление, которое так часто замечается в военной истории, именно: достоинство того или другого нововведения в военном деле оспаривается большинством специалистов до тех пор, пока оно не даст почувствовать себя какой-либо кровавой катастрофой.

Так, русские войска только во время Крымской войны узнали достоинство нарезного оружия, хотя они имели полную возможность оценить его преимущества еще далеко до войны.

Под Кениггрецем с австрийцами повторилась та же история. Прусская армия только под Йеной и Ауэрштедтом убедилась в отсталости той военной системы, которая во времена Фридриха Великого удовлетворяла тогдашним потребностям. После этого страшного урока она решилась совершенно изменить свою систему комплектования войск и так широко шагнула в этом деле, что далеко оставила за собой другие европейские армии, которые в течение шестидесяти лет не признавали за этой системой никаких достоинств.

Нигде так сильно не наказывается отсталость, как в военном деле: в других отраслях человеческой деятельности отделяются за это лишь потерей времени и теми или другими временными неудобствами; здесь же за это не только бьют, но часто ставят на карту существование целого государства. Вот почему, чтобы избежать тех сюрпризов, от которых нередко зависит участь войны, необходимо идти, в военном деле, в уровень с потребностями данного времени и зорко присматриваться ко всему, что делается в других армиях, не давая опередить себя той или другой отрасли в военном деле. Скажем более: нужно стараться предупреждать потребности данной минуты и идти далее других народов в том или другом отделе военного искусства.

В последнее время в военном деле совершились две перемены огромной важности. Мы говорим о современном характере войн, который ныне стал совершенно иной, чем это было несколько лет тому назад, когда железные дороги и телеграфы не были еще так распространены, как теперь, и о тех сокращениях в сроках службы, стремление к которым мы замечаем всюду. Характер современных войн можно очертить немногими словами: это та небывалая

быстрота, с которой в настоящее время сосредотачиваются на театре войны громадные армии, и та решительность действий, которая дает возможность оканчивать войны, как бы ни были они велики, в течение нескольких недель или, по крайней мере, нескольких месяцев. При этом нужно заметить еще то, что с дальнейшим развитием цивилизации решительность войн, а следовательно, и скоротечность их будет еще большая, чем ныне.

Но это обстоятельство не имело бы решающего значения, как оно не имело его прежде, если бы в настоящее время военные действия не были так решительны, что после первого серьезного поражения нет уже достаточно времени оправиться, хотя бы армия и увеличивалась с каждым днем. Постепенным увеличением армии предоставляется только хороший случай противнику разбить нас по частям. При этом не нужно забывать того в высшей степени важного обстоятельства, что в этом случае, т.е. в первых столкновениях, громадную роль играет нравственный элемент армий, напряжение которого на первых порах при малейшей неудаче значительно ослабевает.

Выше говоря о том, чем обуславливается быстрота мобилизации войск, мы пришли к тому заключению, что для этого необходимо, чтобы части войск имели источники своего комплектования как можно ближе к себе, так сказать, у себя под руками. Отсюда является необходимость, чтобы порядок комплектования войск был согласован с этой настоятельной в наше время потребностью. Только посредством известного порядка в комплектовании и в расположении войск в мирное время, или, другими словами, в дислокации, можно разрешить этот в высшей степени важный вопрос. Как о том, так и о другом мы будем говорить в своем месте, а теперь остановимся несколько на тех переменах, которые должны быть вызваны в организации сокращением сроков службы.

Мы должны вычеркнуть из нашего военного лексикона слово «мобилизация» в том смысле, как его понимают в других европейских государствах. Другими словами: части нашей армии, за исключением, может быть, специальных, должны постоянно находиться в такой готовности относительно своего личного состава, чтобы могли выступить в поход через сутки или, самое большее, через двое суток. Русская армия не может заниматься такими сложными мобилизационными работами, как другие европейские армии, потому что она находится совершенно в иных условиях, чем те.

Вот почему, говоря о территориальной системе комплектования войск, мы не должны забывать, что она имеет или может иметь множество форм, которые обуславливаются особенностями данной страны. Поэтому одна и та же форма не

может быть целиком применима везде. Так, например, хотя прототип этой системы и находится в Пруссии, но из этого еще не следует, конечно, что мы должны копировать военную систему последней; не следует уже потому, что Россия не Пруссия и русский народ не немецкий: разница между тем и другим слишком громадна. Каждое национальное учреждение, а армия, как учреждение, должна быть более всего национальна, так как она имеет дело непосредственно с народом, только тогда может принести ожидаемую от него пользу, как мы не раз уже замечали выше, когда оно построено на национальных особенностях страны. К несчастью, эта простая истина, как мы видим, сплошь и рядом забывается теми, кому более всего следовало бы помнить это. В прусской армии, например, существует такая система отпусков, которую мы по вышеизложенным причинам должны избегать, да и экономический строй России указывает совершенно на иной порядок. Прусская военная система имеет дело с казармой, чего мы должны, по возможности, избегать, так как русский народ имеет к ней врожденное отвращение; а насиловать природу человека — значит убивать его и нравственно, и физически. Пруссия имеет правильно организованное народное образование, чего нет у нас; следовательно, наша армия должна по необходимости сама заботиться об образовании своих людей, чего нельзя сделать ни при нашей теперешней, ни при прусской военной системе. Прусская армия, может быть, наполовину, если не более, состоит из безземельных пролетариев, тогда как у нас каждая крестьянская семья имеет свою или общинную землю и, следовательно, свое самостоятельное хозяйство, основанное на этой земле. Все эти и многие другие особенности русского народа делают то, что для нас никакая иноземная система организации войск не пригодна...

Высшей поземельной единицей мы потому полагаем дивизию, что, во-первых, в настоящее время у нас нет большей боевой единицы; во-вторых, по пространству и редкости населения едва ли будет удобно принять у нас большую часть за высшую территориальную единицу; в-третьих, дивизия по своему составу представляет собой более органическую и неизменяющуюся часть как в боевом, так и в административном отношении, так что ее скорее всего можно принять за основную территориальную единицу: это в уменьшенном виде полная армия, имеющая в себе все боевые элементы. Корпус, по нашему мнению, не имеет того постоянства в организации, как дивизия, так как он может быть составлен из двух или трех дивизий и даже четырех, смотря по тому, в каких руках он будет находиться: один генерал легко может управлять четырьмя дивизиями, а другой едва может справиться и с двумя. Вот почему нам кажется,

что корпус должен быть простой сводкой дивизий.

Составляя дивизию из всех родов оружия, мы хотим только того, чтобы она и в мирное время находилась у нас в том же составе, который она должна будет иметь во время войны. Мы хотим сказать этим то, что и в невоенное время не должна разрушаться та боевая организация войск, без которой они не могут показаться на театре войны; и в мирное время войска должно, по возможности, держать в тех же условиях и в той же обстановке, в которую они ставятся в военное время. Чем полнее осуществляется этот принцип, тем войска будут более готовы к своему назначению. При таком составе наших дивизий между различными родами оружия возникнет тесная связь и разовьется взаимная порука; они, так сказать, сроднятся между собой, чего должно стараться достигнуть всевозможными мерами, потому что в этом заключается та сила, которая в минуту боевой деятельности войск направляет всех к одной общей цели. Глубоко заблуждаются, по нашему мнению, те, которые не видят никакого вреда в том, что дивизии в мирное время раздробляются на части. По нашему мнению, раздроблять дивизию в мирное время так же рационально, как и батальон: как первая, так и последний составляют каждую тактическую единицу; как в батальоне между ротами необходима внутренняя связь, так и в дивизии все части должны как бы инстинктивно чувствовать, что каждая из них составляет только часть того целого, жизнь которого есть ее собственная жизнь...

4. Организация и обучение войск

Особенность России, как страны земледельческой, и требует такой военной системы, которая, по возможности, не лишала бы нашего земледельческого населения его рабочих рук в то время, когда они ему более всего нужны; когда оно без них не может обойтись, не подвергая серьезной опасности свое благосостояние. Между тем при системе бессрочных отпусков армия, по необходимости, принуждена отнимать у страны несколько сот тысяч лучших ее работников, так как солдат при этой системе возвращается на родину лишь тогда, когда он прослужит известное число лет под знаменами. Но отнимая у крестьянской семьи на несколько лет лучшего ее работника, мы легко можем этим расстроить ее хозяйство, которое может быть поддерживаемо только известным числом рабочих рук; а раз расстроивши хозяйство, после уже трудно бывает поправить его, хотя бы семья и получила обратно своего работника. Хозяйство как болезнь, которую нужно только раз запустить, чтобы после уж

отказаться от возможности без больших усилий поправить дело; а иногда и этих усилий бывает уже недостаточно.

При этом не нужно забывать той простой истины, что армия не есть нечто такое, что существует само по себе и для себя; она создана для защиты интересов того же крестьянина, о нуждах которого мы говорим здесь. Следовательно, она должна согласовать свои интересы с интересами того, от благосостояния которого зависит ее собственное благосостояние.

Все это заставляет нас высказаться за ту систему отпусков, при которой люди отрывались бы от своих обычных занятий не на круглый год, а лишь на известную часть его. Таким образом, в течение всей своей семилетней службы в действующих войсках наш солдат, находясь в постоянной готовности по первому же приказу явиться в ряды своей части, должен пользоваться столькими отпусками в течение года, сколько представится к тому случаев и возможности.

Но так как система подобных отпусков несколько напоминает собой организацию милиционных войск, то, может быть, нам возразят на это, что мы хотим сделать из нашей армии милицию; что мы лишаем Россию постоянной армии, той армии, которая в настоящее время, при необыкновенных усложнениях военного дела, стала необходимее, чем когда-либо. Хотя возражение это касается более формы, чем сущности дела, но, тем не менее, оно настолько, может быть, серьезно, что мы считаем необходимым несколько остановиться на этом вопросе.

Едва ли кто будет спорить против того, что с экономической точки зрения милиционная форма организации войск гораздо удобнее, чем организация так называемых регулярных армий. Против этого, повторяем, едва ли кто будет возражать. Но, с другой стороны, милиционные войска, какими мы видим их теперь, не могут называться боевыми войсками и далеко не в силах противостоять последним.

Все это так. Но если мы возьмем форму, похожую на форму милиционных войск, и вольем в нее дух и военное знание регулярных войск, то не примирим ли мы различные интересы, которые приходят в столкновение, когда мы остаемся исключительно при одной какой-либо из этих двух организаций: милиция не может дать боевых войск, а боевые войска во многих отношениях лишены тех достоинств, которыми отличается организация милиционных войск.

Вот почему мы хотим взять из обеих систем лишь то, что можно назвать хорошим, и составить из этих хороших частей одно целое, которое было бы лучше и той и другой системы. Для этого нужно только отказаться от некоторых предрассудков специалистов, суждения которых бывают почти всегда

односторонни. Всякий специалист плохой судья в своем деле. Хотя это положение и можно счесть за парадокс, но оно, несмотря на это, все-таки верно...

Итак, если хотите, милиция по форме и боевые войска по внутренним достоинствам — вот какого рода армия нужна для России. Но между той и другой, несмотря на это сближение, будет громадная разница, как мы увидим это ниже.

Начнем с того, что милиция не имеет постоянных кадров; а у нас они останутся те же, что и ныне. Милиция ограничивается неполной подготовкой людей к боевой деятельности, между тем наши войска будут получать не только не милиционное образование, но и гораздо полнее и законченнее того, какое получают они теперь. Наконец, милиционные войска не имеют ни той дисциплины, ни того духа, или нравственной силы, которыми будут проникнуты наши войска. Вот в чем будет разница между милицией и нашей армией.

Правда, в один прекрасный день вся наша армия может быть распущена и, вследствие этого, как бы исчезнет; но так как при этом все нижние чины будут находиться в своих ротных участках, то в случае надобности они могут быть призваны так же скоро, как скоро можно дать знать им об этом: на это нужно будет лишь несколько часов.

Теперь спрашивается: которая из двух армий может быть названа более постоянной — та ли, которая, как теперь существующая у нас, требует для своего лишь укомплектования до штатов военного времени нескольких недель, или та, которая в один день может быть приведена в военный состав? Очевидно, достоинство армии заключается не в том, чтобы часть ее состава, и притом меньшую, постоянно держать в казармах, не имея при этом возможности двинуть ее на театр войны ранее нескольких недель. Неужели наша армия утратит те качества, которые отличают ее теперь как боевую армию, лишь оттого, что наш солдат будет проводить часть года за мирным, домашним трудом? Думать так не значит ли придавать более значения форме, чем сущности вещей? По нашему мнению, каждая форма хороша, когда она отвечает нуждам страны и потребностям военного дела.

Ведь и прусскую армию до 1866 года считали чем-то вроде милиции, и нужен был с одной стороны ряд блестящих побед, а с другой — ряд позорных поражений, чтобы рассеять этот предрассудок. Люди часто склонны слепо придерживаться раз заведенного порядка лишь потому, что он освящен давностью времени. В военной истории можно найти множество подобных заблуждений, отречение от которых часто вынуждалось только кровавыми уроками, всегда

дорого обходившимися тем, кто бывал подвержен подобным заблуждениям. Конечно, мы не говорим о том, чтобы очертя голову бросаться на каждую новинку только потому, что она нова: крайности в обоих случаях одинаково вредны.

Мы имеем возможность фактически доказать, что наша армия ничего не потеряет от того, если наш солдат часть года будет проводить за сохой или косой. Дело в том, что наша армия никогда, как стала существовать, не знала казарм и всегда располагалась по деревням на обывательских квартирах. Таким образом, семь-восемь месяцев наш солдат живет в деревне, т.е. в той же внешней обстановке, в которую ставим мы его. Разница тут лишь в том, что теперь он находится среди людей чуждых ему, большую часть времени проводит праздно, не имея возможности заняться даже своим военным образованием, тогда как в то время, когда он будет жить в родной семье, он не останется, конечно, без дела. Между тем ничто так разрушительно не действует на дух и дисциплину армии, как именно праздность. Несмотря, однако, на это, нашу армию никто не считает за милицию. Если она теперь, располагаясь на большую часть года по обывательским квартирам, не превращается в милицию, то почему же она должна быть непременно такой только оттого, что наш солдат будет жить не в чужой, а в своей избе? Что-нибудь одно: или наша армия в настоящее время не может быть названа регулярной армией, или же если она имеет все качества такой армии, то они останутся при ней и тогда, когда солдат часть года будет жить не в чужой, а в своей собственной семье, потому что условия быта останутся почти те же, что и теперь, с той лишь разницей, что ныне они менее благоприятны во многих отношениях.

Регулярность армии зависит не от того или другого способа расквартирования войск, а от системы воспитания и образования их. Вот на что мы должны обратить все свое внимание и оставить солдата жить той жизнью, которая ему более сродни.

Нужно дать армии такое воспитание и образование, которые поставили бы ее вне зависимости от того, будет ли наш солдат жить в казарме или у себя дома. Боевую силу армии нужно искать не в той или другой форме расквартирования, а в методе воспитания войск.

Военное искусство — искусство чисто прикладное, как и всякое реальное искусство: вот почему, как бы хорошо ни был подготовлен корпус офицеров теоретически; но если он не имел частых практических упражнений, не по уставам, а самостоятельных, то он будет плохой руководитель в бою. При этом не

нужно забывать и того глубокого различия, которое существует в условиях и формах боя нашего времени и времен прежних. В то время как при сомкнутых формах всем механизмом боя управляли лишь немногие личности, остальная же масса людей была простым исполнителем команд, ныне, в противоположность этому, требуется от каждого, начиная со стрелка, чтобы он самостоятельно относился к положению вещей и так же самостоятельно соображал о том, как при данной обстановке лучше достигнуть цели, поставленной ему кругом его обязанностей.

Вот почему можно сказать, что в прежнее время бой был не чем иным, как шахматной игрой, в которой партнерами были лишь некоторые личности, а войска, т.е. вся остальная масса, имели значение простых шашек. При таких условиях боя не было, конечно, нужды в том, чтобы тактические познания были разлиты по всей массе войск. Теперь же каждому предоставляется известная доля самостоятельности. Следовательно, в настоящее время уже нельзя ограничиваться теми элементарными познаниями, которым научают уставы и которыми можно было довольствоваться в прежнее время...

Ни одна отрасль человеческой деятельности не подвержена стольким случайностям, как военное искусство. И понятно: вы имеете всегда дело с противником, который старается делать именно то, чего вы не хотите, и всегда стремится к тому, чтобы постоянно разрушать все ваши замыслы, в этом и состоит вся его задача. Через это, понятно, дело усложняется в высшей степени: одна обстановка заменяется другой с такой быстротой, что все ваши расчеты, казавшиеся до того времени верными, разлетаются, как пороховой дым от внезапно налетевшего ветра, и, чтобы выйти из затруднительного положения, нужна находчивость и решимость.

Теперь спрашивается: какая из двух систем образования войск более способна развивать в людях эти качества, та ли, которая ограничивается в большинстве случаев одними уставами, или та, которая, не останавливаясь на одних уставах, имеющих значение лишь элементарной школы, ставит войска в ту же, по возможности, обстановку, в которую они будут поставлены в действительном бою?

Чтобы отвечать на этот вопрос, мы сделаем другой, именно: что лучше может развить человека, механическое ли обучение или то, которое заставляет работать его собственной головой?

Первое из этих обучений дается уставами, которые требуют делать не рассуждая; а второе — обстановкой действительного боя или, другими словами,

учением в обстановке, приближающейся, по возможности, к обстановке действительного боя.

Весенние сборы продолжаются примерно от четырёх до шести недель. По окончании их люди распускаются по своим домам.

Осенью, по уборке хлебов с полей, в конце августа или в начале сентября, смотря по местности, все части дивизии, в составе всех родов оружия, собираются в осенние сборы.

Правда, на некоторое время и преимущественно в летние месяцы наша армия как бы исчезает, и в наличности остается одно начальство, а нижние чины, так сказать, превращаются на это время в мирных жителей. Но это кажущееся исчезновение армии ничего не значит: так как все люди будут находиться в своих ротных участках, то ясно, что для того, чтобы собрать их в свои части, нужно будет употребить на это не несколько дней, а лишь несколько часов. Они будут так же расположены, как ныне располагаются наши войска на так называемых «широких квартирах».

Вот почему мы можем сказать, не преувеличивая действительности, что наша армия, в случае надобности, может выступить в поход если не буквально через четыре часа, то двух суток достаточно будет для всех сборов. Здесь не нужно будет той многосложной и трудной возни, без которой нельзя обойтись в настоящее время, и одной телеграммы из четырех-пяти слов будет достаточно: такая-то дивизия или такой-то корпус выступает в поход — и делу конец! Много-много через 48 часов он будет уже на походе, а через несколько дней — на самом театре войны.

Теперь, следовательно, весь вопрос в том: каким образом перебросить миллионную массу войск на театр войны и, главное, перебросить лишь на несколько дней?

Дело это, конечно, нелегкое, так как вся армия наша будет разбросана на пространстве нескольких десятков тысяч квадратных миль. Впрочем, это разбросанное состояние армии не только не замедлит движения войск, а, напротив, ускорит его, потому что войска при этом получают возможность сделать посадку на поезда на большем числе станций, чем при скучивании армии. Только те части войск, которые по своему пограничному положению будут находиться на нескольких переходах от базиса, могут быть направлены по грунтовым дорогам. Вся же остальная масса войск, расположенная на сотни и тысячи верст от границ, может быть двинута не иначе как по железным дорогам...

5. Нравственный элемент армии

Не нужно забывать, что боевая сила армии заключается не в отдельных людях, как бы их ни было много и на какой бы степени совершенства ни стояло их техническое образование как индивидуумов, а в тех частях или подразделениях армии, которые называются тактическими единицами, как рота и батальон. Каждая такая единица, чтобы быть действительной силой, должна представлять из себя в нравственном отношении одно целое, как отдельный человек; люди, составляющие ее, должны быть нравственно спаяны между собой так, чтобы часть составляла один нравственный индивидуум. Такая часть имеет как бы одну душу, проникнутую одним желанием, и один ум, оживленный одной мыслью, и единую волю, стремящуюся к одной цели. Отдельные личности тактической единицы можно еще уподобить отдельным органам какого-либо организма, которые повинуются воле единого разума. От единства и согласия в действиях этих органов в организме зависит нормальное отправление органической жизни, а в части этим обуславливается сила, а следовательно, успех в бою. Чтобы достигнуть такого единства в тактической единице, нужно так воспитать солдата, чтобы он составлял такую органическую часть ее, что без сильной нравственной боли он не мог бы быть оторван от нее.

Вот как понимаем мы то, что называется нравственным элементом или духом армии. При низком состоянии этого духа никакие усовершенствования ни в материальной части, ни в технике военного искусства не дадут настоящей боевой армии. Милиция, например, тем только и отличается от регулярной армии, что нравственный элемент в ней находится на первой ступени своего развития. Можно сказать, что нравственный элемент — это душа боевой армии: отнимите от нее эту душу, и она превратится в безжизненный труп, готовый разложиться при первом же ударе. Вот что значит воспитание солдата как воина, воспитание, которое создает то, что мы назвали душой армии...

Военная часть не есть простое, случайное собрание людей: это не чиновники или просто служащие военного министерства, принадлежность к которому выражалась бы тем или другим покровом сюртука. Сила армии состоит не в одном том, что в ней каждый солдат был хорошо обучен технике военного дела; одного этого мало: нужно еще, чтобы каждая часть — рота, батальон, дивизия — была охвачена тем нравственным единством, которое, составляя из нее как бы одно живое существо, заставляет ее, как одного человека, выбирать в бою одно из двух: смерть или победу. Такая часть действительно составляет одно

живое и разумное существо, воодушевленное одним чувством и проникнутое одной мыслью. Вот в чем заключается, главным образом, сила армии, а обучить войска недолго, но что из этого выйдет? — вот вопрос. Это будет не армия, а хорошо обученное ополчение, в нравственном отношении даже хуже, так как ополчение всегда вызывается в самый разгар войны, когда всякий русский бывает более или менее патриотически настроен, когда страсти в народе сильно возбуждены.

Говорить о громадном значении нравственного начала в армии значило бы говорить о такой истине, которая давно всем известна.

Но что нужно для того, чтобы развить в армии это начало?

Для этого нужно прежде всего, говоря словами других, «чтобы солдат сросся с своим полком, величался его заслугами, даже смотрел свысока на другой мундир, одним словом, чтобы полк стал для него чем-то вроде особой национальности, маленькой родиной». Дух товарищества, развивающий храбрость в солдатах, должен быть постоянно поддерживаем полководцем; солдат должен считать свою армию и своего полководца непобедимыми, полк свой самым храбрым и самым славным во всей армии. Такие убеждения возвышают силу и мужество солдат.

Честь и славу своего полка, вот что солдат должен ставить выше всего, даже выше собственной жизни. Для того чтобы выработать в войсках такое высокое нравственное начало, есть только два пути: во-первых, долгосрочная служба; во-вторых, такая организация армии, при которой каждая часть комплектуется людьми одной местности. Первым путем развивался дух наших войск тогда, когда наш солдат служил почти бессменно двадцать пять лет; через это полк становился для него действительно второй родиной. Вторым путем получил свое приложение в прусской армии. Первый путь — путь менее прочный, так как солдат здесь все-таки временный житель в полку: рано или поздно он должен оставить его. Напротив, вторым путем — путь более действительный, потому что полк здесь для солдата не условная, а настоящая родина: он родился, вырос и, может быть, всю жизнь проживет в округе своего полка; легко может случиться, что его отец, братья и другие близкие родственники служили в этом полку. Как же после этого не считать ему своим родным тот полк, к которому принадлежит весь его род и традиции которого перешли к нему от отца, брата или дяди?

Отсюда понятно, какая нравственная сила должна таиться в той части, которая составляет действительную, а не условную родину для своих солдат.

Таким образом, если мы хотим, чтобы наша армия обладала хорошим военным духом, мы должны выбирать одно из двух: или возвратиться к прежней долгосрочной службе, или же, оставаясь при коротких сроках, должны каждую часть комплектовать людьми одного постоянного участка. Средины здесь нет и не может быть.

Вот почему трудно предполагать, чтобы в армии, имеющей короткие сроки службы и такую систему комплектования, при которой в момент войны части не наполняются наполовину людьми, не знавшими до сих пор ни части, в которую они попали, ни друг друга, ни тех, кто через несколько дней должен вести их в бой, чтобы в такой армии нравственный элемент находился на желаемой высоте. В самом деле, что может быть общего, например, у нас между жителем Пермской и Подольской губерний, между новгородцем и саратовцем? Что общего между этими людьми, кроме одного имени — русского? Правда, они имеют общее отечество. Но идея отечества создает национальный, а не полковой дух. А нам нужен преимущественно последний: при патриотическом настроении люди отдельно, пожалуй, будут храбры, но при этом не может быть храбрых частей, как полк, батальон, рота; а в этом-то и заключается вся суть дела. Лично храбрых людей мы найдем много в каждой недозрелой армии; но храбрых частей мы не сыщем в ней ни одной. А между тем храбрость отдельных личностей, как бы ни было их много, еще немного значит в таком деле, где нужен дружный общий натиск, а не отдельные вспышки. Личная храбрость — это более или менее ярко вспыхивающее пламя, а не тот страшный поток лавы, которому можно уподобить дружный и стремительный натиск какой-либо части и который, не зная никаких преград, все опрокидывает и сокрушает на своем пути...

Нам нужны не отдельные храбрецы, которых много найдется во всяком ополчении, а храбрые части, где и робкий от природы делается в некотором роде храбрецом, увлекаясь общим порывом своих товарищей. Но такая часть возможна только там, где между людьми развито в сильной степени товарищество, взаимная порука, где каждый знает, что его окружают не чуждые ему люди, что он идет на врага рука об руку не с людьми, имеющими с ним общего один лишь цвет воротника, а с товарищами своего, может быть, детства, с теми, которых он знает со школьной скамьи и в которых он уверен, что они, в случае надобности, постоят и за него, как за самих себя. Кроме того, в такой части каждый помнит, что худая или добрая слава его вернется вместе с ним или, если ему придется пасть, с его товарищами в родную деревню. Недаром же все, кто понимает сущность военного дела, придают такое огромное значение товариществу, которое должно

существовать между людьми каждой части...

В нашей армии высшая часть — дивизия. Вспомним, какое устройство получит она: это, можно сказать, цельный, вполне законченный механизм, если можно сделать такое уподобление, части которого будут связаны между собой не одним цветом погонов, но более прочной, нравственной связью. Тогда дивизия будет выражать собой иное понятие, чем теперь: нынешняя дивизия — ни более ни менее как сводка нескольких частей в одну большую часть; тогда же она будет выражать не только боевую единицу, но и понятие об известной территории, с известным количеством населения, которое, составляя в военном отношении одно целое, будет нравственно ответственным лицом за поведение всех частей дивизии. Таким образом, дивизия является у нас представительницей, в военном отношении, известного числа населения. Отсюда понятна та нравственная связь, которая будет существовать между всеми частями дивизии: здесь каждая часть — живой орган, связанный со своим организмом не механически, как ныне, а сросшийся с ним органически. Такая дивизия, как живой организм, состоящий из частей, нравственно сросшихся между собой, будет живо чувствовать на себе каждую невзгоду, постигшую ту или другую ее часть...

Но для того чтобы солдат мог привязаться к своему командиру всей силой своей души, чтобы воля его командира была для него священна не только по сознанию долга, но и по инстинктивному влечению, нужно кроме личных качеств командира, чтобы солдат знал его не только по имени, но и по тем продолжительным и непрерывным отношениям, которые устанавливаются между ними тогда, когда солдат или вовсе не покидает своей части, или если оставляет ее, то лишь на самое короткое время.

Ничего этого не может быть там, где существует система бессрочных отпусков и где принят такой порядок в комплектовании, в силу которого части комплектуются сборными людьми. Возьмем какую-либо кадровую часть, в которой только 1/3 всех людей находится постоянно налицо, и приведем ее в военный состав. Что при этом окажется? А то, что 2/3 людей будут знать своих офицеров и офицеры их так же хорошо, как два человека, в первый раз в жизни встретившихся, знают друг друга... И это в то время, когда части предстоит через несколько дней испытать такую сильную пробу, как кровавый бой. Теперь спрашивается: может ли быть тут речь о том нравственном влиянии командира на свою часть и о той духовной связи солдата с его начальником, которые в критические минуты боя бывают ничем не заменимы?

Не то должно быть, как нам кажется, при том устройстве нашей армии, о

котором мы говорим здесь.

Мы уже видели, что люди в первый раз становятся в близкие отношения к своему ротному командиру еще в школе, т.е. в таком возрасте, когда человек всей силой своей юношеской души привязывается к другому. Вспомним, какое влияние имел на нас в школе наш любимый учитель или профессор. Правда, что ротный командир здесь ни тот ни другой; но в глазах деревенского парня, готовящегося поступить в ряды армии, он, как начальник не только училища, но и всей роты, поставлен, конечно, гораздо выше, чем простой учитель. При этом рекрут видит, с каким вниманием начальник роты относится не только к тому, чтобы он хорошо учился, но и ко всем его нуждам как рекрута и будущего воина. Эти отношения — отношения отца к детям.

Но в настоящем случае в положении ротного командира есть другая особенность, которой вовсе не существует теперь, — это его отношение ко всему населению участка. Его знает почти все население ротного участка, и местный житель при встрече с ним говорит заезжему лицу такую, например, фразу: «Это наш ротный командир». Какое понятие он выразил этими словами? Почему он назвал его «наш»? Он назвал его так, очевидно, потому, что понятие о роте, в настоящем случае, не ограничивается только одной частью, как теперь, а распространяется на все население участка.

Но вот объявлена война; войска идут в дело; между тем люди находятся еще под свежим впечатлением только оставленной родины. Вот в чем кроется сила, которая в руках ловкого командира способна натворить чудеса. Одно удачное слово, одно напоминание людям о том, что они защищают родной кров, родной очаг, который они только что оставили и воспоминание о котором так еще свежо и живо, может удесятить силы людей.

Может быть, нам заметят, что мы ставим нашу армию слишком в тесные отношения к населению?

Действительно, мы ставим ее в такие отношения, и ставим потому, что, по нашему мнению, в этом, и только в этом одном, заключается наша действительная сила, а не воображаемое могущество, которое приводит лишь к горьким разочарованиям, что мы еще не так давно испытали. Нам нет нужды, как другим европейским государствам, уединять нашу армию и ставить ее особняком от народа; напротив, мы должны организовать ее так, чтобы она слилась с населением, что нам даст действительно народную армию в тесном значении этого слова. Такая именно армия нам и нужна:

Во-первых, потому, что у нас каждая европейская война будет, вследствие

своей громадности, непременно народной войной, тем более что в настоящее время все европейские войны стали принимать характер народных войн. А для народной войны, очевидно, нужна народная, а не солдатская или казенная армия, которой далеко не хватит для такой гигантской борьбы.

Во-вторых, потому, что такая армия гораздо более соответствует государственному строю России как строго монархическому, ее экономическим условиям как страны по преимуществу земледельческой и, наконец, самому духу русского народа, который, как народ преимущественно земледельческий, держится исключительно консервативных начал. Ни один класс народа, в каком бы то ни было государстве, не обладает таким постоянством в своих стремлениях и не держится так крепко существующих порядков, как именно класс земледельческий.

С другой стороны, русский человек никогда не был и не будет воином по ремеслу, как, например, француз, как бы ни старались против его природы сделать его таким. Это скорее вооруженный гражданин, воин по долгу, который вооружился не для того, чтобы упиваться славой и блеском своего оружия; нет, он далек от этого: если он поднимется и последует призыву своего Венценосного Вождя, то лишь для того, чтобы с оружием в руках защищать дорогие интересы своей родины — религию и национальную независимость, для которых он жертвовал всем своим достоянием.

Кто же не знает, что в природе славянина вообще и русского народа в частности нет ничего воинственного? Для нашей армии сто лет мира — сущее благодеяние, и она в эти сто лет не сделает ни одного намека на то, чтобы ее вели в бой из одной славы, потому что одна слава, один блеск оружия для ее — пустой звук, не говорящий ей ничего.

Вот почему можно сказать смело, что нет народа, которому больше шла бы чисто народная армия, которая не ищет славы и блеска, а защищает лишь интересы своего отечества.

Наше международное положение заставляет нас содержать громадную армию, сила которой равнялась бы силе большого союза; а такой армией, понятно, может быть только народная армия, потому что никакие материальные средства государства, как бы ни были они велики, не в состоянии содержать солдатскую армию в таких размерах, как это нам необходимо. Мы не говорим уже о том, что только с помощью народной армии, при участии всего 85-миллионного народа, Россия может разрешить в свою пользу те великие политические задачи, которые поставлены ей историей и которые рано или поздно заставят ее взяться за

оружие, хотя бы мы и не желали, может быть, этого: против естественного хода вещей бессильна человеческая воля!..

Правда, у нас и теперь, кажется, не шутя думают, что наша армия и ныне имеет характер народной армии; в особенности, думают у нас, она станет такой, когда срок службы уменьшится и повинность будет распространена на всех. Но так ли это на самом деле? В этом ли одном выражается народность армии? Мы знаем, например, что французская армия давно имеет срок службы еще меньший, чем это предположено ввести у нас: там солдат на действительной службе находится только пять лет. Но кто же, не шутя, станет уверять, что французская армия — армия народная: ведь это будет не что иное, как горькая ирония.

Народность армии заключается не в коротких сроках службы и не во всеобщей повинности, а в такой военной системе, которая ставит ее в тесные отношения к народу; другими словами: она заключается в той нравственной связи ее с народом, которой так боялась наполеоновская династия и которой не боится династия Гогенцоллернов. Не в том, очевидно, нужно искать народность армии, что солдат, прослужив в ней более или менее короткий срок, поспешно оставляет ее: в этом еще не выражается та нравственная связь ее с населением, которая делает, например, прусскую армию народной, так как наш солдат, удаляясь на родину, порывает там всякую связь с полком, в котором служит и которого, может быть, более уже не увидит. С другой стороны, рекрут, поступая в армию, теряет всякую связь со своей родиной, утешаясь одним лишь воспоминанием: он самой военной системой уединяется, как бы замыкается в тот заколдованный круг, в котором он должен пробыть известное число лет, оторванный от своей родины. Отсюда видно, где порываются те нити, которые связывают народную армию с населением страны. Прусская армия не потому народна, что солдат служит там только три года, а потому, что там «...каждая провинция имеет свой армейский корпус, и каждый округ свой полк. Таким образом, солдат никогда не удаляется от своего жилища, часто видится с своими и находит в рядах армии товарищей своего детства, молодых людей из своего села. Воспоминания родины всюду его окружают, семейные узы не расторгнуты, и влияние домашней жизни не уничтожено»... Вот в чем заключается истинная народность армии.

Итак, наша армия есть и будет, несмотря на всеобщую повинность, армией солдатской до тех пор, пока она будет стоять особняком от народа и не примкнет к нему. А между тем одной казенной армией нам не обойтись, и в конце концов мы все-таки принуждены будем прибегать к народу, как мы делали уже не раз, вызывая ополчение. Но подобный порядок обращения к народным силам, может

быть, имел смысл шестьдесят лет тому назад, но не теперь, когда военное искусство до такой степени усложнилось, что исключает возможность какой бы то ни было импровизации в военном деле... При казенной армии мы никогда не разовьем вполне всех наших естественных сил, которые может дать 85-миллионный народ. Мы видим, что из того довольно странного факта, что Россия с населением в 85 миллионов и с военным бюджетом более чем в 150 миллионов имеет в настоящее время менее вооруженных сил, чем Германия, население и военный бюджет которой вдвое меньше наших, причем содержание солдата у нас стоит дешевле, чем за границей. Чем может быть объяснен этот почти непонятный факт, как не искусственностью организации наших войск или вообще всей нашей военной системы, т.е. тем, что у нас все и всегда делается под влиянием тех теорий, которые вырабатываются западноевропейской жизнью и которые, поэтому, не всегда приложимы к русской жизни.

Жизненность этих начал выразится еще в том, что они будут иметь хорошее влияние на гражданскую жизнь народа. Мы не говорим уже об экономическом значении этих начал, не говорим о том, что, благодаря им, страна получит до 700 тысяч лучших своих работников, которых она теперь совершенно лишена; мы хотим сказать лишь о том нравственном влиянии на бытовую сторону народа, которое проведут эти начала в жизнь населения...

Теперь наш солдат, выходя в отпуск, делается вдруг после долгой неволи совершенно свободным: для него уже не существует более тех зорких глаз, которые следили за его поведением на службе. И вот, почувствовав себя сразу совершенно свободным и вне всякого контроля, он, как невольник, только что освободившийся от тяжелого рабства, прежде всего набрасывается на удовольствия жизни, доступные солдату, предается праздности, оправдывая ее отдыхом после тяжелой службы; а праздность приводит его в общество таких людей, в кругу которых он привыкает и к пьянству, и к разврату, а разгульная жизнь dokonчивает остальное. Остановить нельзя, да и все окружающие его смотрят на это как на что-то совершенно естественное: в самом деле, человек столько лет томился в неволе, «дайте же душу отвести на свободе!»... После этого неудивительно, что наши отпускные, возвращаясь на службу, приносят с собой одни лишь пороки..

Ничего подобного не может быть там, где солдат не разлучается со своим семейством; где он отрывается от своих обычных гражданских занятий лишь на известную часть года; где и отец, и военное начальство смотрят за его поведением; где и мнение его ротных товарищей имеет для него силу, так как

своими дурными поступками он может обесчестить всю роту.

Вот воспитательное значение тех начал, на которых, по нашему мнению, должна быть построена наша военная система. Само собой разумеется, что положительный ответ о достоинстве этих начал в отношении их влияния на народную жизнь может дать только один безошибочный судья — это опыт, которого мы, к сожалению, не имеем. Но если позволительно в подобных случаях обращаться к опыту других народов, то шестидесятилетний опыт прусской системы, как более других подходящий к предлагаемой нами, достаточно выяснил то влияние, которое она имела на бытовую сторону народа...

6. Содержание войск

Довольно трудно, и даже едва ли возможно, определить точно, во что обойдется государству армия при том ее устройстве, о котором мы говорим здесь, не касаясь при этом общих учреждений военного министерства. Но в отношении личного содержания чинов армии можно сделать приблизительно более или менее верный расчет. Так, например, содержание высших чинов одной дивизии обойдется, по существующим окладам, около 150–160 тысяч рублей. Содержание же во всех 80 дивизиях, число офицеров которых доходит до 24 или 25 тысяч, обойдется в 12–13 миллионов рублей. В настоящее время по смете 1870 года содержание высших чинов армии обходится около 14,5 млн. рублей. Следовательно, содержание офицеров армии в настоящее время стоит столько же, во сколько оно обойдется и при новом ее устройстве.

С первого взгляда покажется, может быть, непонятным, что содержание корпуса офицеров армии, увеличенной нами на целую треть, не превышает того, во что оно обходится в настоящее время. Объясняется это тем, что, в сущности, мы почти не увеличиваем нашей армии, так как по существующим ныне штатам число всех войск определяется 1 100 000 человек; но в этом числе полевой армии только 850 000 человек, остальные войска составляют так называемые местные войска, без которых в мирное время можно совершенно обойтись, как мы увидим это ниже. В этих-то последних войсках и состоит в настоящее время до семи тысяч офицеров, которых мы, так сказать, только перечисляем из местных в действующие войска. Далее, мы не принимаем в расчет содержания кавалерийских офицеров. Вот эти-то два обстоятельства и делают то, что содержание высших чинов армии обойдется не дороже нынешнего.

Гораздо труднее определить содержание нижних чинов армии. Для этого,

по нашему мнению, лучшее средство — это определить по бюджету военного министерства стоимость содержания каждого солдата. Так, по смете 1870 года определено на провиант, вещевое и денежное довольствие, на содержание управлений интендантства, на перевозку и хранение провианта, а также на лечение нижних чинов до 58 миллионов рублей. В этом году значилось по спискам военного министерства около 700 тысяч человек. Таким образом, содержание каждого солдата обходится в настоящее время приблизительно в 83 рубля. Если мы, приняв эту цифру за норму, помножим ее на число людей, которое будет находиться в течение года на действительной службе, то получим то искомое, которое определит нам стоимость содержания армии.

Мы определили, как известно, действующую армию в 1 200 000 человек. Содержать всю эту массу людей на казенный счет в течение всего года не имело бы никакого смысла. Войска нужно держать на действительной службе в течение года только то время, какое необходимо для их боевого образования, увольняя их от службы на все остальное время года. Куда они употребят все свое свободное от службы время, понятно без объяснений: каждый из них будет жить дома, в своем родном семействе, где для него, конечно, найдется достаточно работы, особенно в летние месяцы. Поэтому необходимо определить хотя бы приблизительно то время, которое потребуется на военное образование солдата в течение всей его службы.

Вот как, по нашему мнению, должно распределиться это время, сообразно тому порядку в образовании войск, о котором мы говорили выше: в первый год по выходе из ротной школы обучение солдата продолжается шесть месяцев, или, вернее, 180 дней, из которых от 105 до 120 дней полагается на зимние занятия, от 30 до 45 на весенние и до 30 дней на осенние сборы; во второй год — пять месяцев; в третий — четыре; в четвертый — три; в пятый — два; в шестой — два и в седьмой — два, т.е. в последние три года люди созываются лишь в полковые и дивизионные сборы.

Таким образом, в течение всей своей службы в действующей армии солдат употребит на свое военное образование двадцать четыре месяца, или около 720 дней, без прогулов, так как все праздники он будет находиться в отпуску, т.е. дома.

Мы полагаем, что этого времени будет совершенно достаточно для того, чтобы образовать настоящую боевую армию.

Итак, среднее число дней в течение одного года, полагаемое нами на военное образование солдата, будет 104. А так как содержание каждого солдата в

настоящее время обходится, как мы видели, около 83 рублей в год, то в 104 дня оно обойдется в 23 рубля 65 коп. Помножив это число на 1 200 000 — число людей в армии, мы получим 27 580 000 руб., которые и составят весь расход на содержание нижних чинов армии. Таким образом мы получим еще из существующего бюджета до 30 миллионов рублей экономии.

Вот тот источник для постройки зданий, на который мы обещали указать. Конечно, сама по себе экономия эта, может быть, недостаточна для постройки всех зданий, необходимых для армии; но она настолько велика, что может с избытком покрывать ежегодно как проценты, так и погашение займа, который должен быть сделан с этой целью...

1875 г.

ОБ АРМИИ

1. Постоянная армия или милиция?

Государство без войска жить не может. Какое же войско должно быть: постоянное, которое существует и в мирное время, или милиция, которая созывается только на время войны?

Будем помнить главное назначение войска — быть способным одерживать победу, тогда будет нетрудно разобраться в этом вопросе.

Милиция дешева. Против этого спорить не приходится. Действительно, содержание постоянной армии стоит государству огромных жертв и деньгами, и тем еще, что отрывает массу людей от сельского, фабричного и торгового дела в рабочем возрасте. Но как же быть иначе! Нельзя забывать, что армия предназначена для защиты самых важных интересов страны, для охраны самой жизни государства и народа. Жертвы, приносимые народом в пользу армии, — это как бы страховая премия, которую народ платит, чтобы обеспечить безопасность и мирное развитие государства. Конечно, если премия уж чересчур велика, она будет бесполезна, ибо разорит государство без всякой войны. Но при слишком малой премии страхование тоже не будет иметь смысла, потому что плохое войско, которое можно содержать на дешевку, будет войском только по названию и в год войны вряд ли выполнит свое назначение. Войско, дешевое в мирное время, окажется очень дорогим, когда проиграет войну и государству придется платить контрибуцию или лишаться части своей земли. А милиция ничем иным, как такой дешевкой, и быть не может. Вашингтон, который сам был офицером милиции и командовал армией, говорил, что рассчитывать на милицию — это все равно что опираться на сломанную палку. Почему милиция — войско ненадежное, понять не трудно.

Чтобы быть солдатом, недостаточно надеть мундир и выучиться стрелять. Военное дело — трудное ремесло; надо втянуться в него долгой выучкой и воспитать в себе военные качества и телесные, и душевные. Как во всяком ремесле, будь то у машиниста, у пастуха или у врача, так и в военном ремесле сноровка приобретается только навыком, когда человек вжился в свое дело. А чтобы вжиться, нужны годы.

Еще важнее, чем навык тела, воспитание духа. Военный должен пропитаться чувством дисциплины, то есть сознанием, что он обязан подчиняться старшим и обязан повелевать младшими; должен судить о себе самом

(критиковать себя) строже, чем о старших, и требовать от самого себя больше, чем от подчиненных, чтобы быть им примером. Военный должен быстро схватывать смысл приказа и научиться сам отдавать приказ твердо, кратко и ясно; должен беспрекословно исполнять то, что приказано, но при этом сам решать, как исполнять; если приказа нет, должен иметь мужество сам решаться на действие и быть готовым держать ответ за свое решение. Подчиненный должен быть почтителен, сдержан, но в то же время обязан мужественно докладывать начальнику и то, что начальнику может быть неприятно. Начальник должен быть заботлив о подчиненных, человечен в обращении с ними, но в то же время не переходить в баловство, нежничанье и популярничанье...

Вот какие различные качества должен воспитать в себе и в сослуживцах военный человек; воспитание это невозможно иначе как продолжительной службой: человек должен пройти через разные должности, побывать в различной обстановке, и не мимоходом, а подолгу, так, чтобы военные взгляды и привычки стали его второй природой.

Мало того, что надо воспитать отдельного солдата, надо еще воспитывать роты и полки. Рота, сегодня составленная даже из хорошо обученных, надежных солдат, не есть еще надежная рота. Чтобы стать такой, она должна просуществовать год, другой, вернее — многие годы. Люди должны сжиться, узнать своих начальников, а начальники — подчиненных; все должно полюбить свою роту как что-то свое, что-то родное; надо, чтобы у ротного командира, фельдфебеля и взводного болело сердце за всякое упущение в роте, а люди от сердца старались, чтобы рота была не хуже, а лучше других; надо, чтобы товарищ товарища готов был выручить, чтобы все за одного и один был за всех.

Мы говорили о воинском воспитании; об обучении мы пока не говорим. Но всякому само собой понятно, что такому трудному делу скоро не обучишь. Всякому известно, что военное дело все усложняется — оружие становится сложнее, развивается в войсках телефонное, телеграфное дело и различная сигнализация; сложнее делаются окопные работы. Тактика ставит все большие требования: надо и ночью уметь сражаться, и разведке быть обученным, и уметь действовать в одиночку, когда никто подсказать не может. Всему этому в несколько недель не обучишься.

Теперь мы спросим читателя, может ли быть на высоте своей задачи армия, собранная как милиция? Такая армия будет состоять из нижних чинов, которые обучались за несколько лет до того по несколько недель (3–6–10 недель,

как наши ополченцы); будет в этой милиционной армии некоторая небольшая часть офицеров, служивших еще в мирное время, остальные будут с бору да с сосенки, может быть, и весьма хорошие учителя, помещики, певчие, приказчики или инженеры, да только штатские люди.

Вторым соображением в пользу милиции (после дешевизны) выставляют то, что при милиции будут невозможны наступательные войны. Но, во-первых, разграничить наступательную войну от оборонительной очень трудно. Иногда для того, чтобы себя оборонять, государство вынуждено бывает наступать; а во время войны всякий народ, на которого сделано нападение, будет стараться перенести войну в неприятельскую страну, чтобы избавить свою от ужасов разорения. Во-вторых, в Швеции имеется только милиция, но часть ее предназначена для наступления (против России). В-третьих, уже и теперь, при постоянных армиях, правительства не могут объявить такую войну, которой народ не сочувствует. Война стала теперь таким страшным риском для существования государства, что трудно и представить себе, чтобы какое-либо правительство решилось затеять войну, которая не оправдывается важными нуждами народа. В-четвертых, если бы все государства согласились перейти к милиции, то еще можно было бы на это пойти, но одной стороне завести милицию, когда у противника остается постоянная армия, — это значит губить свою родину...

Третья похвала, которую иногда делают милиции, заключается в следующем: милиция нужна будто бы потому, что постоянная армия является в руках правительства угрозой свободе народа, а милиция будет оберегать свободу. На это можно заметить, что свобода свободе рознь: строить баррикады, собирать митинги на рельсах или грабить банки не позволят и в государствах с милиционной армией. Это во-первых, а во-вторых, без постоянного, хотя бы и небольшого войска в большом государстве все равно обойтись нельзя. А такое небольшое войско и есть самое опасное для законного порядка и свободы: именно такие войска и производили государственные перевороты. Так, в Риме преторианцы возводили в императоры кого хотели и свергали тех, кто им не угождал; в Москве стрельцы вмешивались в вопросы престолонаследия, а в Петербурге в 18 веке при императрицах делали то же самое гвардейские полки, которых тогда было мало. Напротив, большая постоянная армия держится всегда в стороне от политики, и в истории нет примера, когда бы такая армия в целом своем составе изменила законному порядку.

Так что в этом отношении защитники милиции не правы.

Наконец, защитники милиции ссылаются на то, что она существует в

других государствах. В каких же это государствах?

В Швейцарии. Швейцария величиной в одну губернию Европейской России (примерно в Олонецкую). Она может быть независимым государством только потому, что великие державы обещали друг другу охранять ее независимость (обеспечили ей нейтралитет). Очевидно, такому государству нет нужды разоряться на армию. (Если бы нам завтра какая-нибудь власть поклялась, что границы России до конца мира останутся те же, что сегодня, тогда, конечно, и мы бы армию сегодня же распустили по домам. Но мы ведь не в сказке живем, а на земле.) Затем, в Швейцарии каждый человек грамотный; в стране много стрелковых обществ, уже до призыва многие умеют стрелять; обучение военному делу может, значит, идти скорее; страна горная — очень удобная для обороны; вся швейцарская армия в военное время — 150.000 человек. А у нас 3 миллиона.

Черногория еще меньше. Датское королевство со своей милицией чувствует себя бессильным перед Германией, волей-неволей мирится с постепенным поглощением и, вероятно, не пройдет много лет, как будет поглощена Германией.

Королевство Норвегия хлопочет о признании другими державами ее нейтралитета. На свою милицию (34 000 полевых войск и столько же резервных) она, значит, мало надеется.

Самое большое государство с милицией — Швеция. Но и она величиной лишь в одну из наших губерний (Вологодскую). В стране около 150 000 юношей, прошедших через стрелковые общества; грамотность поголовная; обучаются милиционеры 150 дней. До последнего года Швеция содержала милицию в таком расчете, чтобы быть в силах выставить для наступательной войны 100-тысячную армию. Задача обороны страны лежала главным образом на флоте; сухопутная граница Швеции лежит на далеком безлюдном, бездорожном севере; к тому же Швеция граничит не непосредственно с Россией, а с Финляндией. Очень поучительно, что произошло с шведской милицией в последний год. Как известно, в 1906 году Норвегия отделилась от Швеции, у Швеции образовалась новая граница. Правда, большая часть границы горная, снежная, трудно доступная, но все же защищать ее надо. И вот шведы решают иметь милиционную армию не в 100 000, а в 200 000 чел. и обучать милиционера не 150 дней, а целый год, причем отбывать воинскую повинность будет все население поголовно. Иначе говоря, у них будет не милиция, а нечто среднее между милицией и постоянной армией.

Есть одна счастливая страна, не имеющая опасных соседей, — Северная

Америка; вся ее оборона во флоте. Но вот в 1898 году у нее разгорелась война с Испанией. Ко дню объявления войны в Америке было постоянной армии только 26 000 человек. Сейчас же пришлось увеличить ее до 62 000, да собрать милиционную (волонтерную) армию в 216 000 человек. После войны американцы сохранили постоянную армию в большем числе, чем раньше: в 1905 году у них содержалось не 26 000, а 60 000 чел. Теперь есть опасность войны Америки с Японией. Американцы говорят, что сразу они, конечно, не победят, но будут биться хоть 10 лет, и если действительно японцы высадят армию в Америке, мы увидим, что в несколько лет Америка делается великой сухопутной державой с постоянной армией.

Пример Швеции и С. Америки показывает, что вопрос об армии не может решаться по каким-нибудь самовольным желаниям и мечтам. Его заставляет решать жизнь: изменилось международное положение Швеции и С. Америки, и эти государства переходят от милиции к постоянной армии.

Милиция хороша в крохотных государствах, а «большому кораблю — большое плаванье». Говорить России, что ей нужна милиция, — это то же самое, что сказать фабриканту, что он должен забросить свои паровые машины и станки и вырабатывать столько же товару кустарным способом. Проповедовать в России милицию — это значит проповедовать глупость.

Но если так ясна бессмысленность милиции в России, то чем же объяснить, что наши газеты «требовали» милиции? Вспомним, в какое время о милиции заговорили: в 1905 году, т.е. тогда, когда начались те уличные беспорядки и забастовки, которые должны были привести к вооруженному восстанию. Для людей, которые сочувствовали восстанию, войско, конечно, вещь неприятная. Понятно, что они стали кричать, что войска надо из городов вывести и устроить милицию. Хорошие пошли бы порядки с этой городской милицией! В одной сотне собралась бы революционная боевая дружина, а в другой — «истинно русские люди», в еврейских городах — еврейские дружины, а еще где-нибудь — просто шайка грабителей... Пошла бы потеха. К счастью, в правительстве никто этих газетных криков не послушался, войско осталось на местах и своей верностью присяге спасло Россию от всеобщей резни.

2. Армия и политика

«Армия должна быть вне политики, вне партий» — вот выражение, которое часто читаешь и слышишь в последнее время. Выражение совершенно

правильное, но не мешает точнее сказать, что под ним подразумевается.

Политика, политическая деятельность — это такая деятельность, которая имеет целью изменить законы и вообще порядки в государстве; каждая партия стремится изменить законы так, как она считает лучше. Одни партии хотят вернуть старое, другие хотят вводить новые порядки постепенно, наконец, третьи — хотят сразу все перевернуть вверх дном. Так или иначе, но все партии хотят перемен и борются друг с другом, чтобы перемена произошла именно так, как такая-то партия хочет. Вот в этой борьбе армия и не должна участвовать. Менять законы не дело армии; ее дело одно — охранять те законы и тот государственный строй, которые существуют «сегодня». Армия должна охранять их до того дня, когда законная власть отменит «сегодняшний» закон и заменит его новым, тогда армия будет охранять этот новый закон или порядок. Точно так же войско не должно вмешиваться в деятельность какой бы то ни было партии, не должно поддерживать какую-либо партию; дело армии — поддерживать не партию, а закон, законный порядок, законную власть.

Почему войско должно стоять вне политики и вне партий — это всякому понятно. Покуда армия занята своим прямым делом и слушается только законной власти, до тех пор она, во-первых, составляет крепость страны против других государств, во-вторых, охраняет внутри государства порядок (хотя бы и несовершенный) и обеспечивает безопасность всей массы населения. Как только армия присоединяется к какой-либо партии, она превращается в величайшую опасность для государства: у армии в руках страшная сила, и она станет решать дело своей партии не словами, а этой силой — оружием. Каждый человек в армии, конечно, не может думать одинаково с другим: один будет тянуть к одной партии, другой — к другой. Наступит в полках раздор, пойдет рота на роту, начнется междуусобная война. Вообразим, что та часть войска, которая изменила присяге, одержала верх и что пришел государственный переворот; значило ли бы это, что междуусобие прекратилось? Конечно нет: войско, которое изменило законной власти, завтра же изменит и новой власти; пройдут 10, 20 лет, пока в стране уляжется кровавая борьба. В наше время измена армии или междуусобная война должна была бы неминуемо вызвать иностранное нашествие, потому что в настоящее время жизнь всякого государства слишком тесно связана с жизнью соседней страны. Например, если бы революция в России дошла до заправской междуусобной войны, Германия и Австрия не могли бы не занять своими войсками русских пограничных губерний, слишком уж большой убыток терпела бы немецкая и австрийская торговля от нашей смуты. Ясно, что вмешательство

армии в политику может навлечь на страну позор и ставит ее на край гибели.

Армию можно сравнить с балластом, который лежит на дне корабля. Пусть воеет буря, пусть волны раскачивают корабль, пусть на палубе без ума мечутся пассажиры, пусть даже между капитаном и офицерами идет спор, вперед ли, назад ли направить путь корабля, но покуда балласт прочно лежит на своем месте, есть еще время спастись кораблю. Горе, если ослабнут закрепы, которые держат балласт! Каменные глыбы станут кататься по дну корабля то «вправо», то «влево»; от тяжести их размах качки станет все сильнее; два-три размаха... и корабль перевернется.

Из того, что войско должно быть вне политики, вытекает следующее:

1. Военные не участвуют в выборах народных представителей и сами не могут быть выбраны. Если бы они выбирали, правительство могло бы ими, пожалуй, воспользоваться, чтобы повлиять на ход выборов; а если бы правительство и не воспользовалось, то враждебная ему партия все равно бы говорила, будто выборы оказались выгодными для правительства только потому, что оно повлияло на выборы через военных. Этим путем противники большинства в парламенте старались бы подорвать доверие народа к народным представителям. Далее, чтобы толково выбирать, надо заранее следить за политической жизнью, деятельно ей интересоваться, а это отрывало бы военных от их прямого дела и втягивало бы их в политическую борьбу. Наконец, все знают, как разгораются политические страсти во время выборов; опасно допускать к выборной борьбе людей, у которых в руках вооруженная сила. Нужно, чтобы народ был уже давно привыкший к представительному правлению, чтобы можно было решиться дать офицерам право выбираться. Главное, нужно, чтобы народ дорос до твердого понимания своих политических обязанностей (как в Германии). Нам до этого еще очень далеко: у нас об обязанностях мало кто помнит, о правах же кричат и 15-летние дети.

Правда, иногда слышатся возражения на мысли, высказанные здесь. Говорят: «лишить человека права выбирать только потому, что он военный, — это значит оскорблять его, значит приравнивать его к человеку, опороченному по суду». Но это праздные слова: один лишен права выбирать потому, что он бесчестен, а другой потому, что у него есть высокое служение, которому он должен посвятить все свои силы... В России военные в Государственную думу и в Государственный совет не могут выбирать и не могут быть выбраны.

2. Военные не должны участвовать в политических партиях, союзах, собраниях, митингах и проч. Кроме сказанного выше, можно указать еще на одну

причину, почему военным не место на таких собраниях. Эти собрания могут быть созваны и с самой мирной целью, но на них страсти легко разгораются, люди легко теряют голову, начинается брань на политических противников, на правительство, на войско и проч. Такая толпа, выйдя на улицу, может наделать немало бед, а если бы в ней участвовали военные, это могло бы окончиться дракой, вооруженным сопротивлением полиции или войскам, даже вооруженным восстанием.

Все равно, какая партия собирается, правая ли, левая или умеренная: военным одинаково не место на собраниях любой из партий. Это потому, что, во-первых, если позволить военным присутствовать на собраниях одной из партий, то придется позволить бывать и на других. Во-вторых, потому, что любая партия может дойти до безобразных поступков. Это мы видим на примере наших партий: социалисты начинают митинги с проповедей о «свободе», а кончают криками «смерть буржуйам» или такому-то министру; а на сборищах крайних правых партий начинается с клятв на верность Царю, а кончается иной раз криками: «бей жидов», точно евреи не царские подданные, точно вообще можно быть верным подданным и в то же время избивать по злобе мирных людей. Конечно, это редкие случаи, но они все же возможны, ибо никогда человек не делается так легко зверем, как в толпе, которая волнуется той или другой политической страстью.

На это тоже иногда возражают: «Как может человек не иметь таких или иных политических мыслей, вкусов или убеждений? Неужели человек делается деревянным, как только наденет военный мундир?»... Нет, «деревянным» он не делается и убеждения может иметь самые различные.

И конечно, каждый военный волен думать как хочет, но только делать он должен так, как приказывает власть. Покуда военный исполняет приказания, подчиняется дисциплине, он будет прав, что бы он ни думал; но как только он скажет что-либо против присяги или дисциплины или поступит против них, то будет виновен. Выходит, что военный вовсе не должен быть «деревянным»; но он должен быть честным человеком с твердой волей, который побеждает свои личные желания, вкусы и страсти во имя долга. Это не всегда легко. Но не только военные в этом положении: ведь и судья беспартиен. И точно так же военный находится вне партий не потому, что он человек без мысли и без чувств, а потому, что он честный человек, честный солдат.

3. Наконец, среди войска нельзя позволять никакой политической пропаганды. Никаких речей, листовок и прокламаций, которые стараются вовлечь

войска в какую-либо партию, не должно быть в войсках. Все, что подымает злобу солдат на какую-либо часть мирных сограждан, все равно на какую, есть гнилое слово и преступное дело. Натравливать ли солдат на «помещиков» или на «жидов» — одинаково подло и преступно. Кроме прокламаций этим преступным делом занято и большинство газет, полных лжи и клеветы на противные партии. Много ли теперь газет, которые помнят, что всякую неправду надо мерить на один аршин? что надо осуждать всякое убийство, все равно, из какой партии убийца? Наши газеты несут в народ и войска много озлобления. И немало крови, пролитой за два последние года в России, лежит на совести газетных дельцов. Войско злобить не надо: когда ему выпадает тяжелая доля действовать против своих сограждан, то оно должно делать это не по злобе против такой-то партии, а по долгу, чтобы прекратить незаконные действия (грабежи, бросание бомб, бунты).

До сих пор мы говорили о том, как войско должно удерживаться от вмешательства по внутренние дела своей страны, говорили, чего войско должно не делать. Но ведь не может же столь огромная государственная и народная сила, как армия, вовсе не влиять на судьбу своей страны в смутные времена? Поэтому скажем теперь о том, каким путем войско в смутные дни должно выполнять свой долг перед родиной, скажем, что войско должно делать...

Военные, сказали мы выше, в выборах не участвуют. Назначение армии во время выборов не выбирать, а совсем иное: она должна стоять в стороне, на страже порядка. Если в населении знают, что в городе имеются надежные, дисциплинированные войска, то выбирающие партии будут поосторожнее в борьбе друг с другом, и выборные страсти не дойдут до каких-либо безобразий. А если бы последнее все-таки случилось и полиция оказалась бессильна, то войско должно прекратить насилие одной части населения над другой. Словом, армия ограждает внешнюю свободу выборов.

Но вот народные представители собрались в парламент (у нас — в Государственный совет, в Государственную думу). Должно ли то, что там говорится, непосредственно влиять на поведение и действия армии? Нет, нисколько. Даже те парламенты, которые вырабатывают законы также и для армии, и те не могут иметь прямого отношения к армии. Воля народных представителей выражается лишь в проекте закона...

Если вообразить, что в какой-либо стране парламент обратился бы с каким-либо воззванием к армии, то такое воззвание (что бы в нем ни писалось) было бы незаконным и преступным. Получив такое воззвание, всякий военный

должен был бы изорвать его в клочки. Ибо, повторяем, к армии может законно обращаться только одна воля, один голос, это воля и голос монарха.

Впрочем, есть одна небольшая часть войска, которая имеет прямое касательство к парламенту: это гарнизон столицы. От него выставляется караул к зданию парламента. И у нас выставляется караул к Таврическому дворцу. Это делается для почета, но также и для охраны. Ведь всегда есть часть населения, которая недовольна парламентом; могут найтись безумцы, которые вздумают собрать толпу, чтобы ворваться в парламент и разогнать членов его. Вот против такого насилия толпы или заговорщиков и необходим караул, который встретит их как следует, в крайности — залпом. Потому что никто не имеет права производить насилие над парламентом (или Думой).

Армия, сказали мы выше, в споры партий не должна вмешиваться. Но как же быть, если эти «споры» дошли до драки, ножевой расправы, побоищ, стрельбы из револьверов, кидания бомб, до поджогов и взрывов? Неужели и тогда армия не должна вмешиваться? Конечно да; армия должна прекратить безобразия. Но это будет не вмешательство в партии, а нечто совсем иное.

В самом деле, когда войска усмиряют такие безобразия, им ведь вовсе нет дела, кто кого бьет; они просто прекращают насилие; им все равно, кто насильничает, все равно, над кем насильничают.

Таким образом, для войска нет ни «черносотенников», ни «красносотенных», ни «кадетов», ни социалистов, ни октябристов; нет ни купцов, ни дворян, ни крестьян; нет ни мусульман, ни православных, ни евреев, — все они равны для войска, ибо всем им войско друг, пока они мирные граждане, всем им войско враг, когда они скопом творят преступления.

Отсюда ясно, что насколько войско не смеет вмешиваться в политику, настолько же оно обязано оберегать законный порядок.

Когда я говорю, что войско оружием должно защищать законный порядок, я говорю это не с легким сердцем. Стрелять в своих сограждан — это самая тяжкая обязанность армии. Это должно происходить в величайшей крайности, когда никакие меры не смогли предупредить беспорядки, когда полиция и жандармы оказались не в силах их прекратить. Гражданские власти должны десять раз подумать прежде, чем призвать войска. Если вызывать войска часто, только для того, чтобы они стояли в бездействии лицом к лицу с толпой, народ перестает их бояться, толпа делается дерзкой, так что если на десятый вызов войск им все-таки придется дать залп, то жертв будет больше. Вызывать войска надо в крайности, но уж тогда для того, чтобы они действовали. Если так

поступать, то народ будет знать, что войско идет не шутки шутить, а грозно карать; тогда, быть может, толпа разбежится до первого выстрела. В общем, будет меньше жертв. Так и смотрят на это дело те правила, которые установлены недавно для призыва войск на помощь гражданским властям.

Частый вызов войск на помощь гражданским властям вреден и самим войскам. Они отрываются от своего главного дела: от подготовки к войне. Полки приходится разбрасывать: роты, взводы стоят отдельно по фабрикам, городкам или деревням; страдает от этого обучение, падает дисциплина, так что происходят случаи насилия со стороны войск. Враги армии спешат раздуть каждый такой отдельный случай, уверяют, что тут виновен не отдельный порочный солдат, а что такое направление войскам дается высшими начальниками; словом, враги армии пользуются этим, чтобы сеять в населении вражду к армии. По этим причинам желательно назначать войска в помощь гражданским властям как можно реже. Лучше увеличить число полиции, устроить еще новые жандармские части (из лиц, отбывших уже службу по воинской повинности), а войска притягивать к этому делу лишь в крайности. Конечно, увеличение полиции и жандармов обойдется не дешево, но падение дисциплины в армии обойдется государству во много раз дороже.

Когда я говорю, что важно сделать так, чтобы войскам приходилось меньше нести охранную (полицейскую) службу, то я этим вовсе не говорю, будто армия не должна быть охраной отечества от его внутренних врагов. Во всех государствах, при всяком правительстве и во все времена армия несет обязанность охранять порядок внутри государства. Иначе и быть не может. Об этой обязанности в некоторых иностранных государствах говорится даже в их основных законах (конституциях). И у нас, как известно, солдат есть защитник Престола и Отечества от врагов не только внешних, но и внутренних.

3. Об армии в России

Русская вооруженная сила ведет свое начало с самых давних времен. В древней Руси существовали два самостоятельных вида войск: княжеские дружины и народные ополчения. Дружина князя составлялась из «охочих людей», поступивших на службу по добровольному желанию. Князя содержали дружины на свой счет и жаловали им поместья (вотчины), которые переходили в собственность потомства дружинников. С дружиной князя делали походы, вели войны, защищали свои владения от нашествия иноплеменников.

Народные же ополчения созывались в крайнем случае, когда опасность угрожала всему народу.

Позднее установился такой порядок, что все дворяне, владевшие крестьянами, были обязаны всю жизнь служить князю: в случае войны — идти с ним на войну, а в мирное время нести сторожевую службу на границе, по очереди.

Ко времени Иоанна Грозного кроме дружин и ополчений явились стрельцы (пехота), пушкари (артиллеристы и саперы) и городовые казаки. Набирались все они опять-таки из вольных людей. Наградой за службу было наделение их землей.

Мало-помалу возникла и развилась мысль о необходимости иметь войска, обученные ратному делу как следует, подобно тем, какие уже были в то время за границей. При царе Михаиле Федоровиче из тех же охочих людей были образованы войска по образцу иноземных — пешие и конные полки. Эти войска ежегодно обучались в течение месяца, а потом снова распускались по домам.

Такие войска, конечно, были совсем не то, что настоящая армия. Обучены они были плохо, служили мало и опыта военного почти не имели. Скоро убедились, что необходимо для государства иметь постоянную армию, или, как называют ее, регулярную, набранную из солдат, состоящих на службе постоянно и получающих от казны полное содержание, чтобы не нужно было им для своего пропитания заниматься хлебопашеством, ремеслами или другими промыслами.

Регулярные войска были впервые образованы на Руси Петром Великим. Все дворяне, как и раньше, обязаны были служить в войсках поголовно и всю жизнь. От прочих же сословий требовалась поставка людей в армию по мере надобности; этих людей стали называть рекрутами. Срок службы в войсках для всех был пожизненный, так что кого отдавали в солдаты, тот навсегда делался отрезанным ломтем для семьи и ничем другим, кроме военного дела, заниматься не мог. Государству было все равно, кого отдадут в солдаты: повинность была не личная, а общинная. Поэтому в рекруты часто сдавали таких людей, от которых общество хотело избавиться. В армию стало попадать много людей порочных. Даже наказание такое существовало — отдача в рекруты.

Впоследствии дворянам служба была несколько облегчена. Сначала служить они были обязаны только 25 лет, а затем и вовсе были освобождены от обязательной службы: служил кто хотел и сколько хотел. Потом некоторые льготы были даны и другим сословиям — купцам, почетным гражданам, лицам с известным образованием и проч. После этого почти вся тягость военной службы перешла на простой народ.

С течением времени сокращен был срок службы для всех вообще солдат.

Вместо пожизненной службы положено было отслужить 25 лет, а потом срок постепенно уменьшился до 7 лет.

Порядок призыва рекрутов был сначала очередной: каждая семья по очереди ставила рекрута в возрасте 20–35 лет. Отдавали, понятно, прежде всего холостых, потом бездетных, чтобы не расстраивать хозяйства, не разорять семью. Потом, уже в 1854 году, был введен порядок жеребьевый. Ежегодно призывались все лица, достигшие 21 года (кроме единственных работников в семье), которые и вынимали жребий. Таким образом набиралось рекрутов столько, сколько нужно было для армии. Желающий мог вместо себя поставить наемщика, то есть попросту нанять человека. Но в царствование Александра II был установлен вместо такой замены денежный выкуп.

Этот порядок набора рекрутов существовал до 1874 года. Он был во многих отношениях нехорош и для населения, и для государства. Много совершалось притеснений, несправедливостей и неправильностей при наборе, а наем или замена одного рекрута другим, наемщиком, часто давала армии таких негодных лиц, которые ни в каком случае не могли быть верными, надежными слугами и защитниками Царя и Отечества.

Вследствие всех указанных причин в царствование Александра II, в 1874 году был издан коренной государственный закон — устав о повинности, равно обязательный для всех подданных империи. Этот устав ввел повинность всеобщую, личную. Все сословные льготы были отменены, и дворяне стали призываться на военную службу наряду с крестьянами и прочими сословиями по первому требованию правительства.

В настоящее время всеобщая обязательная воинская повинность введена во всех больших европейских государствах, где имеются постоянные армии. Только в Англии существует наем (вербовка) желающих служить на военной службе. Но Англия окружена со всех сторон морем, от неприятеля ее надежно может защитить ее превосходный флот, и в армии сухопутной она не слишком нуждается. Впрочем, в случае войны и в Англии созывается милиция, и закон допускает применение всеобщей воинской повинности...

В каждой стране величина армии определяется потребностями государства. Чем больше пространства занимает государство, чем обширнее его границы, чем больше у него соседей, тем армия должна быть больше, Россия — одно из величайших государств всего мира. Соседей у нее много на всех границах — и китайцы, и японцы, и афганцы, и англичане, и турки, и австрийцы, и немцы, и шведы. Чтобы обеспечить себя от внезапного нападения соседей,

Россия даже в мирное время принуждена держать под оружием миллион человек. Хотя это очень много, но только при такой армии наше государство может чувствовать себя в безопасности.

Другое дело, если бы Россия была меньше и границы ее не были так растянуты и удалены друг от друга. Можно было бы держать под ружьем армию не очень большую и в случае надобности перевезти войска с одного места на другое и сосредоточить их. Так, например, может поступить Германия, Франция. Но у нас этого сделать нельзя. Как возможно, например, быстро перевезти солдат с Кавказа к Варшаве или от Петербурга в Туркестан, если даже одному человеку нужно около недели пути. А враг не ждет, воспользуется временем, пока наши войска не прибыли, и займет что ему нужно. Государству нашему удобнее наготове, под ружьем, иметь войск побольше. В недавнюю японскую войну мы могли во всем этом вполне убедиться.

Если бы у нас на Дальнем Востоке было достаточное количество войск, то не пришлось бы их везти из России за десять тысяч верст, и тогда все военные действия приняли бы другой оборот (а вероятнее, что тогда и война случилась бы на много лет позднее).

Есть еще причина, почему нам нужна большая армия, которую для государства легче постоянно иметь при 3–4-летнем сроке, чем при двухлетнем. Дело в том, что население России очень неравномерное и по численности, и по составу. В случае войны на какой-нибудь из ее границ крайне трудно, а иногда и просто невозможно, увеличить до необходимых размеров армию из состава самого местного населения. Нужно иметь готовое, обученное и надежное войско на месте. Рассчитывать на скорый подвоз к армии подкреплений нельзя, так как расстояния у нас в России огромные. Если при 3–4-летнем сроке в запас уйдет треть армии, то на месте останутся две трети ее, которые в случае внезапной войны все-таки успешнее могут выдержать первый натиск врага, чем половина армии, которая оставалась бы после увольнения домой нижних чинов при двухлетнем сроке службы...

Но, конечно, дела этого быстро кончить нельзя, и прежде всего потому, что постройка казарм требует больших расходов для казны.

Из всего сказанного следует заключить, что в русской армии еще надолго возможен только 3–4-летний срок службы. Этого требуют не только состояние и особенности нашего государства, нашей армии, но и благо всего населения. И те, кто понимают дело, а все-таки говорят, что надо ввести двухлетний срок, могут говорить это только оттого, что хотят разрушения русской армии.

Война России с Японией обнаружила недостатки русской армии, вследствие которых наши издавна победоносные войска не могли успешно отразить натиска врага. Конечно, далеко не вся вина за неудачу ложится на армию. Было много и других причин, почему Россия не вышла из войны победительницей. Но недостатки армии бросаются прежде всего в глаза, так как именно ей пришлось грудью встретить неприятеля.

Неустройство армии, ее недочеты и оплошности имеют огромное значение: от них зависит судьба государства.

Каждое государство, желая сохранить свою независимость и целостность, прежде всего должно заботиться о своей армии. Армия должна быть любимым детищем народа, она должна состоять из цвета населения, лучшей части молодежи. На воспитание и обучение армии народ отдает свои лучшие силы и средства, и потому государство должно внимательно следить за правильным обучением своих войск, за правильным устройством и управлением армии. Как только обнаружатся в армии какие-нибудь недостатки, государство должно сейчас же их исправить, чтобы армия могла быть настоящей защитницей страны от врагов, чтобы сила ее ничем не была поколеблена.

Вот почему после японской войны, когда обнаружилось, что русское могущество на Востоке ослабело, в русской армии началась спешная работа по ее переустройству.

Но такое обширное государство, как Россия, растянувшееся в Европе и Азии, не может всюду, на всех своих отдаленных границах иметь одинаково готовое к войне войско. Это и стоило бы страшно дорого, да и людей потребовало бы слишком много. Поэтому для России особенно важно знать в точности, откуда ей грозит война, чтобы именно в ту сторону стянуть войска и прочно укрепиться.

Совет государственной обороны, учрежденный в 1905 году, должен ведать именно этим общим распределением военных сил страны, чтобы армия не была застигнута врасплох. Кроме того, Совет государственной обороны обязан следить, чтобы на высшие военные должности назначались люди вполне достойные и подготовленные. Совет государственной обороны должен состоять из высших военных лиц, известных своей опытностью и имеющих большие военные знания и заслуги.

В нашей армии, к сожалению, не всегда подбирались хороший состав старших офицеров и командирами частей делались не всегда лучшие офицеры. Происходило это от неправильного порядка аттестаций. Аттестациями называются письменные отзывы командира части о служебных достоинствах

офицеров. Аттестации эти составляли большую тайну: никто из офицеров не знал, какой отзыв дал о нем командир. Точно так же никто не знал, какие аттестации получили его товарищи. Командир части выдвигал того, кого хотел, не советуясь ни с кем. А он, конечно, мог ошибаться или нарочно выдвигать вперед не самого лучшего офицера, а того, который сумел ему в душу влезть. Остальным офицерам это было неприятно и очень обидно, а ловкачи, счастливики проскальзывали вперед и шли все выше и выше. Война указала на этот беспорядок. Оказалось, что способные и знающие люди состарились, не дойдя и до чина полковника, а командовали частями люди зачастую бездарные и ленивые или очень уж старые.

С 1806 года установлен другой порядок. Каждое назначение на высшую военную должность будет зависеть теперь от Совета государственной обороны. Здесь будут рассматривать назначения и решать, кто достоин занять какую должность. Об офицерах же до чина полковника отзывы будут давать комиссии, то есть собрания нескольких начальников. Таким образом, теперь аттестации будут выражать мнение не одного лица, а нескольких и, самое главное, будут не тайные, а гласные. Благодаря этому трудолюбивые, знающие дело и способные офицеры не затеряются, а продвигаются вперед. И мало-помалу в армии нашей состав начальников улучшится.

Вместе с старшими начальниками оказалось необходимым улучшить и состав унтер-офицеров. Унтер-офицеры — это лучшие из рядовых солдат, но обученные (в учебной команде) больше и лучше, чем остальные солдаты. Некоторые из унтер-офицеров, отслужив положенный обязательный срок в строю, желают иногда продолжать службу и остаются сверх срока. Таких унтер-офицеров, оставшихся по собственному желанию на службе, называют сверхсрочнослужащими унтер-офицерами. Унтер-офицеры — первые помощники офицеров, они помогают офицеру обучать солдат грамоте, маршировке, строю, стрельбе, уставам и пр. На войне унтер-офицер командует взводом, а когда офицер убит, то заменяет его и командует частью. Из этого видно, что унтер-офицер должен знать очень многое и притом так хорошо знать, чтобы уметь научить других. Особенно нужна работа хороших унтер-офицеров теперь, когда срок солдатской службы сокращен до трехлетнего и в частях люди меняются быстро. Не успевают обучиться одни — на их место берут других, а отслужившие уходят в запас. Поэтому необходимо обучать солдат скорее и основательнее. Кроме того, очень тяжело поддерживать среди них дисциплину, так как за короткий срок службы солдаты не успевают как следует привыкнуть к военным

порядкам. Значит, теперь особенно нужны хорошие, надежные унтер-офицеры. Но получить их стало гораздо труднее, потому что и сам-то унтер-офицер меньше служит в строю, учится меньше и опыта прежнего не приобретает.

Для того чтобы удержать хороших, полезных унтер-офицеров на сверхсрочной службе, им назначено хорошее содержание и дарованы разные льготы. Эти льготы должны быть немалые, чтобы ради них стоило оставаться на военной службе, потому что честные, способные, знающие и трудолюбивые люди везде ценятся и могут найти себе хороший заработок.

В нашей армии для сверхсрочных унтер-офицеров с 1906 года установлены следующие льготы:

1) С первого же года сверхсрочной службы увеличено добавочное жалованье: фельдфебелям в 2 раза, старшим унтер-офицерам в 3 раза против прежнего.

2) Устроены для сверхсрочнослужащих особые подготовительные курсы. Здесь под руководством офицера сверхсрочнослужащие обучаются 9 месяцев военной науке, а когда выдержат экзамен, то получают звание подпрапорщика (кто на сверхсрочной службе прослужил уже не менее двух лет).

3) Получив новое звание, подпрапорщики остаются на сверхсрочной службе; им даются шашка, офицерский темляк и особые погоны. Дается и увеличенное жалованье — сначала 240 рублей в год, а потом 300 рублей. Новое звание налагает на них новые ответственные обязанности, и за всякое преступление подпрапорщики будут судиться уже как офицеры. Обращение с ними установлено на «вы».

4) Для всех свехсрочнослужащих и подпрапорщиков отпускается из казны вдвое больше вещевого, провиантского и приварочного довольствия — деньгами или натурой, как пожелают.

5) Сверхсрочным полагается в казармах отдельное помещение — на каждого отдельная комната или на двух одна. Семейным же выдаются квартирные деньги, если не отведена казенная квартира.

6) Если, прослужив 10 лет на сверхсрочной службе, подпрапорщик захочет уйти в запас, то он получает единовременно тысячу рублей. Может остаться и дольше на сверхсрочной службе, но все же не более 15 лет. После этого подпрапорщики обязательно увольняются со службы и зачисляются в ополчение; им положена пенсия 96 рублей в год и, кроме того, единовременное пособие в тысячу рублей.

Из перечисленных льгот можно видеть, что сверхсрочнослужащих унтер-

офицеров особенно отличают от обыкновенных унтер-офицеров. И положение их, и права, и преимущества совсем особые. Содержание каждого хорошо подготовленного унтер-офицера стоит казне почти столько же, как и младшего офицера. Сделано все это для того, чтобы побольше привлечь на военную службу хороших унтер-офицеров и чтобы из них можно было выбрать действительно отличных.

В военное время, когда армия увеличивается в несколько раз, офицеров не хватает. Заменять их будут эти подготовленные сверхсрочнослужащие унтер-офицеры, или, как их называют, подпрапорщики. Они явятся ближайшими помощниками ротных командиров и займут должности младших офицеров. Называться в военное время они станут уже не подпрапорщиками и будут носить офицерскую форму. Значит, теперь каждый простой рядовой, не получивший дома никакого образования, если он способен и желает добросовестно учиться и служить в военной службе, может уже в мирное время стать почти офицером...

Во время наступившего мира армия наша должна исправить все свои недочеты, что были обнаружены войной, и пополнить пробелы в своих знаниях. Армия должна прилежно и дружно стремиться к усовершенствованию и употребить с пользой полученный ею на полях Маньчжурии опыт.

Но что именно следует сделать армии, чтобы исправить свои недостатки и усовершенствоваться?

Во главе всей работы должно быть поставлено единение.

Необходимо, чтобы за дело принялась целиком вся наша военная сила; чтобы она взялась за него как за общую трудную и сложную работу, которая обеспечивает нашему государству жизнь и безопасность. Нужно, чтобы каждый человек в армии почувствовал свою самую близкую связь с этим общим делом и твердо помнил, что в общей работе как его старания и успехи, так и его ошибки не пропадают: они или улучшают дело, или, наоборот, вредят ему. При постройке дома важен каждый камень. Как ни мал каждый отдельный человек в армии, но он все равно что камень в здании — от него зависит крепость и мощь нашей боевой силы. Японцы имели успех не столько потому, что были лучше обучены и правильнее вели свои военные действия, сколько оттого, что они все действовали как один человек, что все они даже в самых малых делах стремились к одной общей, высокой цели — к победе, к славе своей родины. У нас, к сожалению, этого дружного согласия не замечалось; не было поэтому и успеха. Конечно, ни приказами, ни распоряжениями никакую армию нельзя сразу заставить действовать так, как здесь говорится.

Армию нужно исподволь, постепенно приучить к этим мыслям и чувствам. Армию надо воспитать так, чтобы она постоянно думала о своем деле как об общей священной обязанности перед родиной. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы такая же цель была заложена в самое управление армией. Нужно, чтобы все части военного управления работали так, как работают части сложной, большой машины, пущенной в ход. От какого-нибудь ничтожного винтика зависит исправность всей машины, настолько тесна связь между всеми частями; такая же связь существует и между частями армии.

В нашей армии действует до 15 отдельных управлений. Все они по многим общим вопросам работают не справляясь друг с другом — «не троньте, мол, меня, а я вас не трону». Этого не должно быть. Все сложные и общие вопросы должны решаться сообща, сразу для всей армии. Теперь же бывает так, что два-три управления заняты одним и тем же вопросом и решают его каждое для себя. Это все равно что 2–3 раза сделать одно и то же дело. Было бы проще собрать на этот случай опытных, знающих людей из разных учреждений в одно учреждение и поручить им всю работу: этим много сохранится и времени, и денег.

Кроме того, для объединения армии необходимо, чтобы в ней было больше равенства, равенства не внешнего, показного, бумажного, а действительного равенства перед высоким долгом и требованиями службы; чтобы уважались одинаково права всех достойных военнослужащих. Как известно, личный труд и способности у нас не всегда ценятся высоко, зато заслуги отца, богатство или даже знакомство с сильными лицами выдвигают нередко людей ленивых, неспособных.

Все это угнетает тех из наших офицеров, которые принуждены пробивать себе дорогу своим собственным трудом. Мало-помалу они привыкают относиться к службе спустя рукава: все равно, думается им, усердием не возьмешь, надо, чтобы похлопотал сильный человек, или другое что-нибудь... Руки опускаются при таких порядках и равнодушными к работе делаются даже деятельные люди. А зависть, недоброжелательство и равнодушие подтачивают душу армии, как ржавчина разъедает железо.

Таким образом, кроме разных преобразований и внешних улучшений, армия наша нуждается в лечении: нужно оздоровить ее душу, вдунуть в нее бодрость, светлый дух, надежду, желание работать. Без этого же трудно что-нибудь исправить как следует. Но дело это очень большое, если не самое сложное из всех. Здесь одними распоряжениями ничего не поделаешь: нужно, чтобы целый миллион людей участвовал в этом душой, желанием. Если указанный

переворот произойдет в армии, то все предполагаемые улучшения увенчаются успехом. Без этого же все нововведения будут не больше как заплаты...

Как только кончилась неудачная война с Японией, каждый, кому только было не лень, начал рассуждать, что именно в нашей армии неладно и как все надо переделать. Между тем очень многие даже не представляют себе, насколько продолжительна должна быть работа по обновлению армии и чего она будет стоить государству.

Прежде всего надо заметить, что преобразования не зависят от одного военного ведомства. Преобразования зависят во многих отношениях от гражданских ведомств. Сколько бы ни строило планов и предположений военное ведомство, чтобы исполнить задуманное, оно должно сговориться с высшими гражданскими властями: возможно ли это в нашей стране, хватит ли у нас денежных средств и проч. Скорость и успех военных преобразований зависят прежде всего от того, какие порядки управления существуют в государстве. Если вообще принят такой порядок, что всякое начинание и указание идет от одного главного места (из центра), то всякая работа пойдет медленнее. Пока спишутся да разъяснят, да в другом месте поймут и сделают как надо, уйдут месяцы, а то и годы. Но этот общий порядок зависит не от военного ведомства, а от общего устройства управления.

Многое будет зависеть и от Государственной думы. Хотя Государственная дума прямого отношения к военному правлению и не имеет, но она рассматривает расходы казны на армию. Поэтому, если Государственная дума при рассмотрении денежных вопросов с любовью и уважением отнесется к армии, тогда и все население проникнется теми же чувствами. А заботливая любовь народная для армии необходима, ибо армия не может совершенствоваться, если не видит общего сочувствия.

При первом взгляде трудно себе представить, каких громаднейших сумм стоит государству каждое улучшение в армии. Армия — это такое огромное дело, которое поглощает сотни миллионов народных денег. Всякий новый расход ложится тяжестью на население. Приступая к улучшениям в армии, следует прежде всего справиться, возможны ли они в денежном отношении. Иначе все расчеты и планы будут пустыми мечтами и из разговоров не перейдут в дело...

В России теперь не найдется человека, который желал бы войны. Но одного нежелания войны мало для мира. Чтобы избежать войны, есть только одно надежное средство — это быть сильным, иметь могучее войско.

Кто бы мы ни были, какого бы племени, какой бы партии, веры, какого бы

звания и состояния ни были мы, нам надо понять, что армия есть наше общее достояние, что разрушение армии есть начало разрушения нашего общего дома. Чего бы отдельная партия ни желала, ее желания никогда не исполнятся, если будет разрушено наше военное могущество. Если в государстве погибла военная сила, все погибло. Не только те партии, которые желают установления порядка, законности и свободы, никогда не увидят исполнения своих надежд, но и анархисты от разрушения родной армии ничего не выиграют: родная армия заменится иностранной. Слишком тесно стало на земном шаре народам и государствам; между ними идет ежедневная глухая борьба за существование, и ни в каком государстве полное безвластие и анархия продержаться долго не могут: анархию прекратит оружие других государств. Пусть поэтому революционеры, стремящиеся разрушить нашу армию, вспомнят, что они этим не избавятся от своего врага — от военной силы; они этим только приглашают в Россию военную силу чужую. Погубите русскую армию, в России восстановит «порядок» армия японская, германская, австрийская и английский флот. Если нет власти внутри страны, она приходит извне: это так же необходимо, как отлив воды из полного сосуда в пустой по соединяющему их рукаву.

Наши партии теперь борются между собой и с правительством и в озлоблении своем не видят внешней опасности. Они пляшут свою партийную пляску и не хотят видеть, что враг готов воспользоваться их злобным весельем, чтобы налететь на их дом ураганом. Не хотят партийные люди видеть... но жизнь не спросит, хотят ли они или нет. И если налетит ураган, кто встретит его, если армия будет тоже увлечена партийной пляскою?..

Убережем же наше русское войско. От этого зависит, быть или не быть России. Я уже не говорю о самих военных, не к ним моя речь. Они сами должны знать, что в наши дни каждый их проступок против дисциплины во сто раз опаснее для целости армии, чем в прежние годы. Но я обращаюсь ко всем, кто не в армии, кто извне работает над ее разрушением. Обращаюсь ко всяким партиям и говорю: «Оставьте нас, военных. Прочь партийные руки... Мы без вас знаем нашу дорогу, на ней ясные вехи: присяга, закон, дисциплина. Идя по этому прямому пути, мы сослужим родине службу; увлеченные с него вправо или влево, мы заплутаемся сами и сгубим Россию». Пусть те, кто берется за перо с целью быть полезным армии, пишут о ней бережно; надо немало знаний, чтобы сказать о ней полезное слово; огульное порицание верхов или беспричинные похвалы — это лишь легкий способ снискать себе уличный успех, но не полезное дело. А тем, кто говорит об армии, лишь чтобы сеять ненависть к ней, чтобы толкать ее на измену,

я скажу: «Воздержитесь от этого дела, если не из любви к родине, так хоть из чувства самосохранения: без дисциплины и присяги армия не армия, а дикий зверь, который все уничтожит, уничтожит и вас...» Напрасно уличная толпа подбивает солдата на то, чтобы он нарушал дисциплину; напрасно угрожает офицеру за то, что он остановил неисправного солдата, это ведь его долг. Нижний чин, который дерзит, прикрываясь толпой и подводя офицера, совершает подлый поступок; офицер, который, опасаясь толпы, глядит сквозь пальцы на проступок младшего, это офицер недостойный. Новым членам Государственной думы я хотел бы сказать: «Не избирайте вопроса об армии средством для борьбы с правительством; этим вы погубите не министерство, а Россию. Клевета на армию не должна раздаваться с народной трибуны, это оскверняет ее. И недостойно народным представителям слушать брань на родную армию».

Нам, военным, напевают льстивые слова. «Не должна, — говорят, — армия быть в стороне от народного движения; покажите, что вы часть народа, протяните руку освободительному движению...» Но нас не обманешь, мы уже видели, что значит «освободительное движение» в армии: это заколотые пьяною ватагой матросов офицеры, это братоубийственная резня и стрельба полка в полк, это погибшие миллионы народных денег, загубленные жизни одурманенных простаков из темного народа и бегство безумных и бесчестных подстрекателей. Бессмысленное, бесцельное и подлое кровопролитие — вот что такое «освободительное движение» в армии.

Армия может сослужить службу народу и теперешнему историческому движению, но только одним путем: сохранив верность присяге, удвоив в своих рядах дисциплину. Котел кипит, в нем совершаются бурные химические процессы; они могут прийти к благополучному концу, но для этого стенки котла должны быть прочны, иначе разольется жидкость, и желанный процесс не завершится. Кипит народ, а стенки котла — это войско. И, выполняя наш незаметный ежедневный долг дисциплины, мы будем непрерывными ударами сотен тысяч молотков упорно продолжать ковать этот котел, чтобы он не давал трещин; мы опояшем его стальным обручем верности присяге, чтобы он сдержал всякий напор пара, чтобы пар выходил лишь в законом указанный клапан. Мы дадим этим время завершиться процессу; этим мы сохраним будущим поколениям и царскую власть, и свободу.

1907 г.

А. ВОЛГИН

КОНСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ОЧЕРКА РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Развитие военного управления в период до Петра Великого

Военное управление за время свыше тысячелетнего существования России пережило несколько фазисов своего развития.

Первоначально оно было личной задачей и личным правом князя, который осуществлял его непосредственно. У князя были помощники, исполнители его воли; но права и обязанности этих лиц были основаны на личном поручении князя, дававшемся обыкновенно в каждом отдельном случае. Управление местностями, удаленными от резиденции князя, поручалось наместникам или волостелям, которые заменяли князя во всех отношениях. Таким образом, органами управления являлись только известные лица, а не присутственные места.

С соединением княжеств под властью Москвы появляются присутственные места в виде приказов, которые действуют уже на основании нового начала, заключавшегося в том, что верховная власть вверяла определенному учреждению известный род дел или лиц с тем, чтобы это учреждение ведало порученные ему предметы самостоятельно, на основании уставов, докладывая Государю только о тех делах, которые почему-либо оно решить не могло.

Первоначально, при распределении дел между приказами, учет и управление вооруженными силами были отнесены к обязанностям разрядного приказа или разряда, учрежденного не позже 1535 г., который явился органом, ведавшим, кроме других, и всеми военными делами государства.

Разряд делился на несколько столов, а последние на поветья. Каждый из столов имел в своем ведении или известный род дел во всем государстве, или же ведал всеми делами в какой-либо части государства. Важнейшим из столов был Московский большой стол, в котором сосредоточивались все военные дела общего характера.

С появлением в числе вооруженных сил России артиллерии был учрежден пушкарский приказ, ведавший артиллерийское и отчасти инженерное дело в государстве. Создание стрельцов повело к учреждению особого стрелецкого приказа...

Позднее, с пробуждением сознания необходимости иметь войска,

обученные по-европейски, у нас появились полки, набранные по найму из иностранцев, а затем и русские, обученные иноземному строю, пешие — солдатские и конные — рейтарские и драгунские; параллельно с этим были учреждены и соответствующие приказы: иноземский и рейтарский. Во главе приказов стояли бояре или окольничие. Помощниками им при решении дел являлись думные и простые дьяки и подьячие.

Приказы рассматривали дела не только административного, но и судебного характера и действовали именем Государя. Права и обязанности приказов определялись множеством разновременно изданных законоположений; причем при разрешении вопросов законоположения эти иногда толковались совершенно произвольно.

В случае особых затруднений, встреченных при рассмотрении какого-либо дела, оно представлялось на усмотрение Царя или Царской думы.

Таково было состояние управления вооруженными силами России при вступлении на престол Царя Петра Великого. Если эта система могла работать, имея в своем ведении ополчения (дворяне, даточные люди) или поселенные войска (стрельцы, городовые войска, полки иноземного строя), то она оказывалась несостоятельной для управления регулярной армией, к созданию которой приступил Великий Преобразователь.

Главнейшими недостатками изложенной системы военного управления были: а) отсутствие единства в управлении; б) недостаток системы в распределении дел между различными приказами; в) смешение административной и судебной власти в одном и том же органе управления; г) произвол при решении дел, царивший в приказах, где дьяк судил весьма часто по своему личному усмотрению, а не на основании закона, и д) отсутствие контроля над деятельностью приказов.

Отсутствие единства в управлении иногда до известной степени устранялось подчинением нескольких приказов одному лицу, но такое подчинение не соображалось обыкновенно с кругом ведения данных приказов и в результате мало помогало делу. Недостаток системы в распределении дел между приказами порождал «волокиту», крайне вредно отражавшуюся на нуждах войска. Слабость же надзора за деятельностью администрации и недостаточное развитие ответственности должностных лиц поощряли произвол, борьба против которого не приводила к удовлетворительным результатам.

Развитие военного управления в 18 веке

Петр Великий, выступив на борьбу с произволом, прежде всего принял меры к сосредоточению всех военных дел в небольшом числе органов, а затем к установлению системы органических должностей, введенной одновременно с принятием коллегиального начала.

В 1699 году упразднение стрельцов изъяло военные дела из ведения стрелецкого приказа; он был слит с земским приказом и в 1701 году наименован приказом земских дел. Затем, в 1700 году последовал указ об учреждении приказа при генерал-комиссаре, князе Якове Федоровиче Долгорукове, и о передаче в его ведение всех дел иноземского и рейтарского приказов и некоторых дел из разряда. Одновременно с этим заведование делами о хлебных запасах для ратных людей поручено окольному Языкову; ему повелено именоваться генерал-провиантом и при нем учрежден провиантский приказ. В следующем 1701 году учрежден приказ военных дел, порученный боярину Тихону Никитичу Стрешневу, которому было указано ведать всеми военными делами, кроме: 1) дел о снабжении войск деньгами, вещами и оружием, которые оставлены в приказе генерал-комиссара; 2) дел по снабжению продовольствием, оставленных в провиантском приказе, и 3) дел по артиллерийской и инженерной частям, находившихся в ведении пушкарского приказа, переименованного в приказ артиллерийский и подчиненного генерал-фельдцейхмейстеру (Царевичу Александру Арчиловичу).

Но уже 1 октября 1703 года князь Я.Ф. Долгоруков получил повеление ведать и приказом военных дел, и, таким образом, большая часть военного управления фактически сосредоточилась в одних руках.

Общее руководство всеми государственными делами в это время принадлежало ближней канцелярии, заменившей боярскую думу. Она же явилась направляющим учреждением и для вновь образованных органов военного управления.

31 июля 1711 года был издан указ об образовании в Москве комиссариата, на который возложено снабжение войск денежным и вещевым довольствием и ручным оружием, а также комплектование и ремонтирование армии. В этом же году (10 декабря 1711 года) сфера деятельности комиссариата была еще более расширена подчинением ему органов провиантского и фуражного довольствия. Значение приказа военных дел, переименованного в 1706 году в военную канцелярию, вследствие передачи большинства его дел в ведение комиссариата, в

сильной степени уменьшилось. Во главе комиссариата был поставлен генерал-пленипотенциар-кригс-комиссар князь Яков Федорович Долгоруков, имевший в своем ведении уже и раньше приказ военных дел и подчиненный только Государю.

Почти одновременно с изложенной реформой в С.-Петербурге была образована артиллерийская канцелярия (1714 г.), к которой перешла большая часть функций приказа артиллерии, находившегося в Москве и переименованного сначала в Московскую артиллерийскую канцелярию, а затем в артиллерийскую контору, подчиненную артиллерийской канцелярии (в С.-Петербурге). Таким образом, все центральное военное управление России в 1711 году уже преобразовалось в три обособленные учреждения: военную канцелярию, комиссариат и артиллерийскую канцелярию.

Эти три учреждения ведали всеми военными вопросами, благодаря чему было до некоторой степени достигнуто сосредоточение военных дел в небольшом числе органов, но не было достигнуто единства управления этими делами, потому что над комиссариатом, а также военной и артиллерийской канцеляриями не было учреждения, которое объединяло бы их деятельность.

Система органических должностей, введенная Петром Великим, определила их компетенцию родом дел и степенью власти. По отношению к военному ведомству она выразилась: 1) определением прав и обязанностей органов строевого и местного управления; 2) подчинением всех этих учреждений военной коллегии, действовавшей на основании генерального регламента; и 3) созданием сената как высшего законодательного, административного и судебного установления в государстве.

Коллегиальное начало, это мощное средство для борьбы с произволом, было введено Петром Великим не только в центральном, но и в строевом, местном и полевом управлениях.

Параллельно с введением коллегиального начала был учрежден надзор за деятельностью коллегий в виде прокуратуры и фискалов, причем последние, равным образом, проникли во все отрасли военного управления.

Уже в изданном в 1716 году «Уставе воинском» мы находим указания на предстоящее образование военной коллегии. В следующем 1717 году (11 декабря) Петр издал указ о подготовке коллегии к сформированию и через четыре дня после этого, 15 декабря 1717 года, назначил генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова первым президентом военной коллегии, а генерала Адама Адамовича Вейде — вторым ее президентом; пост

вице-президента остался незамещенным. Самое формирование коллегии было приказано произвести в течение 1718 и 1719 годов, продолжая управлять «старым манером», а с 1 января 1720 года коллегия уже начинает действовать.

При учреждении военной коллегии Царь повелел князю Меншикову составить для нее регламент в развитие генерального регламента, данного для руководства всем коллегиям, но эта воля Петра так и не была приведена в исполнение за массой поручений, возложенных на фельдмаршала.

Военная коллегия была составлена из лиц, принадлежавших к генералитету армии; ей предписано «ведать армию и гарнизоны и все воинские дела, которые были веданы в военном приказе и которые прилучатся во всем государстве».

Президенту военной коллегии приказано присутствовать в сенате...

Реформа Петра Великого имела огромное значение в истории развития русского центрального военного управления. Во-первых, она упорядочила распределение дел между различными органами управления, во-вторых, установила контроль над ними, хотя и далеко не полный, и, в-третьих, введением коллегиального порядка управления и учреждением должности прокурора при коллегии устранила в значительной степени царивший до того времени произвол. Но та же коллегиальная форма, уменьшив значение личности, затруднила творчество и задержала дальнейшее развитие начинаний Петра. Впрочем, не одна коллегиальная форма виновата в этом; люди, составлявшие коллегия, имели крайне скудную образовательную подготовку для успешного исполнения возложенных на них обязанностей.

Увольнение с поста президента военной коллегии князя Меншикова, человека талантливого, энергичного, деятельного и пользовавшегося большим доверием Петра, не замедлило обнаружить свои последствия. Коллегия стала работать неудовлетворительно. Деятельность ее еще более затруднялась переездами Высочайшего двора в Москву, куда за ним следовала и военная коллегия. Результатом всего изложенного было чрезмерное замедление в разрешении вопросов по военному ведомству.

С назначением в 1732 году на пост президента военной коллегии генерал-фельдмаршала графа Миниха деятельность военного управления значительно оживилась.

Пользуясь личным доверием Императрицы Анны, граф Миних разработал новый проект реорганизации всего центрального управления.

26 января 1736 года было объявлено новое устройство военной коллегии,

которой положено быть в составе президента, вице-президента и двух советников; коллегии подчинены все лица и учреждения, принадлежавшие к военному ведомству; на нее возложена разработка новых законов и представление их на утверждение в сенат.

При военной коллегии положено быть: 1) главной канцелярии коллегии и 2) особому повытью.

Затем, под надзор военной коллегии поставлены конторы, вскоре переименованные в экспедиции: 1) генерал кригс-комиссариатская (сбор всех податей, предназначавшихся в распоряжение военной коллегии, и отпуск денег в прочие конторы); 2) обер-цалмейстерская (денежное довольствие); 3) амуничная, или мундирная (вещевое довольствие); 4) провиантская с экспедицией по покупке лошадей (провиантское и фуражное довольствие и ремонтирование); 5) артиллерийская канцелярия (дела артиллерии); 6) контора фортификации (инженерные дела), и 7) счетная (ревизия счетов по военному ведомству).

Изложенное преобразование центрального военного управления имело следующие весьма существенные преимущества: 1) им достигнуто полное единство военного управления, ибо комиссариатское, провиантское и артиллерийское ведомства были поставлены в прямое подчинение военной коллегии; 2) оно усилило контроль над всеми приходами и расходами военного ведомства посредством учреждения счетной конторы и 3) оно облегчило контроль посредством выделения денежного и вещевого довольствия и инженерного дела в особые учреждения, независимые от генерал-кригс-комиссара и генерал-фельдцейхмейстера.

Со вступлением на престол Императрицы Елизаветы граф Миних пал, и президентом военной коллегии был вторично назначен князь Василий Владимирович Долгорукий, остававшийся в этом звании до февраля 1746 года. Вслед за падением Миниха последовало уничтожение и его реформ...

Кратковременное царствование Императора Петра III в отношении военного управления можно отметить лишь указом об учреждении под председательством Его Императорского Величества военной комиссии для производства необходимых преобразований по военному ведомству. Последовавшая вскоре кончина Императора положила предел занятиям этой комиссии, не успевшей в чем-либо проявить свою деятельность.

Деятельность военного управления в царствование Императрицы Елизаветы, как уже сказано, нашла себе строгую оценку в семилетней войне. Опыт этой войны указал на многие недостатки всей системы управления,

имевшие своим результатом большие злоупотребления, главным образом, по комиссариатскому и провиантскому ведомствам, и сделал преобразования настоятельно необходимыми.

Работа эта выпала на долю Императрицы Екатерины II, и в этом отношении ее деятельность можно разделить на два периода: первый, к которому относятся годы пребывания на посту президента военной коллегии генерал-фельдмаршалов: князя Никиты Юрьевича Трубецкого (1760–1763 гг.) и графа Захара Григорьевича Чернышева (1763–1774гг.); и второй, когда президентом военной коллегии был генерал-фельдмаршал светлейший князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1774–1791 гг.).

Уже в марте 1760 года был издан указ, которым военная коллегия обязывалась еженедельно подавать Ее Императорскому Величеству рапорты об исполнении по Именным и сенатским указам. Повеление это ставило военную коллегию в непосредственные сношения с верховной властью и делало из ее президента личного докладчика Императрицы. Следовательно, этим указом усиливалось единоличное начало в системе военного управления. Кроме того, как весьма важное мероприятие, проведенное в жизнь в первую половину царствования Императрицы Екатерины II, следует указать на образование в 1763 году генерального штаба.

Военная комиссия и президенты коллегии первой половины царствования Екатерины не рискнули произвести коренные преобразования в системе центрального военного управления, данной хотя и Петром Великим, но успевшей уже обнаружить свои недостатки. Не так отнесся к этому светлейший князь Потемкин. Он видел, что главнейшим недостатком системы военного управления была слабость контроля как над хозяйственными операциями, так равно и над службой войск и учреждений.

Пользуясь неограниченным доверием Императрицы, Потемкин решил устранить этот недостаток путем переустройства центрального военного управления.

В 1781 году для упорядочения денежной отчетности по хозяйственным операциям была вновь учреждена при военной коллегии счетная экспедиция, когда-то созданная Минихом, но упраздненная Императрицей Елизаветой.

Значение мероприятия заключалось в том, что денежный контроль по военному ведомству оказался в руках военной коллегии, иначе говоря, усилилась ее власть.

Затем, в 1785 году при военной коллегии была учреждена инспекторская

экспедиция (экспедиция для инспекторского звания), деятельность которой упорядочила и облегчила работу войсковых инспекторов. Наконец, в 1791 г. было объявлено новое образование военной коллегии, переустроенной по образцу адмиралтейств-коллегии.

По новому образованию в состав военной коллегии (вернее, в состав управления при военной коллегии) вошли: 1) канцелярия коллегии; 2) комиссариатский департамент (комиссариат); 3) провиантский департамент (провиантская канцелярия); 4) артиллерийский департамент (канцелярия главной артиллерии и фортификации); 5) инспекторская экспедиция и 6) счетная экспедиция.

За генерал-кригс-комиссаром, генерал-провиантмейстером и генерал-фельдцейхмейстером была оставлена полная свобода в управлении вверенными им департаментами, но с обязательством присутствовать в военной коллегии. Одним словом, это преобразование явилось лишь первым шагом к объединению власти в руках военной коллегии, но дальнейшего своего развития в царствование Екатерины получить не успело, потому что в следующем же году (1791) скончался светлейший князь Потемкин, а преемник его, князь Николай Иванович Салтыков, не обладал достаточной энергией, чтобы развивать дело, начатое князем Тавриды...

Рассматривая деятельность Императора Павла I в отношении преобразований органов центрального военного управления, нельзя не заметить, что при всем своем нерасположении к князю Потемкину он сумел отделить личность его от его дел и по достоинству оценил последние. Император Павел понял, что целью Потемкинских преобразований по военному ведомству было усиление власти центрального учреждения — военной коллегии и оживление ее деятельности путем своего личного влияния.

В этих видах князь Потемкин слил с военной коллегией комиссариат, провиантскую канцелярию и канцелярию артиллерии и фортификации, но не успел преобразовать эти последние учреждения по образцу счетной и инспекторской экспедиций, которые были созданы им же самим. Эту работу довершил Император Павел изданием штата военной коллегии 1798 года. Мало того, опыт истории деятельности центрального военного управления в России в 18 веке ясно показывал, что лишь при наличии талантливого и энергичного президента коллегии она работала правильно, и этим самым обнаруживал несоответствие коллегиальной системы для управления таким обширным государством, как Россия. Эпохи Меншикова, Миниха и Потемкина были

периодами весьма производительной деятельности коллегии. Но и Меншиков, и Миних, и Потемкин, помимо личного авторитета, помимо власти президента коллегии, располагали еще почти неограниченным доверием своих Монархов, которое в значительной степени облегчало их деятельность. Император Павел сознавал необходимость для военной коллегии энергичного руководителя, но недоверчивость к людям, бывшая выдающейся чертой характера этого Государя, помешала ему облечь кого-либо из своих приближенных чрезвычайной властью в отношении военного ведомства. Поэтому Император Павел решил взять лично на себя руководство деятельностью военной коллегии, стал направлять ее работу, передавая свои повеления через управляющего делами генерал-адъютанта.

Таким образом, военная коллегия в лице Императора получила непосредственного руководителя своей деятельностью. Для перехода к министерскому порядку управления этими мерами почва была уже подготовлена; оставалось назначить лицо, которое бы разделило труды Императора в этом отношении.

Коллегиальная система управления просуществовала в России 82 года и получила самое широкое развитие. В военном ведомстве мы видим коллегия и во главе центрального управления, и в его органах (экспедиции), и в управлении армией (военный совет), и в управлении отдельной частью войск (коллегиальный порядок ведения хозяйства).

Обращая внимание на господство коллегиальной формы во всех учреждениях 18 века, невольно задаешь себе вопрос: почему коллегия получила столь широкое применение?

Ответ на это уже дан ранее. Великий Преобразователь России не доверял ни знаниям, ни добросовестности лиц, его окружавших, потому что, с одной стороны, нельзя было требовать подготовки к государственной деятельности от людей, получивших воспитание в теремах, а образование почти исключительно по книгам духовного содержания; с другой же стороны — примеры произвола и самовластия, царившие в приказах, были перед глазами у Петра. Коллегия давала возможность ограничить произвол, установить взаимный контроль и вместе с тем пополнить недостаток знания одного лица решением сообща.

Но Петр Великий понимал, что коллегия может быть лишь гарантией против преступления или крупной ошибки, но не в состоянии быть залогом прогресса, если лица, составляющие коллегия, не будут находиться на должной высоте в умственном и нравственном отношениях. Поэтому Петр с первых же лет своего царствования прилагал все усилия к распространению просвещения в

России вообще, и в частности — в армии.

Заботы о распространении в армии просвещения, начатые Петром Великим, настойчиво продолжались его преемниками; и к концу 18 века военно-учебные заведения дали уже не только массу знающих и честных офицеров, но и многих выдающихся деятелей. Препятствия, встреченные Петром в ненадежности окружавших его лиц в умственном отношении, были устранены. Явились люди, готовые к самостоятельной, ответственной деятельности. Их способности, знания и нравственная этика постепенно отвоевывали все большее и большее место единоличному началу во всех отраслях государственной жизни и наконец заставили коллегиальное начало уступить ему свое место.

Развитие военного управления в 19 веке

На всероссийский престол 12 марта 1801 года вступил Император Александр I. Одушевленный горячим желанием принести все свои силы на служение родине и видя неудовлетворительное состояние государственного устройства, он со всей пылкостью молодой души приступил к организаторской деятельности, которая была поворотным пунктом в истории государственного, а вместе с тем и военного управления России.

Стремясь водворить в стране начала справедливости и законности, Император Александр I решил дать России министерскую форму управления, которая устанавливала более тесную связь между ним и высшими исполнительными органами, прямо ему подчиненными и перед ним ответственными.

Перемена формы управления в таком огромном государстве, как Российская Империя, уже сама по себе должна была представить весьма сложную работу. Но работа эта еще более затруднялась недостатком сведущих помощников.

Необходимо принять во внимание, что общество начала царствования Александра I было недовольно порядками, введенными при Императоре Павле, и с грустью вспоминало о блестящих страницах екатерининского времени, когда процветала коллегиальная форма управления.

Рядом с этими сторонниками старины существовал другой кружок молодых людей, получивших европейское образование и мечтавших о коренных реформах в управлении Империей. К нему принадлежали близкие Императору люди: Кочубей, Новосильцев, Чарторыйжский и гр. Строганов. Им-то и суждено

было сделаться ближайшими сотрудниками Императора Александра в его преобразовательной деятельности.

В 1801 г. под непосредственным руководством Государя образовался «неофициальный комитет», который приступил к спешной работе. Если европейское образование и либеральные взгляды членов «комитета», вполне согласовавшиеся со взглядами Императора, являлись залогом благого направления реформы, то, с другой стороны, отсутствие близкого знакомства с русской администрацией, с ее историческим прошлым, с ее недостатками и достоинствами и, наконец, самая поспешность, с которой производилась работа, должны были послужить причинами несовершенства преобразования административного строя России.

Лучшим из всех представленных Императору Александру проектов, рассмотренных в комитете, оказался проект, составленный Новосильцевым.

Главные его начала легли в основание выработанного комитетом «учреждения министерств», которое было обнародовано манифестом 8 сентября 1802 года.

В этом манифесте объявлялось, что, «следуя великому духу Преобразователя России, Петра I, оставившего нам следы мудрых своих намерений, по коим старались шествовать достойные его преемники, Мы заблагорассудили разделить государственные разные части сообразно естественной их связи между собой и для благоуспешнейшего течения поручить оныя ведению избранных Нами министров».

С этой целью управление государственными делами разделялось на 8 министерств: 1) военных сухопутных сил; 2) морских сил; 3) иностранных дел; 4) юстиции; 5) внутренних дел; 6) финансов; 7) коммерции; и 8) народного просвещения.

Каждое министерство ставилось под непосредственное управление министра, «коего Мы назначаем ныне или впредь назначать заблагорассудим».

Коллегии передавались в полное подчинение министрам, являясь при них органами совещательного характера; исполнительная же власть принадлежала исключительно министру.

12 сентября 1802 года последовал указ о назначении избранных Государем лиц министрами, причем вице-президент военной коллегии, генерал от инфантерии Сергей Кузьмич Вязьмитинов, был назначен министром военных сухопутных сил.

Изложенная реформа не произвела никаких существенных изменений в

устройстве центрального военного управления. Перемена заключалась в том, что вице-президент военной коллегии был назначен министром военных сухопутных сил. Но отныне это лицо было уже не «первым между равными», каким был президент коллегии, а начальником этой коллегии, имеющим власть изменять по своему усмотрению ее постановления.

Однако не погибла коллегия совершенно и сохранилась в различных отраслях военного управления на разное время. В центральном управлении со времени введения министерской реформы, т.е. с 1802 года, она еще в продолжение десяти лет сохраняет за собой значение органа совещательного в отношении исполнительной и хозяйственной власти и процветает как орган судебной власти (генерал-аудиториат).

Наступает 1812 год. С изданием нового образования военного министерства военная коллегия, как административный орган, гибнет окончательно, и коллегияльное начало сохраняется лишь в совещательном органе с весьма скромной ролью — в совете военного министра.

Согласно этого «учреждения», во главе военного министерства стоял военный министр, пределы власти которого, а также отношения к государственному совету, сенату и комитету министров определялись «общим учреждением министерств». Военное министерство составлялось из семи департаментов, канцелярий министра и особых установлений.

Департаменты были следующие: 1) артиллерийский; 2) инженерный; 3) инспекторский; 4) аудиториатский, заменивший учреждение коллегияльное — генерал-аудиториат; 5) комиссариатский; 6) провиантский и 7) медицинский.

В помощь директорам департаментов были назначаемы постоянные или временные вице-директоры; кроме того, при директорах артиллерийского и инженерного департаментов, по званию инспекторов артиллерии и инженерного корпуса, были учреждены еще особые канцелярии.

В качестве исполнительного органа при министре была учреждена общая канцелярия министра, образованная из департамента военного министра.

Согласно «общему учреждению министерств» в военном министерстве был образован совет министра, в качестве совещательного органа. Председательствовать в совете предоставлено военному министру; все директора департаментов и общей канцелярии являлись членами совета; кроме них в совет назначались члены из генералитета: постоянные и ежегодно определявшиеся. Членов от генералитета положено назначать по Высочайшему повелению.

Равным образом и в департаментах были образованы общие присутствия,

имевшие значение учреждений исключительно совещательных. В их состав вошли начальники отделений департамента и посторонние лица, приглашавшиеся в случае надобности по личному усмотрению директоров.

При рассмотрении «учреждения министерства 1812 года» необходимо иметь в виду, что оно было составлено в развитие «общего учреждения министерств 1811 г.»; последнее же явилось лишь частью задуманного М.М. Сперанским, но не осуществленного плана обширного преобразования всего государственного строя России. Будучи применено к делу в отдельности, оно, естественно, не могло оказаться совершенным и прежде всего грешило излишней централизацией дел в одном органе — министерстве. Этот недостаток «общего учреждения министерств» целиком повторился и в «учреждении военного министерства 1812 года».

Кроме того, значительность ломки, произведенной над до сего времени существовавшими учреждениями, и торопливость работы комиссии Магницкого явились причинами наличия в «учреждении военного министерства 1812 г.» и других важных недостатков.

Так, например, преобразование генерал-аудиториата в аудиториатский департамент, подчиненный военному министру, заставило его утратить характер независимого высшего военно-судебного учреждения.

Но, говоря о недостатках «учреждения военного министерства 1812 года», необходимо отметить и те вопросы, по которым были сделаны значительные шаги вперед.

Здесь прежде всего надо указать на учреждение совета министра как органа чисто совещательного, который, при условии существования департамента военных дел государственного совета, мог в значительной степени способствовать всестороннему освещению вопросов, сопряженных с интересами казны, и в то же время нимало не ограничивать власти министра. Плодотворность работы совета имела, сверх того, гарантию в том, что часть его членов ежегодно сменялась и, следовательно, был обеспечен постоянный прилив свежего элемента.

Но еще за два года до издания нового образования военного министерства, т.е. в 1810 году, появляется новый коллегиальный орган — государственный совет с его департаментом военных дел как высшим учреждением по вопросам законодательного характера. Сенат, весьма ограниченный уже в своей компетенции, сохраняет, тем не менее, по отношению к военному ведомству значение высшей инстанции по вопросам хозяйственным. Исполнительная же и судебная власти (с упразднением генерал-аудиториата) остаются всецело за

военным министерством.

В таком положении распределение властей остается до 1832 года, когда особый характер военных дел, свойственный только им одним, побуждает Императора Николая I верховные права государственного совета и сената по военным вопросам законодательного и хозяйственного характера передать в военное министерство, учредив для этой цели в составе последнего новый, тоже коллегиальный орган — военный совет и упразднив за ненадобностью совет министра.

Вновь образованный военный совет явился высшим установлением для дел военного законодательства и военного хозяйства. Ему были даны значение и власть учреждения, решающего дела самостоятельно, а не как совещательный орган при министре. По делам законодательным, не имевшим связи с гражданским управлением, решения военного совета положено было представлять на Высочайшее утверждение непосредственно, помимо государственного совета. По делам хозяйственным ему были предоставлены обширные права по утверждению способов заготовлений и условий поставок, а также по заведыванию казенным имуществом. Отношения военного совета к комитету министров ограничивались делами, имевшими соприкосновение с некоторыми частями гражданского управления; сношения же с сенатом производились лишь по делам тяжбы и по предметам законодательства, требовавшим общего распоряжения со стороны сената. Сверх того, в «учреждении» говорилось, что военный совет в действиях своих непосредственно подчиняется Верховной власти, и никакое учреждение или лицо не в праве требовать от совета объяснений или давать ему указания.

Столь обширные полномочия, данные военному совету, в самой сильной степени способствовали установлению единства военного управления, ускорили разрешение самых сложных вопросов и ставили военное министерство в исключительное положение по сравнению с другими министерствами, которые должны были представлять более крупные хозяйственные дела на утверждение правительствующего сената, а все законодательное вносить в государственный совет.

С изданием наказа военному совету число дел, поступавших на рассмотрение департамента военных дел государственного совета, все сокращалось, и наконец в 1854 году департамент этот прекратил свою деятельность.

Одновременно с образованием военного совета был восстановлен, но в

более совершенной, чем прежде, форме и генерал-аудиториат как высшее учреждение по делам военно-судным.

Таким образом, коллегиальное начало в 1832 году снова вошло в состав военного министерства в виде двух высших установлений с обширными законосовещательными, хозяйственными и судебными правами, но без всякой исполнительной власти, оставленной всецело в руках военного министра.

В сфере местного военного управления борьба единоличного начала против коллегиального началась со второй половины 18 века, т.е. с того времени, когда стало ослабляться влияние местных гражданских учреждений на дела военные, и к началу 19 столетия коллегиальное начало почти совершенно исчезло из местных военных учреждений. Но отсутствие его продолжалось недолго. С изданием в 1816 и 1817 гг. нового положения о комиссариатском и провиантском довольствии, коллегиальное начало появляется снова в области местного военного управления в виде комиссариатских и провиантских комиссий, функции которых в 1864 году перешли ко вновь учрежденным военно-окружным советам, существующим и в настоящее время.

Учреждение военно-окружных советов имело целью: а) рассредоточить власть, предоставленную центральному военному управлению по решению хозяйственных дел; б) предоставить главному начальнику округа средства к всестороннему обсуждению и правильному решению хозяйственных вопросов и в) установить надлежащую связь в рассмотрении и решении хозяйственных дел по всем отраслям военного управления.

В видах рассредоточения власти центрального управления военно-окружным советам по делам хозяйственным были предоставлены права общих присутствий прежних хозяйственных департаментов военного министерства. Размеры предоставленных прав были соображены так, чтобы общее направление и главный контроль по всем хозяйственным операциям остался за министерством и его хозяйственным органом — военным советом. Затем, для достижения связи и единства в распоряжениях по делам различных отраслей администрации, членами военно-окружного совета были назначены все начальники отделов военно-окружного управления. Наконец, для большего обеспечения законности в рассмотрении и решении дел в состав военно-окружного совета был включен член от военного министерства, по особому избранию военного министра; на обязанность этого лица было возложено предварительное рассмотрение всех дел, вносившихся в совет, и соображение их с законами.

В строевом управлении коллегиальное начало появилось впервые при

Петре Великом.

Таким образом, единоличное начало, одержавшее верх над коллегиальным в устройстве центрального управления, к 19 столетию вытеснило его и из хозяйственного управления строевых частей войск. За офицерами остался лишь выбор казначея и квартирмейстера и материальная ответственность за добросовестное исполнение ими своих обязанностей.

Такой порядок наше строевое управление удержало до 1860-х годов, когда с введением в полках гвардии хозяйственных комитетов коллегиальное начало сделало новую попытку к более серьезному влиянию на хозяйственные дела полка, но в 1871 году способ ведения хозяйства посредством хозяйственных комитетов был отменен, а с ним окончательно исчезло из строевого управления и коллегиальное начало.

В полевом управлении войск, по уставу 1716 года, коллегиальное начало занимало видное место, благодаря требованию часто созывать «военный совет», предьявлявшемуся законом главнокомандующему. Еще большее развитие в этой отрасли военного управления получило коллегиальное начало при Елизавете и при Екатерине II, когда все военные операции оказались в руках «конференции» или «совета», образованных при Высочайшем Дворе.

До 1756 года у нас существовало правило: Монарх, «в небытии своем (при войске), команду дает над всем войском своему генерал-фельдмаршалу, либо самовластно по случаю поступать, как он за благо изобрядет, и Государю своему в том ответ дать может, или с советом воинским (что всегда надлежит чинить) или по данной ему инструкции чинил и кроме оной он ничего важного с помянутым войском предпринять не мог».

Указанное основное положение канцлер Бестужев-Рюмин радикально изменил в феврале 1756 года. Он нашел, что «с потребной скоростью и силой управлять и двигать такую машину, каков есть корпус в 55 000 человек, удовлетворительное оно содержание, предприемлемые им (войском) операции и множество сопряженных с тем околичностей» с полным удобством могут быть разрешены только комиссией под личным руководством Императрицы. Эта же комиссия должна была рассматривать и вопросы внешней политики, сообразно положению которых направлять стратегические действия армии. Без образования подобной комиссии Бестужев «наперед себе воображал, сколь печально будет состояние командующего генерала»: он «будет вдруг получать указы из сената, военной, иностранной и адмиралтейств-коллегии, а сии места, вместо согласного вспоможения, будут только письменно переспаривать его и, протягивая время,

вину один на другого сваливать».

На этом основании в январе 1756 г. была образована конференция при Высочайшем Дворе, которая приняла на себя ведение стратегических операций русской армией в Семилетнюю войну. Главнокомандующий был поставлен в положение лишь доверенного агента конференции, обязанного исполнять ее стратегические фантазии. Первыми членами конференции были назначены: канцлер Бестужев-Рюмин, князь Трубецкой, Бутурлин, Воронцов и графы П. и А. Шуваловы. В начале 1756 года Императрица Елизавета лично председательствовала в конференции, но впоследствии предоставила ей полную самостоятельность.

Здесь необходимо отметить тот факт, что Бестужев, указывая как на главное основание этого учреждения конференции на стремление избавить главнокомандующего от исполнения указов различных коллегий, сам же в сентябре 1756 года объявляет главнокомандующему в инструкции, что все коллегии, кроме иностранных дел, обязаны исполнять его требования.

В последующие царствования Петра III, Екатерины II и Павла устройство полевого управления войск не подвергалось уже никаким существенным изменениям. Необходимо лишь заметить, что в 1769 году, по случаю первой Турецкой войны, при Высочайшем Дворе снова был образован совет для обсуждения мероприятий по обороне государства и по ведению военных действий. Председателем совета была сама Императрица Екатерина II. Предметами занятий совета положено: 1) выработка плана войны; 2) разработка планов военных операций; 3) сверхштатное довольствие войск; 4) экстренные военные расходы; 5) производство сношений по этим предметам с соответствующими департаментами; 6) составление различных проектов, относящихся к изложенным вопросам, и 7) заключение мирных договоров.

Учреждение «конференции» и «совета», бывших копиями с прославленного австрийского гофкригсрата, нельзя не признать мероприятиями крайне вредными. Находясь за тысячи верст от театра военных действий и, вследствие этого, не будучи совершенно ориентированными относительно обстановки, конференция и совет брали на себя руководство военными операциями, сковывая лишь свободную волю и стесняя «полную мочь полководца», за которую так горячо ратовал великий современник этой эпохи — Суворов.

Учреждение для управления большой действующей армией, давшее «полную мочь» главнокомандующему, нанесло окончательный удар

коллегиальному началу. Потеряв всякое влияние на военные операции, начало это удержалось лишь при решении хозяйственных вопросов в виде комиссариатских и провиантских комиссий. Зато здесь оно продержалось очень долго, т.е. до 1868 года, когда с изданием нового «положения о полевом управлении войск», комиссариатские и провиантские комиссии были упразднены.

Таким образом, борьба единоличного начала с коллегиальным завершилась полным торжеством первого. Второе, занимавшее при Петре выдающееся положение во всех отраслях военного управления, в настоящее время сохранилось лишь в центральных и местных учреждениях, но без исполнительной власти, а из органов строевого и местного военного управления исчезло совершенно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Петр Великий застал русскую военную систему с полным отсутствием единства власти. Стремясь водворить его, Он не успел докончить начатых преобразований и оставил своим преемникам военное управление под главенством трех важнейших учреждений: военной коллегии, комиссариата и канцелярии артиллерии и фортификации.

Императрица Анна, продолжая работу Петра, трудами Миниха достигла полного объединения военного управления в руках военной коллегии. Императрица Елизавета снова нарушила это единство власти, восстановив прежнее значение комиссариата и артиллерийской канцелярии. В таком положении русское военное управление находилось до второй половины царствования Императрицы Екатерины II, когда Потемкин начал работу по постепенному его объединению под главенством военной коллегии. Работа эта была закончена императором Павлом, ставшим Лично во главе военного управления и приводившим все свои распоряжения в исполнение через «управлявшего делами генерал-адъютанта».

С образованием министерств Император Александр I вверил военное управление министру военных сухопутных сил, не устранив от обязанностей «управляющего делами генерал-адъютанта», вследствие чего в военном ведомстве получилось «двоевластие», продолжавшееся до 1808 года, когда графу Аракчееву удалось объединить в своих руках все военное управление.

Первой своей задачей по вступлении в должность он постановил усиление значения звания министра военных сухопутных сил и с этой целью обратил внимание на военно-походную канцелярию Его Величества и на генерал-

аудиториат, сохранившие еще свою независимость от военного министра. Необходимо заметить, что военно-походная канцелярия в том положении, в котором ее застал граф Аракчеев, представляла аномалию, потому что являлась органом, передававшим военной коллегии Высочайшие повеления помимо министра. Граф Аракчеев решил подчинить ее своей власти и немедленно начал борьбу против стоявшего во главе ее генерал-адъютанта графа Ливена.

Уже на третий день своего управления министерством он испросил Высочайшее повеление прекратить дальнейшее доставление еженедельных меморий из военной коллегии в военно-походную канцелярию. Затем, на следующий день (17 января 1808 г.) было повелено: 1) чтобы впредь об исполнении по Высочайшим приказам военная коллегия доносила не графу Ливену, а министру военных сухопутных сил; 2) чтобы Высочайшие повеления объявлялись военной коллегии только этим последним; 3) чтобы командующие войсками по всем делам, касающимся военного ведомства, сносились исключительно с военным министром; 4) чтобы всякие служебные сношения войск с генерал-адъютантами были впредь прекращены и 5) чтобы при военном министре постоянно состояли два флигель-адъютанта Его Императорского Величества и два фельдъегеря.

Этими мероприятиями граф Аракчеев сразу подорвал прежнее значение военно-походной канцелярии и управлявшего ей генерал-адъютанта. При учреждении военно-походной канцелярии она была поставлена Императором Павлом в исключительно высокое положение органа, посредствующего между Государем Императором и военной коллегией. Теперь она обращалась в подобие личной канцелярии министра военных сухопутных сил. Граф Ливен не мог примириться с новым положением вещей и подал прошение об увольнении от должности, ссылаясь на расстроенное здоровье. Император Александр принял прошение графа Ливена.

Одновременно с увольнением графа Ливена военно-походная Его Величества канцелярия была передана в полное распоряжение военного министра. Естественным последствием падения значения генерал-адъютанта, управлявшего военно-походной канцелярией, было повеление генерал-аудиториату все доклады и выписки по судным делам представлять Его Величеству с полным своим мнением через военного министра, к которому теперь перешли все обязанности начальника военно-походной канцелярии.

В 1815 году, с учреждением главного штаба Его Императорского Величества, единство власти снова было нарушено, потому что помимо

начальника главного штаба право личного доклада Императору получили еще генерал-фельдцейхмейстер и генерал-инспектор инженеров.

В еще более ненормальном положении оказалось военное управление в 1817 году с учреждением военных поселений, главный начальник которых был совершенно независим от начальника главного штаба Его Величества. Если же принять во внимание, что военно-учебная часть, достигшая к этому времени уже значительного развития, тоже находилась в самостоятельном положении, то станет совершенно ясно то неустройство, в котором застал военное управление Император Николай I.

В 1832 году он восстановил единство власти, подчинив все отрасли военного управления военному министру и сделав его одного Своим докладчиком по всем военным делам.

Однако в 1848 году, вследствие неправильного взгляда, господствовавшего в нашей военной среде на военно-учебные заведения, управление ими получило некоторую самостоятельность, снова нарушившую до известной степени единство военного управления. Но великие преобразования Императора Александра II восстановили это единство в полной чистоте, и с тех пор оно уже более не нарушалось.

Несомненно, что каждое из мероприятий по переустройству нашего военного управления имело в виду его усовершенствование, но пути, по которым стремились к этому усовершенствованию, были различны. В этом отношении в развитии русского военного управления отмечаются два периода: до 1855 года и после него.

В первый период правительство, желая улучшить работу военного управления, стремилось усилить централизацию власти и усовершенствовать органы центрального управления. Наивысшего своего развития у нас централизация достигла в царствование Императора Николая I. Когда же с огромным развитием наших вооруженных сил и с расширением пределов Империи система эта оказалась несостоятельной, то началось обратное течение.

Император Александр II, обратив внимание на крайнюю централизацию прежней системы нашего управления, удостоил предварительного одобрения следующую программу:

1) на военное министерство, как на управление центральное, возложить только общее направление и главный контроль деятельности всех исполнительных административных органов;

2) разделить всю Империю на несколько военных округов и в каждом из

них учредить военно-окружное управление, заключающее в себе особые органы по каждой отрасли военной администрации, на которые и возложить всю исполнительную часть;

3) на главных начальников этих округов возложить как заведывание военно-окружными управлениями, так и командование войсками, расположенными в округе.

Необходимость децентрализации управления обнаружилась у нас до некоторой степени еще ранее тем, что окраины Империи, как то: Кавказ, Оренбургский край, Западная и Восточная Сибирь, — образовали особые районы, вроде округов, с самостоятельными управлениями, до известной степени освобожденными от мелочной опеки министерства. Но в этих округах некоторые отрасли управления, как, например, комиссариатская часть, находились вне влияния местных властей и до малейших подробностей руководствовались предписаниями центральной власти. Обратное этому, другие отрасли управления, например провиантская часть, находились в положении слишком уж независимом от министерства, которое не имело даже никаких сведений об общем ходе дел по этой части в полевых управлениях.

Цель введения территориальной системы и должна была заключаться именно в том, чтобы равномерно, систематически распределить надзор местных властей по всей Империи и во всех отраслях управления, установив в то же время такие отношения между ними и министерством, чтобы последнее, не входя в подробности, могло давать только общее направление работе местных органов и следить за общим ходом их распоряжений.

Для достижения этой цели было необходимо иметь в каждом из военных округов управление, которое являлось бы таким же всесторонним органом по заведованию военной частью, каким служило военное министерство для всей Империи.

Выгоды от подобной децентрализации прав и обязанностей военного министерства должны были получиться следующие:

1) состав самого министерства сокращался, вследствие чего являлась возможность, не расширяя военного бюджета, увеличить оклады содержания служащих, что должно было иметь благотворное влияние на личный состав;

2) высшие чины военного министерства получали возможность обратить должное внимание и посвятить все свое время вопросам существенно важным;

и 3) над действиями разных военных учреждений устанавливался ближайший местный надзор главных начальников военных округов и их

помощников по разным отраслям управления, который с несомненной пользой должен был заменить существовавший до сего времени недействительный контроль военного министерства, ограничивавшийся большей частью одной канцелярской поверкой.

Таким образом, первым шагом в отношении децентрализации власти военного министерства было введение военно-окружной системы; второй шаг в этом направлении был сделан лишь в позднейшее время, а именно в 1901 году, с расширением прав главных начальников военных округов и военно-окружных советов.

Затем, интересным вопросом при исследовании развития русского военного управления представляется попеременное господство одной из двух организационных форм в применении их к центральным военным учреждениям, т.е. устройство этих учреждений по образцу прочих, невоенных центральных учреждений или же по образцу органов военного времени.

Так, с учреждением военной коллегии, устроенной на совершенно одинаковых основаниях с прочими коллегиями, центральные военные учреждения не имели ничего общего в своей организации с учреждениями военного времени. Совершенно то же положение существовало до 1815 года, несмотря на преобразования, осуществленные в 1802 и 1812 гг.

В 1815 году физиономия центральных военных учреждений резко меняется. «Учреждение для управления большой действующей армией», бывшее почти что личным трудом Императора Александра, дало на практике хорошие результаты. Вследствие этого Государь решил преобразовать центральное военное управление на началах, положенных в основание «учреждения». 12 декабря 1815 года был издан Высочайший указ, который гласил следующее: «трехлетний опыт благополучно оконченной последней войны, в продолжение коей Лично присутствовал Я при войсках, явил ощутительную пользу изданного в 1812 году учреждения о управлении большой действующей армии. Находя необходимым сохранить тот же порядок и в мирное время по управлению всем вообще военным департаментом, признал Я за полезное дать оному новое устройство, примененное в главных основаниях к упомянутому учреждению». Во главе управления стал главный штаб Его Императорского Величества, организованный на началах, положенных в основание учреждения для управления большой действующей армией.

Преобразование оказалось ошибочным. Ошибка главным образом заключалась в том, что обстановка, при которой приходится действовать военному

управлению во время войны, когда приносятся в жертву все материальные средства страны, совершенно не похожа на обстановку мирного времени, когда расходование каждой копейки на военные потребности должно быть строго согласовано с общими нуждами государства. Требования, явившиеся при разрешении хозяйственных вопросов, ясно доказали несоответствие организации главного штаба Его Императорского Величества и повели к возврату к прежней системе организации центральных учреждений, основанной на бюрократических началах. Но, упразднив организацию военного времени в центральных учреждениях, Император Николай I сохранил ее в полной силе в учреждениях местных, которые приняли характер армейской организации. Опыт показал, что армейская организация местного военного управления в том виде, как она была применена, не достигала своей главной цели, т.е. не увеличивала боевой готовности армии. Наоборот, связанная с ней централизация управления приносила только вред. Поэтому в 1862 году было решено ввести новую систему — военно-окружную, которая давала огромные выгоды для управления войсками в мирное время.

Однако стремление установить связь между учреждениями мирного и военного времени не было заброшено. Военное министерство усердно работало в этом направлении и в 1890 году добилось блестящего разрешения этого вопроса. С изданием последнего «положения о полевом управлении войск» явилась возможность обратить военно-окружные управления в кадры армейских управлений и тем поднять боевую готовность армии, не нарушая задач военного управления в мирное время.

Наконец, последним вопросом, привлекающим внимание исследователя развития военного управления в России, является способ выработки законоположений, применявшийся в то или другое время. Таким способом за два века существования нашей регулярной армии была комиссия, составляемая из сведущих лиц. Исключением в этом отношении были только царствования Петра Великого и Николая I, когда никаких комиссий не собиралось, а законоположения разрабатывались подлежащими учреждениями по Личным указаниям Монарха. Наибольшее же свое развитие комиссионный способ получил в царствование Императора Александра II, когда каждый из проектов комиссии еще рассылался на заключение большого числа лиц, известных своей опытностью и знанием военного дела. Порядок, принятый при Императоре Александре II, как способствующий наиболее всестороннему освещению данного вопроса, удерживается у нас и до настоящего времени.

Таким образом, русское военное управление пережило несколько различных течений, следовавших в высших правительственных сферах и резко выражавшихся в том или ином устройстве этого управления. Невольно является вопрос: где же лежит основная причина этих перемен? Ответ может быть лишь один: причина всех перемен лежала в несоответствии нравственного и умственного уровня лиц требованиям времени.

Слабая нравственная устойчивость допетровской России явилась причиной учреждения коллегии; слабое умственное развитие общества дало власть временщикам и повело затем к полной централизации, поставившей Россию в весьма тяжелые условия.

Лишь с воцарением Императора Александра II русское военное управление вступило на правильный путь, по которому продолжает твердо идти и до настоящего времени.

1903 г.

Н. ДАНИЛОВ

РУССКАЯ ВООРУЖЕННАЯ СИЛА БУДУЩЕГО

Предисловие

Вооруженная сила государства должна быть организована таким образом, чтобы, с одной стороны, она обеспечивала целость и независимость государства, а с другой, по возможности менее отвлекала от естественного назначения духовные и физические силы народа, способствуя его просвещению и развитию его благосостояния и богатства.

Такова общая мысль, положенная в основу настоящего труда. Мысль эта, зародившаяся у автора много лет тому назад под влиянием всеобщего недовольства вооруженным миром, в котором находились современные государства, постепенно развивалась и становилась все яснее. Текущие события международной жизни все более убеждали в том, что существующая система всеобщей воинской повинности, обуславливающая собой необходимость и неизбежное увеличение постоянных армий, является одной из причин замечаемого всюду упадка народного благосостояния, даже причиной несправедливых войн минувшего столетия, как война Франко-Прусская 1870-71 гг., как война Испано-Американская, англо-бурская, китайская. С другой стороны, те же международные столкновения наводили на мысль, что существующая воинская система постоянных армий, поглощая из доходов государств львиную долю, едва ли застраховывает какое-либо государство от возможного поражения и сопряженных с ним бедствий неудачной войны. Страховая премия, все возрастающая, грозила поглотить большую часть государственных доходов.

Все эти причины заставили автора искать новые пути к разрешению вопроса о вооруженной силе государства. Результатом этих изысканий явилась изложенная здесь новая система всеобщей воинской повинности, система обученного народного ополчения, которая, сохраняя принцип всеобщности существующей системы, отличается от нее следующими особенностями: 1) Период обучения военному делу, ныне приходящийся на возраст от 21–26 лет, переносится в возраст от 12–17 лет, причем военное воспитание и обучение являются одной из главных составных частей всеобщего обучения в первоначальных школах; таким образом, существование постоянной армии, служащей ныне школой военного дела, является излишним. 2) К военному воспитанию и образованию в первоначальных школах в качестве начальников их и учителей военного дела

привлекаются все офицеры будущей армии, и число этих офицеров должно быть доведено до полного числа их, потребного для мобилизации всех вооруженных сил государства. 3) Для того чтобы военное воспитание и образование, полученные в школах, не утратились со временем, предположены периодические учебные и поверочные сборы всех лиц в возрасте от 20 до 30 лет (а если необходимо, то и более поздних возрастов), что дает на случай войны контингент обученных военному делу людей более 6 миллионов.

Что касается центральных, окружных и войсковых управлений, штабов и заведений военного ведомства, то все они оставлены на существующих основаниях. Сама жизнь покажет, какие изменения во всем этом необходимо будет сделать.

Все особенности новой системы дадут сокращение расходов России ежегодно около 150 миллионов рублей.

1902 г.

Труд этот был закончен в 1902 году, когда о войне с Японией нельзя было и догадываться. В японскую войну мы разбиты на море. Наш флот уничтожен. Необходимо было создавать новый флот, на новых основаниях. Здесь необходима коренная реформа. Наши сухопутные войска не выиграла ни одной победы. Мы все время отступали под напором противника, а под Ляояном, на Шахе и под Мукденом мы формально были разбиты. Да, мы проиграли кампанию, это ясно как день.

Какие же причины наших неудач?

Помимо множества причин внешних, обусловливаемых обстановкой войны на Дальнем Востоке, главная причина неудач — наша некультурность, наша отсталость во всех отношениях. Мы бедны и не могли продолжать войну, потому что мы некультурны, невежественны. У нас не хватало снарядов, патронов, пушек, пулеметов и т.п. потому, что наше отечественное производство этих материалов недостаточно развито, и без заграничных заказов мы не могли обойтись. Почему это? Потому что мы некультурны.

Наша Сибирская ж. дорога построена в одну колею и не могла доставлять на театр войны столько войск и запасов, чтобы быть сильнее врага. Почему это? Потому что мы бедны, а бедны потому, что некультурны.

Наш солдат с превосходными физическими и нравственными задатками

умеет безропотно только умирать, а не бить врага. Почему это? Потому что он неразвит, он некультурен.

Почему наши начальники оказалась не на высоте положения? Опять-таки, потому что мы некультурны и, следовательно, не могли заранее определить, кто годен и кто никуда не годится. Кроме того, самый лучший начальник ничего не может сделать с негодными средствами. А средства оказались негодны потому, что мы некультурны, мы отстали во всех отношениях.

Что мы отстали во всех отношениях, это вошло во всеобщее сознание. Вся Россия сознает, что так жить, как мы жили до сих пор, нельзя. Что необходима реформа самая коренная во всех областях нашей жизни.

Коренная реформа необходима и в нашей военной системе. Это показала наша неудачная война с Японией.

Необходимо в корне изменить военную систему. Если мы будем сваливать вину наших военных неудач на отдельных лиц, на отдельные военные корпуса, то мы этим самым только будем закрывать глаза на самое главное, самое важное зло — на негодность всей военной системы. Система эта, как и многое другое в государстве, устарела. Она хороша была при других условиях. Теперь она не годится. Необходима новая система. К если мы этого не сознаем под свежим впечатлением наших ужасных неудач, если мы закроем глаза на это важнейшее обстоятельство, то мы рискуем в будущем остаться снова на хвосте всех цивилизованных стран... Наша мировая роль, как самостоятельного государства, будет окончена. Мы должны будем поступать и жить так, как это будет угодно Германии или другим государствам.

Следовательно, необходимо подумать о создании новой военной системы, которая не исключала бы возможность нашей культуры. То, что хорошо для образованных и потому богатых соседей, для нас не годится. Всеобщая воинская повинность, заимствованная нами у богатых и культурных соседей, для нас оказалась не по карману.

Эта повинность, отнимая из бюджета государства более четверти, держала нас в невежестве. На военное дело мы тратили ежегодно более 300 миллионов рублей, а на народное образование в десять раз меньше. Оттого мы и отстаем. Да и 300 миллионов, которые мы тратили на армию, оказались истраченными зря, потому что армия не выполнила надежд, на нее возлагавшихся.

Предлагаемый труд есть одна из попыток решить вопрос о новой военной системе для России. Насколько нам удалась эта попытка, пусть судят все.

Во всяком случае, предсказания автора о несостоятельности

существующей военной системы жестоко оправдались неудачами японской войны.

1905 г.

1. Необходимость вооруженной силы

Под словом война разумеется вооруженная борьба между государствами, или народами в одном государстве, происходящая или для восстановления нарушенных прав, или для подчинения одной воли другой.

В каждом государстве борьба между различными партиями, семьями, лицами разрешается судебным решением, основанным на законе, для всех жителей государства обязательном; но вооруженная борьба между государствами и народами, как результат дипломатических несогласий, до сих пор во многих случаях неизбежна. В самом деле, до сих пор еще не придумано такое верховное судилище, которому все государства согласились бы подчиняться и которое, для приведения во исполнение своих приговоров, обладало бы или нравственным авторитетом, или достаточной материальной (тоже, значит, вооруженной) силой. Такого судилища нет, по крайней мере, для первоклассных государств мира. Для больших споров между малыми государствами и для незначительных несогласий, преимущественно материального характера, между большими государствами возможны третейские суды.

Конечно, в интересах гуманности и народного благосостояния война нежелательна. В победителях она возбуждает преувеличенное мнение о своем совершенстве и могуществе, ведет к рискованным предприятиям во внешней политике и доводит часто государства до кризиса как внешнего, так и внутреннего. Пример — Франция до 1870 года; Россия, Италия и Испания настоящего времени. (Период до Японской войны.) В побежденных война возбуждает страшную ненависть к победителям и желание во что бы то ни стало отплатить и завоевать прежнее положение или подняться еще выше. Это последнее желание ведет к преувеличенным расходам на военное дело, в большинстве случаев в ущерб другим отраслям народной жизни.

Но, несмотря на все это, война неизбежна. В истории человечества мы не знаем ни одного народа, ни одного государства, которое имело бы какое-либо международное значение, не обладая хорошо вооруженной силой; не было ни одного государства, которое существовало бы только на силе международных

договоров. Договор имеет значение только до тех пор, пока нарушитель его может быть принужден к исполнению его вооруженной силой.

Все попытки прекратить войну между людьми остаются до сих пор тщетными. Идея вечного мира стара, как сам мир. Во внутренних сношениях, в государстве или народе, идея эта выразилась в государственной организации того или другого типа. В международных отношениях до появления христианства идея эта более или менее слабо проявилась в попытках основать всемирное государство. Вот что по этому поводу говорит известный Владимир Соловьев: «Человечество, хотя и разделенное на множество отчужденных и враждующих между собой племен и народов, никогда не теряло сознания своего внутреннего единства и стремления осуществить это единство реальным образом. Одним из способов осуществления этой задачи издревле представлялась всемирная монархия, т.е. объединение (первоначально — посредством завоевания) возможно большего числа (по идеалу — всех) народов под общей государственной монархической властью для установления мира и законного порядка в возможно широких пределах (по идеалу — на всей земле)». Из таких приблизительных всемирных монархий история знает четыре главных: Ассиро-Вавилонскую, Мидо-Персидскую, Македоно-Эллинскую и Римскую. Открытые в нынешнем веке надписи ассирийских и персидских царей несомненно доказывают, что эти завоеватели считали своим высшим призванием покорять все народы для установления вечного мира на земле...

Гораздо более плодотворным фактором является зарождение в конце Средних веков международного права. Конгрессы появляются все чаще. Гроций в своем трактате «De jure belli ac pacis» (1625 г.) уже высказывает мысль о необходимости между христианскими державами таких собраний, на которых споры между ними решались бы третьими, беспристрастными государствами, а также принимались бы меры для принуждения сторон к исполнению решений третьей державы. Французский король Генрих IV думал для предупреждения международной войны организовать из европейских государств одну великую христианскую республику, причем сейм из делегатов европейских правительств решал бы все распри. 100 лет спустя, в самый разгар династических войн, аббат Сен-Пьер представил Утрехтскому конгрессу свой «Projet de conclu pour rendre la paix perpetuelle entre les souverains chretiens» (Утрехт 1713 г.). Он думал соединить все европейские государства, не исключая и России, в один союз, подобный старой Германской Империи. Общий сейм — орган законодательной и судебной власти; общая конституция. По проекту Сен-Пьера международный союз

превращался в государственный и входящие в него государства теряли право распоряжаться своей судьбой. Проект этот нашел сочувствие у многих выдающихся мыслителей 18 века — Лейбница, Кондорсе, Ж.Ж. Руссо, Тюрго, Ад. Смита, Лессинга и др. Все они предполагали возможность установления вечного мира, но ожидали его осуществления скорее от духовного единения народов и солидарности экономических интересов, чем от создания особой политической комбинации. В конце 18 века являются знаменитые проекты вечного мира Бентама и Канта. Первый из них считал единственным средством от непрерывных войн — постоянный конгресс депутатов европейских держав. Конгресс этот для обеспечения и приведения в исполнение своих решений должен был иметь свое войско. Для предупреждения войн Бентам предлагал сокращение числа войск и освобождение колоний от метрополий. Таким же поклонником всемирной федерации был и Кант. Основное его положение заключалось в том, что вечный мир не пустая мечта, а та цель, к достижению которой человечество приближается хотя постепенно, но, по мере своего усовершенствования, все с возрастающей быстротой. Разум наш не говорит, что вечный мир будет осуществлен; это его не касается; но он говорит, что мы обязаны действовать так, как будто этот мир будет некогда достигнут.

Идеями, провозглашенными первой французской революцией, война осуждается, все люди признаются равноправными. Но очень скоро эта политика всеобщего мира заменилась политикой пропаганды своих идей при помощи вооруженной силы. Даже Наполеон I имел желание укрепить в Европе мир на основе общеевропейской федерации; но в конце должен был признать, что это была химера. Вот что по этому поводу говорит известный французский военный писатель Art. Roe, излагая, как он говорит, мысли генерала Драгомирова: «Некогда Монтескье сказал “La guerre est un effort de tous vers la paix”. Точная и прекрасная сама по себе, эта формула в свое время ничего не стоила; война тех времен — это была эндемическая болезнь, которая не останавливала мирных занятий; которая гораздо меньше имела целью восстановить общественную безопасность, чем выполнить виды личной политики, и которая пользовалась немногочисленными армиями, далекими от того, чтобы представлять собой “усилие всех”. Но Франция времен революции осуществила идею философа в грандиозных размерах: четырнадцать армий одновременно двинулись к границам с целью завоевать тот идеальный мир, который Франция хотела дать всему миру, но которого последний не принял. Интересно вспомнить то странное обстоятельство и те особенные последствия, которые повели к политическим

переменам, предпринятым во имя любви к роду человеческому. Воспевали свободу и в то же время насаждали дисциплину; еще не замолкли крики “да здравствует нация!”, как всей нации пришлось драться за свое существование, и условием последнего являлась беспрестанная, бесконечная борьба. Если это и не являлось последствием, которое философы ожидали от своих предложений, оно, во всяком случае, было неизбежным выводом из всего того, что они желали и, в известной мере, подготовили; грубая, бессмысленная сила, сорвавшись с цепи и кинувшись на весь мир, слишком скоро ответила на мирные заявления их мудрости, служа последней тем, что начала месить всю Европу, вливая французскую закваску в тесто старых государств.

Какое могло быть бедствие, если бы военная Франция не оказалась на высоте этой задачи! Но великие идеи рождаются в голове народа настолько великого, чтобы их завещать; не только встреченные затруднения не остановили поступательного движения истины, но сами принципы перешли в жизнь и сделались моральной силой, соединившейся с вооруженной силой. Это чудо заслуживает изучения, заставляет удивляться этим необыкновенным войскам и сделало из них истинного старшего брата современной французской армии, в которой собрана вся масса воли и знаний, разлитых в нации. Однако же революционные армии, благодаря своим успехам, в конце концов должны были восстановить тот самый принцип власти, против которого они сначала боролись; победы 1796 года создали Бонапарта; последний сам превратился в Наполеона. По мере того как росла эта фигура, революционная армия развивалась, сделавшись сначала консульской, а потом императорской; с 1805 года великий оборонительный инструмент делается просто орудием нападения в руках завоевателя.

Хорошо известно, как он злоупотреблял этим орудием. Известно, каким уклонением от своих первоначальных принципов, каким пренебрежением к источнику своей силы Наполеон по необходимости вызвал две национальных обороны; в Испании и в России, — где и нашел свою погибель, свое наказание. Моральных сил, так высоко его вознесших, теперь не оказалось; одного числа было уже недостаточно для этих армий без духа, руководимых простым повиновением, потерявших с ним внутреннюю связь с тех пор, как он стал их держать далеко от себя; сам он, увлекаясь предприятиями, превосходившими его средства, лишенный той интимной связи, которая только и превращает в одно целое волю начальника и деятельность солдата, боялся остановки своего счастья и бросался в предприятия очертя голову...

Однако же все дело Наполеона не могло погибнуть вместе с ним; встряска, которую он задал старому миру, была слишком сильна, чтобы сразу успокоиться, и Европа долго еще испытывала отдаленные, отраженные удары. Германия, в особенности, заботливо сохранила в себе воинственное возбуждение 1813 и 1815 годов; она знала, что нация может достигнуть объединения только посредством силы и что формирующиеся государства подобны тем пресыщенным растворам, которые, изменяясь вдруг в своем наружном виде и объеме, кристаллизуются, разбивая содержащий их сосуд. Войны 1866 и 1870 гг. были теми взрывами, которые обозначили перемену в германском политическом равновесии; в то же самое время объединение Италии осуществилось почти таким же образом. Нет нужды, что последнее было сделано нашими руками, а первое на наш счет: интересно в этих больших войнах признать отраженный удар наших революционных войн, и подобно тому, как у нас нация импровизировала армии, здесь победоносные армии создают нации.

Упрощение карты Европы есть плод этих войн, истинные усилия ко всеобщему миру. В то же самое время, благодаря прогрессу в установлениях, армия постепенно отождествляется с нацией, и все участники общественного договора становятся участниками вооруженной силы.

Таким образом, Европа, кажется, усвоила, с общего согласия, формулу, когда-то высказанную Монтескье, таким образом, начинающийся век если и не увидит континент окончательно умиротворенным, то увидит его по крайней мере единодушно признающим идеи национальной обороны и вооруженной нации. Россия, появившись позже всех в международном концерте, является страной, для которой благодаря ее традициям, эти две идеи особенно дороги; установилось замечательное согласие между принципами, впервые провозглашенными Францией времен Конвента в рациональной форме, и теми, которые исповедует Россия, благодаря своим традициям и религии. По счастью, именно Россия восприняла эти идеи войн Франции начала века и войн Пруссии 1866 и 1870 гг.; самое ее могущество является гарантией постоянства; ее вооруженная масса привлекает к себе другие вооруженные массы, которые обращаются вокруг нее, не сталкиваясь между собой. Все, наконец, позволяет надеяться, что Россия, закончив в настоящее время вековую эру, начатую революционной Францией, начнет новую? менее насильственную и более счастливую. Но что же останется от протекшего периода и чему можно из него научиться...»

Продолжателем традиций великого императора французов явился его племянник, Наполеон III, носившийся одно время с идеей вечного мира. В начале

XIX столетия эта идея проникла и в Россию. Малиновский в 1803 году доказывал, что все зло заключается в посланниках, которых надо упразднить, а кн. Платон Зубов составил фантастический проект раздела Европы, в котором Австрия совершенно упразднилась, а вся средняя Европа присоединялась к России. Творец священного союза, Император Александр I, имел в виду основанием европейской Пентархии дать прочные основы миру; державы высказали решимость «не отступать от строгого соблюдения принципов международного права» и обсуждать общие дела на особых съездах. Узкость интересов отдельных держав и полицейский характер съездов парализовали всю деятельность конгрессов.

Одновременно с этими практическими попытками все увеличивалось число проектов организации международного общества на началах представительства. Так, Швейцарский ученый Сарторий доказывал, что мир и развитие цивилизованных народов могут быть достигнуты только посредством учреждения международной комиссии, составленной из представителей правительств и народных собраний отдельных государств. Эдинбургский профессор Лоример в 1871 г. предлагал устроить ежегодные конгрессы уполномоченных от государств в Бельгии и Швейцарии для обсуждения и решения международных вопросов; по другому проекту его (1877 г.) международный конгресс должен заседать в Константинополе и состоять из палаты депутатов и сената; здесь же должен находиться и международный суд; в распоряжение их следует отдать международную эксекуционную армию. На представительстве государств основывает свой проект и Блюнчли. По его мнению, государства могли бы быть подчинены совету, в котором заседают лично государи и их уполномоченные, и сенату из депутатов от народных собраний; судебные дела должны решаться международным судом. Есть также анонимный проект царствовавшего Монарха для установления «Европейской империи цивилизации или синархии»; он предлагает три совета из выборных лиц: совет национальных церквей, национальных государств и национальных общин. Особый взгляд на возможность вечного мира проводится гр. Л. Толстым, желающим основать его на принципе непротивления злу насилием и распадаения государств.

Наконец, в 1898 году император Николай II через своего министра иностранных дел графа Муравьева обратился ко всем государствам с предложением собрать конференцию, которая выработала бы меры к сокращению вооружений государств. Приводим дословно циркуляр от 12 августа 1898 года,

который министр иностранных дел граф Муравьев вручил всем пребывавшим тогда в Петербурге иностранным представителям:

«Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений является при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств.

Взгляд этот вполне отвечает человеколюбивым и великодушным намерениям Его Императорского Величества Августейшего моего Государя.

В убеждении, что столь возвышенная цель соответствует существующим потребностям и законным вождениям всех держав, Императорское правительство полагает, что настоящее время весьма благоприятно для изыскания путем международного обсуждения наиболее действительных средств обеспечить всем народам истинный и прочный мир и, прежде всего, положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений.

В течение последних двадцати лет миролюбивые стремления особенно твердо укрепились в сознании просвещенных народов. Сохранение мира поставлено было целью международной политики. Во имя мира великие державы сплотились в могучие союзы. Для лучшего ограждения мира увеличили они в небывалых доселе размерах свои военные силы и продолжают их развивать, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

Однако усилия эти не могли пока привести к благодетельным последствиям желаемого умиротворения.

Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются и направляются на ложные пути.

Таким образом, по мере того, как растут вооружения каждого государства, они менее и менее отвечают представленной правительствами цели. Нарушения экономического строя, вызываемые в значительной степени чрезмерностью вооружений, и постоянная опасность, которая заключается в огромном накоплении боевых средств, обращают вооруженный мир наших дней в подавляющее бремя, которое народы выносят все с большим трудом.

Очевидным поэтому представляется, что если бы такое положение

продолжалось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избежать и пред ужасами которого заранее содрогается мысль человека.

Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков ныне высший долг для всех государств.

Преисполненный этим чувством Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи.

С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века. Она сплотила бы в одно могучее целое усилия всех государств, искренно стремящихся к тому, чтобы великая идея всеобщего мира восторжествовала над областью смуты и раздора. В то же время она скрепила бы их согласие совместным признанием начал права и справедливости, на которых зиждется безопасность государства и преуспеяние народов».

Результатом этого призыва явилась международная конференция в г. Гааге, выработавшая особую международную конвенцию и учредившая Международный третейский суд. Конечно, заслуга призыва и конференции огромна. Она приблизила человечество еще на несколько ступеней к тому идеалу вечного мира, который светит и манит с недостижимой высоты. Конечно, после учреждения Гаагского международного суда произошло много прискорбных международных споров и столкновений, участники которых оставались глухи и немы к призывам права и справедливости. Война буров с англичанами, испано-американская война, китайская война тому доказательство. Но есть и светлые факты в этом направлении, и даже в последние дни Венесуэльский вопрос стоит на очереди для решения его Третейским судом в Гааге.

В пользу вечного мира в настоящее время, помимо непрекращающейся деятельности конгрессов мира (которые собирают ежегодно), а также междупарламентских конференций (которых было 8), убеждения в возможности улажения споров третейскими судами и страха перед опустошениями будущей европейской войны, имеются следующие шансы: 1) все более разрастающаяся солидарность народов в экономическом отношении; 2) новые юридические начала, положенные в основу новых государств и уменьшающие простор династических и т.п. притязаний; 3) все более укрепляющийся «европейский

концерт», полной солидарности которого мешают два вопроса, могущие послужить причиной европейской войны, а именно вопрос Эльзас-Лотарингский и Восточный в широком смысле.

Франко-прусская война 1870–71 гг. нанесла сильнейший удар пропаганде мира. Вот что писал в «Times» Дж.Ст. Милль по поводу этой войны: «Если бы мы при взрыве этой последней войны решительно объявили, что каждый народ, нападающий на соседнюю страну, встретит врага в лице Англии, то, по всему вероятно, мы бы помешали войне и открыли бы новую эру в истории разрешения международных споров». Но война торжествовала. Изувеченная и приниженная Франция стала с тех пор мало чувствительной к общечеловеческим призывам и занялась исключительно мыслью о возмездии. Вечный мир не дал бы ей возможности смыть позор Седана. Но и германская империя, созданная кровью и железом, только на эти два фактора могла опираться в будущем; без них она не может рассчитывать ни на уважение, ни на сохранение отнятых у Франции территорий. Все те, кого она лишила областей, стали бы домогаться у международного трибунала восстановления своих прав. На учреждении такого трибунала в Гааге хотя и согласились все государства, но исполнять постановления его могут только те из них, совесть которых чиста. Отечество кн. Бисмарка едва ли с охотой примкнет к решению такого трибунала.

Миллионные армии под ружьем и постоянная возможность новых истребительных войн доказывают, однако, что одного культурного сближения и объединения еще недостаточно. Можно поэтому думать, что идея всемирной политической власти, хотя бы в совершенно иных, чем прежде, формах, имеет еще будущность.

С другой стороны, немало сторонников необходимости и неизбежности войны между государствами. Величайший философ древней Эллады говорит: «война — естественное состояние народов». Еще в Средние века идея вечного мира имела немало если не открытых противников, то беспощадных критиков, скептически относившихся к искателям мира на земле. Особенной известностью между последними пользуется английский философ Гоббс, которого до некоторой степени можно считать предтечей современного нам Ницше. Гоббс считал войну вечной необходимостью для рода человеческого. На его взгляд, «человечество — волчья порода, всегда готовая растерзать друг друга. Природа, — говорит он, — толкает все живущие существа в непрестанную борьбу. Злые нападают, добрые защищаются». Такого же мнения о войне был Вольтер, Руссо, Монтескье и др. По их мнению, борьба лежит в основе всего существующего; все силы природы

находятся в постоянной борьбе между собой, стремясь к созданию нового и более совершенного путем разрушения старого и отжившего. Таков закон природы. Человечество, составляя существенную часть природы, в своей жизни и деятельности подчиняется тому же закону, который здесь называется борьбой за существование и проявляет себя как в борьбе между отдельными личностями, выражаясь в выживании способнейших, так и между целыми обществами, народами и государствами, причем победителем выходит тот, кто лучше вооружен не только в смысле материальной силы, но и в смысле высшей культуры, кто более развит во всех отношениях. Завоевание древних государств Греции и Рима варварами по-видимому противоречит этому последнему заключению, но на самом деле завоеванные, в период завоевания, уже находились в крайней степени упадка своего могущества и, следовательно, не могли противостоять свежей силе варваров; с другой стороны, победители в конце концов оказывались побежденными в культурном отношении, что выразилось в постепенной ассимиляции их с побежденными. Они, т.е. варвары, постепенно подчинялись влиянию культуры побежденных и в конце концов совершенно с ними сливались. Таким образом, мы видим, что греки остались и до сих пор греками, римляне — римлянами; варвары же, их победившие, совершенно исчезли.

«Война, — по словам генерала Г.А. Леера, — может казаться исключительно злом только тем, кто смотрит на нее с узкой точки; кто из жизни народа выхватит только период войны, тот действительно увидит только кровопролитие и разрушение, гибель отдельных личностей и целых обществ. Но взгляните несколько шире на дело, возьмите период в жизни народа непосредственно перед войной и непосредственно после войны, с первого же взгляда станет ясно, какой громадный шаг сделал народ в деле внутреннего развития; вас поразит ряд реформ капитальной важности, непосредственно следующих обыкновенно за каждой войной». «Нет сомнения, — говорит он далее, — что желательно было бы на пути к цивилизации и улучшению материального благосостояния народов обходиться без войны. Сочувствуя этому стремлению и не отчаиваясь в том, что эта сегодняшняя мечта обратится в отдаленном завтра в факт, история всего человечества и даже простой взгляд на настоящее убеждают нас, что мы еще далеки от того периода, когда человечество найдет возможным отказаться от войны».

Вся история народов представляется в виде непрерывной войны; последняя является как бы их нормальным состоянием; а короткие промежутки

мира между длинными периодами войны как бы перемирием, которое тоже правильнее считать войной, потому что и здесь в основе международных отношений лежит не братская любовь и взаимное доверие, а страх и недоверие.

Итак, вечная война — вот что дает до сих пор история человечества, а не вечный мир, о котором, как мы выше видели, мечтают и хлопочут философы и моралисты.

Разумеется, что все эти доводы только показывают, что война была неизбежна в прошедшем. Но многие находят, что если война многое истребляет и разрушает, то многое и создает, прокладывает новые пути, по которым двигаются торговля и цивилизация, приводит народы в общение между собой. «Война, — по выражению одного философа, — для скрещивания и объединения рас есть то же, что подогревание для химического соединения двух или нескольких тел».

Подводя под деятельность мирного времени свои грозные итоги на полях сражений, война ярко выставляет все недочеты мирного периода и ускоряет преобразовательную работу. Германия после 1815 года, Россия после Крымской и Японской войн, Франция после войны 1870–71 гг. — вот примеры этому. Следовательно, война является, в данном случае, полезной двигательной силой.

Все вышеизложенное показывает, с одной стороны, что человечество, признавая войну общественным бедствием, не переставало стремиться к решению вопроса о вечном мире; с другой стороны, история государств неопровержимо доказывает, что вооруженные столкновения неизбежны в будущем между государствами как независимыми и правоспособными организмами.

Таким образом, можно считать доказанным, что война в будущем неизбежна. А раз война неизбежна, то необходимо иметь и вооруженные силы.

Вышеприведенный циркуляр русского правительства, обращенный ко всем государствам мира, ставит целью созываемой конференции: «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья», т.е. войну. Вторая из этих целей, как мы видели, едва ли может быть достигнута, хотя к ней, по мнению Канта, человечество, по мере своего усовершенствования, приближается постепенно все с увеличивающейся быстротой. Первая же цель, т.е. ограничение вооружений, должна быть и может быть достигнута, по нашему мнению, надлежащей организацией вооруженной силы государства, рассмотрение которой (т.е. организации) и составит предмет настоящего труда.

Вооруженная сила государства должна быть организована таким образом, чтобы, с одной стороны, она обеспечивала целостность и независимость государства, а

с другой, по возможности, менее отвлекала от естественного назначения духовные и физические силы народа, способствуя его просвещению и развитию его благосостояния и богатства.

Но для надлежащего усвоения такой организации вооруженной силы государства необходимо прежде познакомиться с историей организации вооруженной силы вообще, во все времена, у важнейших народов мира.

2. Организация вооруженной силы

Организация вооруженной силы в государстве представляет собой один из важнейших вопросов как военного быта, так равно и жизни государственной. В военном деле организация эта оказывает самое решительное влияние на доброкачественность армии, выставяемой в военное время, так как армия всецело зависит от качества материала, поступающего на ее образование. В государственной жизни та или другая система вооруженной силы оказывает огромное влияние как на внутреннее развитие, так и на рост политического значения государства.

Лучшей организацией вооруженной силы является та, которая дает возможность для ведения войны располагать всеми интеллигентными силами государства. Организация эта изменяется постепенно в зависимости от условий общественной жизни.

До сих пор двумя главными типами вооруженной силы являются милиции и постоянные армии. Первые всегда пополнялись по общеобязательной повинности, вторые же различным способом в зависимости от современного строя государства, от силы его правительства, смотря по тому, насколько оно было в состоянии требовать службы от всех или от части граждан.

Ввиду такого огромного значения комплектования вооруженной силы разберем подробнее способы этого комплектования в разные времена.

Вооруженный народ

В древние времена всякий свободный гражданин был вместе с тем и воином; кочевые народы поднимались и шли на новые места со своими семьями, причем в борьбе с встречными врагами принимали посильное участие все способные носить оружие. У народов, приобретших оседлость, уже замечается разделение труда: в поход выступают только отборные (legio в Риме) люди, наиболее годные к военной службе, тогда как прочие остаются дома для

обработки полей и ведения хозяйства. Но в минуту опасности и здесь все население вооружается для защиты своей земли. Право ношения оружия есть преимущество каждого свободного гражданина, он уже с малолетства постоянными упражнениями готовит себя к военному делу...

Дети римлян по достижении совершеннолетия поступали в военную службу, уже совершенно к ней подготовленные еще в детском возрасте. Этим объясняется могущество римлян времен республики, выказавшееся в борьбе их, например, с Ганнибалом. Несмотря на гений этого полководца, предводительствовавшего превосходно обученной постоянной армией карфагенян; несмотря на ряд страшных поражений в начале кампании, римляне в конце концов победили, уничтожили армию карфагенян благодаря единственно тому обстоятельству, что имели в населении безграничный источник обученных одиночному военному делу молодых воинов-граждан.

У древних германцев полные гражданские права (надел земли) приобретались молодым человеком только тогда, когда он докажет, что умеет владеть оружием.

Среди этих воинственных народов, считавших за право и за честь носить оружие, мы уже встречаем и определенные понятия о воинской повинности: у древнегерманских народов все способные носить оружие были обязаны выходить в поход в двух случаях: когда наступательный поход был решен на общем собрании народа или когда стране угрожало нападение; в частных же наступательных войнах и набегам, затевавшихся королями, герцогами и другими предприимчивыми лицами, принимали участие лишь одни охотники (antrustiones, Geleite, дружины удельных князей и т.п.).

У нас в России принцип обязанности всех граждан защищать страну от внешнего нападения существовал с самого основания русского государства, еще при начале княжеской власти. Причем для внешних войн собиралось ополчение со всего народа только с согласия этого народа; с известного числа граждан набиралось по одному человеку; а в случае общей опасности шло на войну поголовно все мужское население страны. Для личных же распрей между собой князья могли употреблять только свою дружину, состоявшую из людей, добровольно служивших князьям, за что последние давали дружинникам земли и поместья. Впоследствии дружинники эти получили название «дворян», «детей боярских», составлявших долгое время самую главную часть вооруженной силы князей.

Вооруженный народ или вооруженное племя древности, как система

образования вооруженной силы, характеризуется следующими особенностями:

1) Воинское воспитание здесь составляет существенную часть общего воспитания юношества, ведется с последним одновременно и нераздельно. Всякий гражданин был обязан военной службой, всякий старался усвоить военное дело по возможности лучше, чего легко было достигнуть при простоте этого дела у древних. Военное дело, как обеспечивающее независимость племени или народа, было для всех одинаково дорого, как и всякое другое национальное дело.

2) Воспитанное таким образом молодое поколение составляет неистощимый источник пополнения армий в военное время людьми, получившими отличную одиночную военную подготовку.

3) Так как право ношения оружия являлось преимуществом каждого свободного гражданина, то составленные из таких граждан-воинов армии отличались высокой нравственностью, патриотным, воинским духом.

4) Подготовка воинов ничего не стоила государству.

5) Воинская повинность равномерно и справедливо ложилась на все мужское население страны, способное носить оружие.

6) Вооруженная сила была чисто народная, а потому воины должны были выступать в поход или для защиты отечества от нападения, или в случае выраженного всем народом желания вести наступательную войну.

7) Так как в мирное время воины-граждане не были отвлекаемы от мирных занятий для обучения в составе крупных военных единиц, то с наступлением войны прежде всего являлась необходимость сплотить отряды, дать им боевую практику, а потому решительные результаты достигались весьма медленно и войны тянулись по нескольку лет.

Наемные войска

По мере того как народ делался оседлым и успевал устроиться на занятой земле, воинственность, охота к наступательным войнам у него исчезала; при отсутствии сильной государственной власти его правители должны были для образования армии прибегать к вызову охотников, которых они за обязательство военной службой награждали деньгами (вербовка) или еще чаще — землей (феодалная система). Только для обороны страны от внешнего врага правители имели право собирать поголовное ополчение.

В начале средневекового периода наиболее широкое применение получила феодальная система, так как при малом количестве денег, бывшем тогда в обращении, лишь богатые государства в состоянии были в широких размерах

применять вербовку. Но феодальная система оказалась вскоре совершенно ненадежной: вассалы короля, сделавшись весьма сильными, хотя и были обязаны являться на службу короля по первому его зову, но на самом деле редко исполняли это обязательство, а в некоторых случаях вступали в открытую борьбу с самим королем. При этом король не мог даже созвать ополчения народа, так как последний, находясь в подчинении непокорных вассалов, естественно, не мог идти против своих непосредственных господ.

Ополчение, впрочем, потеряло почти всякое значение с образованием армии из рыцарей, почему во Франции к созыву ополчения стали прибегать только в крайности; народ совершенно отвык от военной службы, и все меры, принимавшиеся к поднятию его воинственности, оставались тщетными. А потому когда королевская власть во Франции была восстановлена (в 14 в.) и имела возможность опираться на народ, то собранные ополчения оказывались никуда не годными. С другой стороны, с упадком рыцарства и дворянство французское всячески избегало военной службы; а потому вербовка являлась единственным надежным средством образования вооруженной силы. Способ этот существовал во Франции вплоть до революции; причем ввиду малой воинственности французов в армии их постоянно находилось много наемных швейцарцев, шотландцев и ирландцев. В Италии в Средние века население совершенно отстало от военной службы, и вооруженные силы получались исключительно путем вербовки. Слабость и ненадежность этих войск способствовала появлению в Италии отдельных лиц (Condottieri), собиравших и вооружавших на свой счет войско, с которым они или сражались за интересы какого-либо города, или вели войну за собственный риск, завоевывали себе земли, основывали самостоятельные государства. Появившись в первой четверти 14 в., кондотьеры стали особенно многочисленны и сильны в середине 15 в. Только с введением огнестрельного оружия и с постепенным падением рыцарства, когда пехота вновь стала приобретать большое значение, вновь начинают появляться милиции, которые в случае надобности созывались постепенно усилившимися правительствами отдельных государств.

Вместе с тем начали приходить в упадок и кондотьеры, которые постепенно исчезают в первой половине 16 века. Но и милиции, составленные из долго не воевавшего народа (как во Франции), оказывались очень слабыми в военном отношении, почему в дополнение к ним содержались еще и вербованные части.

В феодальных государствах Средней Европы, где дворян было гораздо

меньше, чем во Франции, и где население было беднее и менее изнежено, чем в Италии, правители (курфюрсты, герцоги и князья) чаще с большим успехом собирали народные ополчения; но и здесь ядром армии служили вербованные войска.

Вербовка первоначально всюду ограничивалась добровольным наймом охочих людей, причем она сначала производилась частными лицами, обязывавшимися собрать определенное число солдат, а впоследствии самим правительством. Но по мере увеличения армии, а следовательно и потребности в солдатах, а также с усилением правительственной власти (происшедшим благодаря тому же усилению армии) не ограничиваются наймом охотников, а насильно забирают в армии потребное число людей; таким образом, на население возлагалась уже воинская повинность, крайне тяжелая, несправедливая, потому что неравномерная...

В России с конца 15 в. появляются также наемные войска в виде стрельцов, расселенных по городам, полков иноземного строя (рейтарских, драгунских, солдатских). Те и другие пополнялись охочими людьми, а позже сыновьями стрельцов, драгун, рейтар и др. за известное жалованье, выдававшееся деньгами и натурой, а также и землями.

Из вышеизложенного мы видим, что наем или вербовка, как система комплектования вооруженной силы государства, имеет следующие свойства:

1) Она удобна для населения, потому что в войска поступают только охотники, плата которым может быть равномерно разложена на все население.

2) Военное воспитание и обучение уже не составляет части общего воспитания и обучения, а потому, при вербовке, остальное население остается неподготовленным к военному делу; да и люди, поступившие в войска по найму, уже в войсках обучаются военному делу. Рядом со школьным общим образованием существует военное обучение в войсках, как нечто особенное и даже чуждое общему образованию. Вследствие существования особых вербованных армий, так сказать специалистов, мастеров военного дела, остальное население потеряло всякий интерес к этому делу, совершенно сделалось к нему неспособным; с другой стороны, благодаря тому что вербованные войска состояли из всякого брода, иногда иностранцев и большей частью людей, чуждых народным интересам и ведущих себя враждебно по отношению населения, последнее, в свою очередь, также враждебно относилось к армии и ко всему военному. Поэтому военное дело не развивалось вместе с развитием населения, а падало.

3) Путем вербовки не всегда возможно набрать потребное число рекрутов, потому что охотников поступать в военную службу мало, и потому вербовка возможна только в странах, где много денег и много людей безземельных и бедных (Англия); в военное же время способ этот совершенно ненадежен.

4) Еще труднее путем найма образовать запас обученных людей в населении, который можно бы призвать под знамена в случае войны. Достигается это путем добровольного соглашения запасных и правительства за дорогую цену; а потому запас не может быть достаточен.

5) Так как наемщиками являются люди, не пристроившиеся к другим отраслям мирной деятельности, т.е. никуда не пригодные, или же искатели приключений, то общий нравственный уровень вербованных армий весьма низок, до такой степени, что телесные наказания являются почти единственным средством воздействия начальников на подчиненных. Разумеется, в таких армиях вера, отечество и тому подобные возвышенные понятия играли и играют весьма слабую роль. Малая нравственность таких армий выражается огромным числом побегов, сравнительно с армиями, комплектуемыми другими способами.

6) Вербованные армии стоят очень дорого. Для привлечения на службу охотников приходится платить очень дорого; в военное же время приходится прибавлять значительные премии. Например, во время Американской междуусобной войны премии эти достигали до 800–2000 долларов за 6-месячную службу. Сравнивая между собой цифры военных расходов, приходящихся на одного солдата различных армий, мы видим, что вербованные армии (в Англии и Соединенных Штатах Америки) стоили несравненно дороже других.

	Руб. золот.
США	1200
Англия	726
Германия	443
Франция	321
Австрия	301
Италия	282
Россия	180

Таким образом, хотя расход на наем войск и может быть равномерно разложен на население, но зато он гораздо больше, чем при других способах комплектования.

7) Армии наемные, составленные часто из подданных других государств и из различных племен и народов, разумеется, не имели и не могут иметь ничего общего с народом. Следовательно, такие армии часто являлись государством в государстве и способствовали ведению войн из-за личных распрей владетельных особ, сплошь и рядом в ущерб народным интересам и благосостоянию.

8) В тактическом отношении армии наемные породили массивные боевые порядки, позиционные войны, т.е. преобладание обороны над атакой, отсутствие резервов и т.п., и все это из боязни, как бы солдат не убежал.

Общеобязательная воинская повинность

Стремление к упорядочению воинской повинности и к облегчению ее для населения в Западной Европе раньше всего сказалось и практически было осуществлено в Пруссии, где в 1733 г. при короле Фридрихе-Вильгельме I была введена так называемая кантональная система пополнения вооруженной силы. Заключалась она в следующем: каждому полку был отведен свой округ (canton), из которого он получал часть своих рекрутов, которые после годичного обучения увольнялись в запас; привилегированные классы по-прежнему были освобождены от повинности. Главная масса солдат, содержащихся в мирное время, вербовалась по-прежнему за границей; а в военное время, когда этот источник иссякал, призывались люди запаса. Особый кантон был назначен каждому пехотному и кавалерийскому полку, а равно и артиллерии; полковой же кантон делился на ротные или эскадронные участки.

Все молодые люди кантона вносились в списки, чем определялась принадлежность их к полку или роте; они имели полковые внешние отличия, получали паспорта от своих рот или эскадронов, при приобщении Св. Тайн приносили присягу, были подсудны судебной власти полка и могли переходить из кантона в другой не иначе как с разрешения соответствующих властей. Обязанности по набору, ведение списков и т.п. лежали на командирах рот или эскадронов. В общем, эта «кантонная» система представляла важный шаг к введению общеобязательной воинской повинности. Эта система сохранилась и при Фридрихе Великом, который придавал ей весьма важное значение, находя, что «благодаря ей армия сделалась бессмертной, так как получала всегда текущий источник, из которого могла постоянно обновляться».

Во Франции вербовка сохранилась в прежнем виде до великой революции; в дополнение к ней уже с 1688 года практиковался набор рекрутов в полки милиции; но этот набор производился пристрастно. Все это изменилось с началом

революции: чем более тяжелому гнету подвергался до того народ, тем больше была жажда свободы; чем тяжелее и ненавистнее ему была воинская повинность, составлявшая при вербовке чужеродный болезненный нарост на народном теле, тем сильнее было желание от нее освободиться. Поэтому понятно, что одним из первых актов республиканского правительства явилась полная отмена всякой воинской повинности с тем, чтобы армия пополнялась исключительно охотниками (1789 г.). Но охотников явилось мало, армия была в некомплекте, а Франции угрожала война с европейской коалицией; волей-неволей пришлось снова прибегнуть к обязательной поставке рекрутов, объявив в 1793 году сначала призыв 300 000 рекрутов, а затем и *levee en masse* всех людей 18–25 летнего возраста, что и дало возможность в следующем году довести армию до 750 000 человек, цифры давно уже невиданной.

Наконец, в 1798 году во Франции окончательно введена воинская повинность, общеобязательная для всех граждан, под названием конскрипции. Путем конскрипций пополнялись громадные армии республики и империи: всего с 1792 по 1815 год Франция выставила около 4 000 000 солдат. Но эти чрезвычайные усилия сделали опять эту повинность ненавистной населению, так что после реставрации Бурбонов она была отменена и после различных и неудачных попыток ввести что-либо иное, в 1872 году, после прусского погрома, во Франции снова возвратились к общеобязательной и личной воинской повинности.

В Пруссии, по примеру Франции, в 1815 году тоже окончательно введена система всеобщей и личной воинской повинности, причем с целью облегчения населения и образования значительного запаса обученных людей срок действительной службы был сокращен до трех лет, после которых следовало перечисление в запас на 16 лет, а именно: на 2 года в резерв, на 7 лет в ландвер 1-го призыва и на 7 лет в ландвер 2-го призыва.

Для того чтобы при столь кратких сроках действительной службы части войск не потеряли своей сплоченности и чтобы обучение могло идти успешно, тогда же приняты были две важные меры:

- 1) Части войск стали получать комплектование из той местности, в которой они квартировали, благодаря чему они составлялись из земляков, и
- 2) приняты меры к улучшению состава унтер-офицерского кадра привлечением унтер-офицеров на сверхсрочную службу.

Принятая Пруссией система кратковременного обучения людей, увольняемых затем в запас, многочисленность которого позволяла значительно

усиливать армию при мобилизации, являлась дальнейшим развитием прежней кантональной системы.

Пруссия первая, уже в начале прошлого столетия, решила ввести у себя столь краткие сроки службы; пользуясь затем 50-летним миром, она усердно работала над усовершенствованием своей системы, над устранением из нее недостатков, первоначально ей присущих, и достигла в конце концов столь блестящих результатов, что все остальные государства Европы должны были признать превосходство устройства ее армии и должны были последовать ее примеру.

У нас в России при Петре Великом стрелецкие приказы упразднены, солдатские полки почти все распущены, а комплектование армии, сделавшейся регулярной (не поселенной), основано на воинской повинности всего народа, на поставке даточных людей, с 1705 года называвшихся рекрутами. Главные основания этой воинской повинности заключались в том, что все население государства было обязано отбывать воинскую повинность, преимущественно же дворянство, обязанное служить пожизненно за право пользования пожалованными его предкам поместьями. Но при последующих государях дворянство и другие высшие сословия постепенно были освобождены от военной службы, состав армии постепенно ухудшался вследствие того, что в военную службу начали отдавать в наказание порочных членов общества, и в конце рекрутской системы армия состояла почти исключительно из таких элементов, а следовательно, вовсе не отличалась высокими нравственными качествами.

Лишь с отменой крепостной зависимости крестьян, в царствование императора Александра II, явилась возможность и у нас ввести всеобщую воинскую повинность в 1874 году на основаниях, почти одинаковых с действовавшими в то время в Западной Европе.

Главные основания общеобязательной повинности в главнейших государствах Европы заключаются в следующем:

1) Вооруженные силы государства состоят из постоянных войск и ополчения. Постоянные войска содержатся постоянно на службе и разделяются по своему назначению на различные категории, а именно: а) армия, пополняемая ежегодными призывами новобранцев; армия является кадром, в котором постоянно служит только известный % лиц, обязанных службой; войсковые части армии служат школой для всех остальных военнообязанных в государстве; они являются резервуаром, принимающим в себя в случае войны всю массу лиц, прошедших и не прошедших ряды войск к получивших или не получивших в них

свое военное образование. Вся эта первая масса (обученных) увольняемых из войск до выслуги общего срока службы образует так называемый б) запас армии.

Ополчение имеет своим назначением в случае войны помогать постоянной армии, заменяя ее в тылу и внутри государства. Ополчение состоит из громадного, как увидим ниже, числа лиц, не попавших в постоянную армию, малообученных, а в большинстве вовсе не обученных военному делу.

2) Воинская повинность считается общеобязательной. Всякий гражданин, неопороченный по суду, обязан служить в военной службе.

3) Воинская повинность есть личная, т.е. не допускающая ни найма за себя, ни замены.

4) Срок службы принят: общий от 12 (Австрия) до 25 (Франция) лет; причем в действующих войсках от 2 (в некоторых западных государствах) до 5 (в России) лет и в запасе от ___ (Австрия) до 22 (Франция) лет.

5) В состав вооруженной силы государства входит все мужское население, способное к службе, в возрасте от 17 (21) до 39 (46) лет.

б) Для чинов, уволенных в запас до прослужения общего срока службы, чтобы они не забыли военного дела, а также для лиц, вовсе не находившихся в постоянных войсках, во всех государствах установлены кратковременные учебные сборы.

Итак, сущность всеобщей воинской повинности, принятой и действующей ныне в главнейших европейских государствах, заключается в том, что в каждом государстве в мирное время содержится «кадровая» постоянная армия, в которой офицеры и высшие начальники служат постоянно, образуя главную составную часть кадра армии; для них военная служба — постоянное, профессиональное занятие. Остальной состав — солдаты — переменный; а именно, все молодые люди, достигающие призывного возраста (20–21 года), поступают в армию на 1, 2 до 5 лет, обучаются военному делу, а затем увольняются в запас армии, в котором состоят до 43–46 летнего возраста. Если бы такая система действовала в каждом государстве в полной мере, т.е. если бы через ряды армии действительно проводился весь контингент молодых людей, достигающих призывного возраста, то такая система вполне обеспечивала бы обучение военному делу всего мужского населения государства; она, следовательно, давала бы возможность иметь, в случае войны, неистощимый источник пополнения действующей вооруженной силы, т.е. представляла бы, действительно, «вооруженный народ», этот идеал, к которому стремятся все государства и который один отвечает требованиям вооруженной силы, обеспечивающей целость и независимость

государства.

На самом деле это далеко не так. На самом деле во всех государствах существует масса исключений в этой системе, обусловленных неизбежной необходимостью...

Таким образом, дорогостоящая система не достигает главной цели — она не даст военного обучения всему мужскому населению страны.

Сравнивая существующую систему воинской повинности с прежде действовавшими системами образования вооруженной силы, мы видим:

1) Хотя военная служба, в принципе, и признана общеобязательной, но воинское воспитание, подобно тому как в период вербовки, не составляет существенную часть общего воспитания юношества, ведется от последнего совершенно отдельно и в таком возрасте (от 21–25 лет), когда облик человека уже вполне определился домашним или иным воспитанием и когда переучивать человека очень трудно, в особенности когда он вовсе необразован, как большинство наших солдат. Да и такому воспитанию в армии подвергаются далеко не все, как того требует принцип общеобязательности.

Военное дело, составляя, таким образом, нечто особое, чуждое общему образованию, отнимая из населения цвет его в самую критическую пору развития человека, непонятное для всего населения, по-прежнему далеко не пользуется надлежащими симпатиями населения, по-прежнему считается тяжелой повинностью. А потому в развитии этого дела никто в населении, кроме горсти военных, по профессии — офицеров, не заинтересован. Напротив, на каждом шагу, не только в народе, но и в интеллигенции, проявляется глухое противодействие этому развитию, глухая вражда против всего военного. Вся забота о военном образовании, как и при вербовке, возложена на военное ведомство.

2) Вследствие того что через ряды постоянной армии проводится только 1/2 молодых людей, число обученных военному делу, годных для войны людей составляет всего около 10 % всего мужского населения страны. Остальное число необученных является сырым материалом, который в случае долговременной войны (каковая особенно возможна в России) едва ли окажется хорошим элементом вооруженной силы. Вследствие же возможности продолжительной войны, когда все обученное военному делу так или иначе оставит ряды армии, главную составную часть ее будет составлять это не обученное военному делу большинство. И, конечно, результаты такого порядка вещей могут быть весьма плачевны.

3) Благодаря тому что к отбыванию воинской повинности призвано в принципе все неопороченное мужское население страны, нравственный уровень современной вооруженной силы является очень высоким и находится в полном соответствии с уровнем образования и цивилизации страны.

4) Воинская повинность, несмотря на признанный и положенный в ее основу принцип всеобщности, ложится неравномерно на все мужское население: одни попадают в постоянную армию и в течение 4–5 лет несут тяжелую службу; другая же половина (в других странах 3/4), зачисляясь в ополчение, или совсем не несет службы, или несет ее только в течение кратковременных учебных сборов. Тяжесть повинности усугубляется еще тем обстоятельством, что, отвлекая из населения самые здоровые элементы в пору жизни вступления в брак, она оказывает решительное влияние на возрастание и физическое здоровье населения. Население делается более хилым и % родившихся уменьшается не вследствие одних только потерь во время войны, но вследствие того, что в браки вступают главным образом хилые элементы.

5) Благодаря тому что постоянная армия нынешнего времени постоянно находится на службе, солдаты должны проводить наибольшую часть времени или в казармах, или в лагерях, т.е. в обстановке, совершенно отличной как от домашнего быта, так и от условий военного времени. Отсюда происходят одинаково пагубные последствия, с одной стороны, для населения, с другой — для войны.

В социальном отношении существующая система воинской повинности, обуславливающая содержание солдат в казармах в течение наибольшего времени отбывания этой повинности, дает такие опасные результаты, которых нельзя игнорировать. Вот что по этому поводу говорил во французской палате 25 ноября 1895 года депутат Ж. Делафосс: «Я считаю всеобщую воинскую службу, подобно принятой у нас, самой злейшей причиной общественного разлада и национального упадка. Я глубоко убежден в том, что если мы позволим этой службе производить еще 20 лет опустошения, которые ею только начаты, то у нас не останется ни общества, ни армии. От народа останется только пыль без связи, без дисциплины. Настоящая военная служба отучает тысячи молодых людей от той среды, где они выросли, от занятий, к которым их приучали, от простой и прямой жизни, которой они предназначены были жить; и когда после постоянного трехлетнего подавления личности служба возвращает их в общественную жизнь, то они теряют к ней всякий вкус. Многие из них привыкают к жизни в городе: многие стремятся жить в городе и действительно там остаются с тем, чтобы

сделаться работниками без работы, служащими без места, увеличивая число недовольных и бездомных. И таким путем города все наполняются, а деревни пустеют. Это нарушение равновесия мне кажется большой опасностью для настоящего времени. Я скажу без колебаний, что постоянную военную службу я считаю одним из самых могущественных агентов комплектования социалистов-революционеров».

Очевидно, оратор смотрит на положение слишком мрачно. Однако же положение, им нарисованное, производит весьма тяжелое впечатление и безусловно верно в отношении запустения деревни. Настоящая служба слишком коротка для того, чтобы сделать хорошего старого солдата, и слишком длинна для того, чтобы человек сохранил воспоминания о родной деревне и желание поскорее туда возвратиться. В смысле подготовки к войне жизнь в казармах, изнеживая солдата и отучая от перенесения трудов и лишений деревенской жизни, prepares для войны элемент далеко не доброкачественный, т.е., другими словами, казарменное содержание войск не prepares к лишениям войны, а отучает от этих лишений наш простой народ.

6) Содержание постоянных громадных армий в мирное время, служащих кадром для армии военного времени и военной школой для подрастающих поколений, обходится государствам до такой степени дорого, что некоторые из них уже переживают финансовый кризис, заставляющий их сокращать расходы на армию, другие же близки к такому кризису.

7) Настоящая воинская повинность далеко не обеспечивает армии офицерами на случай большой и долговременной войны.

Из предыдущего краткого обзора различных систем вооруженной силы у различных народов, от древнейших времен до настоящего времени, можно прийти к заключению, что военная система, как и способ ведения войны, имеет постоянно изменяющуюся форму. Она нуждается в преобразованиях, и опыт учит, что своевременные реформы влияют на нее оживляющим и укрепляющим образом. Если Наполеон говорил, что тактику следует менять через каждые десять лет, то справедливо прибавить, что через известные промежутки времени необходимо изменять и военную систему. Последняя должна быть всегда согласована не только с учением тактики и стратегии, но и с общими условиями народной жизни.

Всеобщая воинская повинность, введенная у нас в 1874 году, просуществовав около 30 лет, обнаружила свои слабые стороны, указанные выше, и потому нуждается в изменении и обновлении.

В свое время существующая военная система была, бесспорно, крупным шагом вперед по пути исторического развития. Но за 30 лет жизнь шагнула еще дальше, и необходимость перейти от существующей системы воинской повинности к какой-либо более совершенной уже становится неизбежной не только на Западе, но и у нас.

Статья написана в 1902 г., опубликована в 1917 году. Окончания не последовало в связи с прекращением издания журнала «Военный сборник».

А. МЕДВЕДЕВ

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 256 с.
- Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии. — СПб., 1885. — 215 с.
- Бобровский П.О. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет. 1642–1892. — СПб., 1893–1898. — Ч. 1–5.
- Бобровский П.О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях. — СПб., 1887. — 305 с.
- Военная энциклопедия. — СПб., 1911–1915. — Т. 1–18.
- Военный энциклопедический лексикон. — СПб., 1852–1858. — Т. 1–14.
- Волгин А.М. Об армии. — СПб., 1907. — 128 с.
- Геруа А. После войны об армии. — СПб., 1906. — 285 с.
- Дитмар С.Ф. Армия и самодержавие. — Харьков, 1908. — 27 с.
- Драгомиров М.И. Избранные произведения. — М.: Воениздат, 1958. — 687 с.
- Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. — М.: МГУ, 1952. — 370 с.
- Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. — М.: Мысль, 1973. — 351 с.
- Медведев А.И. Военная статистика России. Теория статистики. Военно-статистическое обозрение России / Вып. 1. — СПб., 1913. — 246 с.
- Медведев А.И. Русская вооруженная сила будущего // Военный сборник. — 1917. — № 6. — С. 1–40.
- Милютин Д.А. Дневник, 1873–1882. — М., 1947–1950. — Т. 1–4.
- Модль Г.А. Государственная оборона // Военный сборник. — 1914. — № 7–9.
- Мысли об организации Русской Народной Армии. Вып. 1. — М., 1875. — 285 с.
- Обручев Н.Н. О вооруженной силе и ее устройстве // Военный сборник. — 1858. — № 1. — С. 16–56.
- Очерк деятельности военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича, 1881–1890. — СПб., 1892. — 323 с.
- О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю.А. Галушко, А.А. Колесников; Под ред. В.Н. Лобова. — М.: Воениздат, 1990. — 368 с.
- Пестель П.И. РУССКАЯ ПРАВДА или Заповедная Государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования

- Государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного Верховного правления. — 1906. — 244 с.
- Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907–1916 г. — М.: В.В.Р.С., 1924. — 240 с.
- Прокофьев Е.А. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. — М.: АН СССР, 1953. — 313 с.
- Разложение армии в 1917 году. Центрархив. 1917 год в документах и материалах. — М.; Л.: Госиздат, 1925. — 17 с.
- РУССКАЯ ВОЕННАЯ СИЛА. История развития военного дела от начала Руси до нашего времени. Изд. 2-е. А.Е. Периогова. Исправленное и дополненное под ред. члена Военно-ученого комитета Главного Штаба, Генерального Штаба генерал-майора А.Н. Петрова. — М., 1897. — Т. 1–2.
- Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. — М.; Л.: Госиздат. 1927. — Т. 1–2.
- Столетие военного министерства, 1802–1902. — СПб., 1902–1906. — Т. 1–13.
- Столетие военного министерства, 1802–1902. Конспекты исторических очерков столетия военного министерства / Главный редактор генерал-лейтенант Д.А. Скалон. — СПб., 1906. — 1201 с.
- Сухомлинов В.А. Воспоминания. — М.; Л., 1926. — 334 с.
- Шестаков Г.А. Русская военная книга. Био-библиографический указатель / Русские военные писатели и их труды от Петра I до наших дней. М., 1946. — 167 с.
- ВОЕННАЯ РЕФОРМА / Сборник статей. Издание «Военного голоса» — СПб., 1906. — 130 с.
- История русской армии и флота. Роскошно иллюстрированное издание. — М., 1911–1913. — Т. 1–15.